

Минобрнауки России
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Том 2 № 3 (7) 2016

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Л. Б. Парфенова, доктор экономических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
З. В. Брагина, доктор технических наук, профессор, МУБиНТ (Ярославль, РФ)
Л. А. Карасева, доктор экономических наук, профессор, ТвГУ (Тверь, РФ)
И. Ю. Киселев, доктор социологических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
И. А. Григорьева, доктор социологических наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)
Г. А. Ключарев, доктор философских наук, профессор, Институт социологии РАН (Москва, РФ)
А. И. Василевский, кандидат экономических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. Г. Антонова, доктор педагогических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
И. А. Стернин, доктор филологических наук, профессор, ВГУ (Воронеж, РФ)
М. В. Шаманова, доктор филологических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Л. Б. Парфенова, доктор экономических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Члены редколлегии:

И. Ю. Киселев, доктор социологических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

М. В. Шаманова, доктор филологических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Ф. Н. Завьялов, доктор экономических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Ответственный секретарь:

А. А. Кострова, кандидат экономических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

РЕДАКЦИЯ

Адрес: ЯрГУ, ул. Советская, д. 14, г. Ярославль, 150003, Россия

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Тел.: +7-980-650-81-40 (Кострова Алла Анатольевна)

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation
P. G. Demidov Yaroslavl State University

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

Volume 2 № 3 (7) 2016

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL COUNCIL

Lyudmila B. Parfenova – P. G. Demidov Yaroslavl State University, (Russia)
Zinaida V. Bragina – Yaroslavl International Business and New Technologies Academy (Russia)
Ludmila A. Karaseva – Tver State University (Russia)
Igor Yu. Kiselev – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)
Irina A. Grigorieva – St. Petersburg State University (Russia)
Gregory A. Klyucharev – Institute of Sociology RAS (Russia)
Albert I. Vasilevskiy – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)
Lyubov G. Antonova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)
Joseph A. Sternin – Voronezh State University (Russia)
Marina V. Shamanova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD

Editor-In-Chief:

Lyudmila B. Parfenova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

The editorial board:

Igor Yu. Kiselev – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Marina V. Shamanova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Fedor N. Zavyalov – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Editorial Board Secretary:

Alla A. Kostrova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL OFFICE CONTACTS

Mailing Address: Sovetskaya str. 14, Yaroslavl, Russia, 150003

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7-980-650-81-40 (Alla Anatolyevna Kostrova)

16+

© P. G. Demidov Yaroslavl State University, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

- Акатов Н. Б., Брюханов Д. Ю., Сафонов А. В.,**
Развитие стратегических компетенций предприятия на основе систематизированных моделей бизнеса..... 159
- Лифанова Е. И.**
Реализация инновационного проекта в системе стратегического управления компанией..... 171
- Кекелева С. В.**
Мегапроект как инструмент реализации инновационного подхода в социально-экономическом развитии России 178
- Пугачев А. А.**
Реализация контрольной функции в управлении налоговым потенциалом региона..... 187

СОЦИОЛОГИЯ

- Киселев И. Ю., Смирнова А. Г., Храброва К. Г.**
Общественная поддержка лидера: как граждане структурируют внутривнутриполитические потери в сфере внешней политики..... 195
- Соколов А. В., Фролов А. А.**
Динамика развития субъектов, институтов и механизмов публичной политики в Ярославской области 205
- Албегов Ф. Г.**
Социальная группа добровольцев: критерии выделения и практика формирования 212

ФИЛОЛОГИЯ

- Карпачева Т. С.**
«Высочил шутом на всю Европу»: особенности изображения лорда Редстока в творчестве Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и В. П. Меццерского..... 217
- Колтышева Е. Ю., Смирнова Д. А.**
Окказиональные антропонимы в произведении Р. Даля «Чарли и Шоколадная фабрика» 223
- Стернин И. А.**
Семантика слова вежливый в возрастном языковом сознании..... 227
- Шаманова М. В.**
Психолингвистическое описание семантики слова «общение» в языковом сознании школьников 230
- Шарова Я.Е.**
Религиозные взгляды героев как объект изображения в исторических романах М. Н. Загоскина 236

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 66187 от 20.07.2016 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 31978. Формат А4. Объем 86 с. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ № 00000. Дата выхода в свет 22.09.2016.

CONTENTS

ECONOMICS

Akatov N. B., Bryukhanov D. Ju., Safonov A. V.

Enterprise Strategic Competences Development on the Basis of the Systematized Business Models 159

Lifanova E. I.

Implementation of the innovation project in company's strategic management system..... 171

Kekeleva S. V.

Megaproject as a tool for the implementation of an innovative approach in the socio-economic development of Russia..... 178

Pugachev A. A.

Realization of the control function in management of the regional tax potential 187

SOCIOLOGY

Kiselev I. Ju., Smirnova A. G., Hrabrova K. G.

Leader and Pubic support: How Citizens Structure Political Costs in the Niche of Foreign Policy 195

Sokolov A. V., Frolov A. A.

Dynamics of development entities, institutions and public policy mechanisms in the Yaroslavl region..... 205

Albegov F. G.

Social volunteer group: the selection criteria and practice of formation..... 212

PHILOLOGY

Karpacheva T. S.

«Stood out as a fool to the whole of Europe»: features image of Lord Radstock in the works of F. M. Dostoevsky, N. S. Leskov and V. P. Meshchersky..... 217

Koltysheva E. Y., Smirnova D. A.

Literary proper names in R. Dahl's «Charlie and the Chocolate Factory»..... 223

Sternin I. A.

Semantics of the word polite in age language consciousness 227

Shamanova M. V.

Psycholinguistic description of word «communication» semantics in language consciousness of schoolchildren 230

Sharova Y. E.

Religion views of characters as the object of image in Zagoskin's historical novels 236

Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

ЭКОНОМИКА

УДК 65.012.32

Развитие стратегических компетенций предприятия на основе систематизированных моделей бизнеса

**Н. Б. Акатов¹, Д. Ю. Брюханов²,
А. В. Сафонов³**

¹Пермский национальный исследовательский политехнический университет

²Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

³Центр экспертных программ Всероссийской организации качества

E-mail: alex@rmc.edu.ru, bruch@uniyar.ac.ru, anatoly.safonov@gmail.com

Научная статья

В статье представлен анализ опыта применения российскими промышленными предприятиями систематизированной модели «Совершенство» (EFQM) и обосновывается целесообразность ее применения для целей развития стратегических компетенций предприятия. Выводы авторов базируются на анализе тенденций применения предприятиями систематизированных моделей в мировой практике и реальных отчетах по менеджменту группы российских предприятий как участников конкурсов на европейском, федеральном и региональном уровнях за период времени, начиная с 2010 года. В статье обосновывается предположение, что наряду с организационной зрелостью, предприятие должно развивать компетенции готовности к инициированию и реализации сложных проектов организационного развития – «риск-аппетита». При этом уровень данной компетенции предлагается оценивать с использованием инструментария модели EFQM. В работе представлена группа предприятий, которая за предшествующий период продемонстрировала позитивную динамику перехода на более высокие уровни организационной зрелости, что дает основания с большей уверенностью утверждать об их готовности профессионально применять модель, с большей эффективностью используя ее методологический потенциал, сокращая сроки освоения модели и имея большие гарантии получения синергетических эффектов.

Enterprise Strategic Competences Development on the Basis of the Systematized Business Models

**N. B. Akatov¹, D. Ju. Bryukhanov²,
A. V. Safonov³**

¹Perm National Research Polytechnic University

²P. G. Demidov Yaroslavl State University

³Expert Programs Center of the Russian Organization for Quality

Scientific article

The article presents the analysis of experience of application by the Russian industrial enterprises of the systematized Excellence model (EFQM) and its expediency for development of strategic competences of the enterprise. Conclusions of the authors are based on the analysis of tendencies of the systematized models application either in world practice or existing reports on management of a group of Russian enterprises participating in a number of competitions at the European, federal and regional levels, since 2010. The justified assumption is made that along with organizational maturity, the enterprise has to develop competences for initiating and implementing difficult projects of organizational development – «risk – appetite». The level of this competence is offered to be estimated with use of tools of the EFQM model. The article illustrates a group of companies which for the previous period showed positive dynamics of transition to higher levels of an organizational maturity that gives well grounded confidence to claim about their readiness to professionally apply the model. This decision ensures higher efficiency by using its methodological potential, reducing the terms of model development and providing bigger warranties of future synergetic effects.

Ключевые слова: промышленное предприятие; стратегические компетенции; систематизированная модель бизнеса; уровень организационного совершенства; риск-аппетит организации

Keywords: industrial enterprise; strategic competences; the systematized business model; level of organizational excellence; risk - appetite of the organization

Введение

Создание промышленных предприятий, способных устойчиво удерживать конкурентное превосходство, адекватно и быстро реагирующих на вызовы рынка, обоснованно связывается с их организационным развитием и может быть отнесено к магистральному направлению современных исследований в области экономики и управления. Наука и практика дают представления о таких организациях, например: «интеллектуальная организация» [1], «рефлексивное предприятие» [2], «обучающаяся организация» [3], «компания – создатель знания» [4], «саморазвивающаяся организация» [5], «совершенная организация» [6] и другие, которые известны не только фактами успешной реализации стратегий развития, но и способностью воспроизводить новую организационную основу стратегической восприимчивости и результативности.

С другой стороны, «экономические условия в целом принципиально отличаются от тех, что формировали мышление предпринимателей в период Великой депрессии. Тогда компании могли оставаться в индексе S&P по 50 лет и более. Теперь этот срок снизился в среднем до 20 лет и продолжает сокращаться» [7], «золотой» компании, постоянно переигрывающей рынка, – не было и нет. Это миф» [7]. Большинство компаний, ушедших из мира бизнеса, не выдержали конкуренции, были слишком медлительны и неповоротливы, поглощены другими более сильными или, говоря Шумпетеровским языком, не имели лидеров – инноваторов, способных принять вызов времени, осознать сущность перемен и овладеть механизмом «созидательного разрушения» [8].

Тем не менее работа по «открытию организаций будущего» [9] не только не прекращается, но и набирает все большую интенсивность. Представляется, что наиболее четко выраженное владение такими компетенциями должно быть у «совершенной организации» [6], представление о которой введено современными моделями Совершенства. Вместе с тем применение моделей Совершенства в российских условиях вызывает многочисленные вопросы об их адекватности и практической полезности. Имеются упреки в увлеченности очередной модной «западной игрушкой» и в формальном копировании всего того, что связано с применением данных моделей. В настоящей статье предпринята попытка формирования подхода к научному осознанию уже сформировавшегося опыта и ответа на вопрос о методологической обусловленности применения моделей Совершенства российскими предприятиями и перспективах такой деятельности.

Бизнес моделирование и бизнес-модель

Любые попытки исследователя или менеджера разобраться в том, что происходит в организации, сопряжены с формированием разнообразных представлений, обликов, смыслов, отражающих те или другие аспекты организации, т. е. менеджмент создает модели своей организации. Понимая под моделью «специально синтезированный для удобства исследования объект, который обладает необходимой степенью подобия исходному, адекватный целям исследования, сформулированным субъектом или лицом, принявшим решение относительно исследования системы» [10], мы используем ее как интерпретацию реальности до тех пор, пока не будет найдена лучшая интерпретация. Значит, всегда возникает задача лучшей интерпретации реальности, а для этого важно знание опыта и методологии построения моделей – моделирования. Моделирование – деятельность по проведению экспериментов и изучения сложных объектов на основе некоторой системы – модели, которая является подобием системы – оригинала.

Актуальность применения моделей в бизнесе особенно возрастает при рассмотрении инновационных аспектов деятельности предприятия. Известен ряд исследований, доказывающих приоритетность вектора «бизнес-модель» в конкурентном успехе, а актуальность создания инновационной бизнес-модели возрастает, что

подтверждается лавинообразной интенсивностью публикаций по данной проблеме. По степени возрастания потенциального влияния инноваций на результативность деятельности организации приоритет все больше отдается коренным преобразованиям в модели бизнеса. Общее резюме по данному вопросу удачно выражено выдающимся предпринимателем, вторым самым богатым человеком Японии (Акира Мори): «Мы должны заново изобретать самих себя, отвечая на меняющиеся времена инновационными бизнес-моделями».

Таким образом, сама концепция «бизнес-модель» предназначена, с одной стороны, справиться со сложностью и неопределенностью, с другой – создание модели всегда представляет собой творческий процесс, в котором исключительное значение приобретают субъектные особенности, проявляющиеся в многообразии различных моделей системы, а «стремление ее формализовать выливается в обилие представлений о ней» [10]. Таким образом, модели дают способ видения организационной жизни предприятия и формирования подходов к ее изменению. Если по аналогии с общепринятой установкой в управлении процессами «не измеряешь – значит, не управляешь» посмотреть на проблему применения моделей, то можно сделать вывод, что «не моделируешь – значит, не сможешь понять суть происходящего и разработать приемлемые и нужные измерители». Таким образом, модели могут реально помочь менеджерам разобраться в том, что происходит в бизнесе, так как они позволяют снизить степень сложности и неопределенности, сделать более понятным то, что на первый взгляд не является очевидным.

Для формирования методологического подхода к анализу стратегических компетенций предприятия нам предстоит сделать выбор среди фактически бесконечного спектра альтернативных вариантов моделей, используемых сегодня в практике, в том числе из группы систематизированных моделей, которых разработано также достаточно большое количество [11]. Наиболее известные среди них Excellence Framework (далее – EFQM), Japanese Deming Framework, Canadian Business Excellence Framework, US Malcolm Baldrige Framework (далее – Baldrige), Australian Business Excellence Framework, Brazilian Excellence Framework, Japan Quality Award Framework (далее – Japan Quality), South African Excellence Framework и др. Успех компаний, применяющих данные модели, выражается в улучшении показателей их деятельности и повышении конкурентоспособности. Этот факт привлек внимание к ним со стороны бизнес-сообщества. Во многих странах были учреждены собственные программы качества на базе ведущих мировых премий [12, 13].

Выбор модели EFQM для целей нашего исследования определен тем, что по степени распространенности модель EFQM не уступает другим моделям и делает ее привлекательной для практического применения. Однако на территории РФ ее применение явно доминирует. Также следует отметить, что в основу Премии Правительства РФ в области качества положена именно модель EFQM.

О модели «Совершенство» EFQM

Для понимания модели EFQM следует представлять ее методологические основы построения, предназначения и применения. Системный подход фактически выступает в качестве такой общей методологии и требует создания соответствующих представлений о самой организации (моделей организации) и представлений о субъекте. В этом плане становится критически важным, как субъекты управления представляют себе свою собственную деятельность, как они видят себя и свое место в организации.

Разработчиками модели EFQM в качестве цели проектирования критерия выбран особый критерий, критерий совершенства организации. Работа с такими понятиями, как «совершенство», «превосходство», «совершенная организация», заставляет обратиться к более общему понятию – идеал. Идеал недостижим, в этом заключается его особое свойство, которое позволяет использовать его как направление для целеустремления, т. е. в направлении к идеалу можно обозначить ряд уровней, на которые можно ориентироваться при разработке целей. Согласиться или не согласиться с достигнутым уровнем развития – это ключевой выбор субъекта управления, лежащий в основе его саморазвития. Обращение к совершенству (идеалу) – это определенный склад ума,

потребность, ментальная модель искать новые способы «делать вещи». Именно так и обозначены уровни в модели EFQM:

1. СТРЕМЛЕНИЕ К СОВЕРШЕНСТВУ – основная цель данного уровня создать страсть, принять обязательства, расширить кругозор понимания лучшей практики, произвести необходимый импульс для стремления к развитию. На данном уровне организация может освоить практический и простой способ самооценки и сделать объективный вывод об уровне своего развития. С точки зрения шкалы оценки по матрице RADAR это уровень от 0 до 350 баллов.

2. ПРИЗНАННОЕ СОВЕРШЕНСТВО – данный уровень разработан для организаций, которые уверенно стоят на пути к организационному превосходству. У этих организаций, или организационных единиц, есть опыт в осуществлении подходов на пути к Превосходству. Данные организации ясно идентифицируют свои силы и области для совершенствования. Диапазон оценок для таких организации 350–600 баллов.

3. ПРЕМИЯ ЗА СОВЕРШЕНСТВО – уровень для организаций, сравнивающих себя с лучшими организациями. Премия за Превосходство EFQM – самая престижная премия Европы за организационное превосходство во всех его аспектах. Это высший уровень среди уровней EFQM признания Превосходства, активно используется сообществом членов EFQM и партнерами в большинстве стран Европы. На основании оценки всех претендентов выбираются те, которые заслуживают признания статуса «Финалист». Среди финалистов жюри выбирает лучших, чтобы дать им статус «Победителя», и, если кто-то из победителей является исключительно выдающимся, производится самое высокое признание «Лауреат премии». Диапазон оценок для таких организации 600-800 баллов.

4. «ИДЕАЛЬНЫЕ» ОРГАНИЗАЦИИ – этого уровня нет, но есть реальная шкала модели EFQM от 0 до 1000 и реальные рейтинги лучших организаций участников европейского конкурса, которые находятся в диапазоне от 600 до 800. В диапазоне от 800 до 1000 не числится ни одной организации. Что из себя может представлять идеальная организация? По образному выражению, это ситуация, когда нет организации, т. е. деятельность происходит, результат получается, нет необходимости руководить и контролировать.

Исследования по проблеме организационного совершенства дали ряд определений данному феномену. Среди них целесообразно взять на вооружение следующее определение: «Совершенные организации в своей деятельности достигают и поддерживают выдающийся уровень результатов, чтобы соответствовать ожиданиям всех заинтересованных сторон» [6]. В некоторых исследованиях представлены уровни совершенства организации по аналогии с пирамидой Маслоу, в которых «переход на более высокий уровень связан с формированием новых моделей лидерства, обеспечивающих большую вовлеченность персонала, возбуждение его потребности к переходу на более высокий организационный уровень и создание среды для саморазвития и самореализации» [14].

Преследуя данные цели, разработчиками был обозначен вопрос более высокого уровня о контексте и системе ограничений, в которых создается данный критерий. Данный контекст задается фундаментальными концепциями. Их в модели EFQM восемь: устойчивое достижение выдающихся результатов; создание добавленной ценности для потребителей; лидерство: видение, воодушевление и нравственность; гибкое управление; достижение успехов благодаря таланту и способности людей; использование творчества и инноваций; развитие организационных возможностей; создание устойчивого будущего. Данные концепции применимы к любой организации, независимо от ее размера, организационно-правовой формы и области деятельности. Важным является то, что каждая концепция, имея свою теоретико-методологическую основу, вместе с тем включается организацией в систему рассмотрения в определенной дозе, образуя синергетическую основу (контекст), задающую все реализационные процессы.

Для отражения нарастания совершенства организации представлены различные модели уровней совершенства и шкала оценки данных уровней. Шкала имеет диапазон оценок от 0 до 1000, где высший уровень номинируется как потребность организации в саморазвитии и самореализации.

Следует также сформулировать базовый посыл для восприятия модели EFQM, ее предназначения, удачно подмеченный Т. Конти: «...данная модель представляет собой не модель системы качества и не модель TQM, а бизнес-модель» – «интегрированное представление компании и ее миссий» [15].

Таким образом, модель EFQM представлена следующими основными компонентами: фундаментальные концепции построения модели; система критериев и составляющих критериев модели; оценочная система «RADAR». Оценивая общесистемные характеристики Модели, следует подчеркнуть универсальность модели; ее непредписывающий характер; системность; охват всех максимально возможных аспектов деятельности; способность сформировать целостный взгляд на организацию.

Проблемы применения модели EFQM на практике

Для выявления и систематизации проблем применения модели EFQM на практике необходимо сформировать авторскую методологическую позицию и дать ее строгое описание. Так, для отражения всего многообразия возможных вариантов движения организации как системы и возможности удержания данного многообразия, зададим пространство инновационных преобразований организации. Организуем данное пространство путем рассмотрения классического набора понятий методологии систем: «система, модель, состояние, критерий, движение, цель, управление» [10]. При этом понятие «движение системы» наиболее полно отражает все возможные траектории перехода, а управление переходом можно трактовать как деятельность по достижению системой целевого состояния. В число понятий, также претендующих на приоритетность рассмотрения, следует включить рефлексию. А «управленческая деятельность, осуществляемая на основе рефлексии и посредством рефлексии, определяется в разных формах как рефлексивное управление» [16]. При этом рефлексия нами рассматривается как «системомыследеятельностный» подход, представляющий школу Г. П. Щедровицкого. Сам процесс рефлексии, «движение в рефлексивном плане», может быть представлен следующими процедурами: «остановка, фиксация, отстранение, объективизация, оборачивание» [17].

Представим общую логику моделирования, в ходе которой создается (синтезируется) модель предприятия как организационной системы в виде схемы рефлексивного управления (рис.1). Выделены четыре рефлексивных позиции: позиция активной деятельности субъекта; позиция «отстранения», взгляд на свою деятельность со стороны; позиция «объективизации», оценки уместности занятой позиции и используемых моделей в отражении своей деятельности и позиция рефлексивного возврата, отражающая деятельность на новых основах.

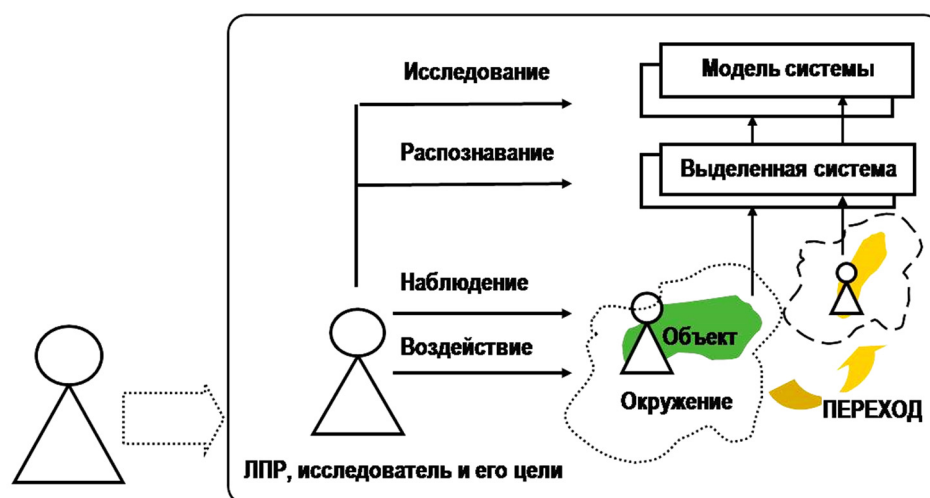

Рисунок 1. Схема рефлексивного управления на предприятии

Реализация такого рефлексивного акта сталкивается с рядом проблем, среди которых приоритетной выступает проблема бессубъектности, т. е. отсутствие субъекта инновационного развития. Данной проблеме посвящено значительное количество отечественных и зарубежных исследований в различных областях знаний. Делаются попытки сформировать облик (модель) субъекта инновационного развития, где к основным характеристикам такой модели субъекта относят: целеустремленность; коммуникативность; способность к развитию; социальность; рефлексивность и ряд других аспектов. Стоит согласиться с тем, что «современный характер инновационной деятельности, представляя собой деятельность меняющегося субъекта власти в динамичной социальной среде, предъявляет исключительно высокие требования к его рефлексивной культуре» [18], а рефлексивность выступает как особо значимое свойство субъекта управления инновационным саморазвитием организации.

Участие субъекта управления в рефлексивном акте сопряжено с другой приоритетной проблемой, которая заключается в следующем: по какому пути моделирования и как идти в каждом конкретном случае? Какой конкретный вид должны иметь когнитивная и воздействующая функции? Исходя из чего и как их строить? Насколько они будут адекватны реальным системам и процессам?» [19]. Таким образом, становится необходимым определенное технологическое оформление ранее принятых и новых норм деятельности и рефлексивных процессов принятия решений. Следует учитывать и то, что в каждой модели содержится только часть ценнейшей информации, необходимой нам для принятия решений, и если мы будем возводить в абсолют значение принятой нами модели, то можем попасть в ментальную ловушку, которая заслонит от нас всю сложность реальной ситуации. Нами предлагается определение, которое позволяет целенаправленно формировать модель, отражая в ней наиболее значимые аспекты для обеспечения целостности взаимодействующих компонентов модели. В нашем понимании, модель бизнеса – это сложившийся на конкретный момент времени облик деятельности организации, целостно отражающий приоритетные для конкурентоспособности аспекты по вектору от взаимодействия с потребителем, через создание и поставку ценностей для потребителя, до получения итогового финансового результата. Т. е. модель бизнеса – это то, как восприятие нас нашими клиентами превращается в наш доход. В такой постановке мы должны направлять вектор внимания на выявление настоящих и будущих потребностей и ожиданий потребителя и других заинтересованных сторон, обеспечивая принятие сложных инновационных решений в реальных условиях риска и неопределенности.

Создание собственной модели бизнеса (например, выбор в качестве основы для бизнес-моделирования модели EFQM), наряду с другими рисками и неопределенностями, связанными с деятельностью организации, актуализирует особую роль модельных рисков. Термин «модельный риск» [20, 21], означает возможность потерь вследствие применения неадекватных моделей по объективным причинам (нереалистичные основания в основе применяемых алгоритмов, процессов, критериев и показателей) и субъективным причинам (попытка применять модели, разработанные для других систем и их состояний). То есть риск прежде всего в том, что многие возможности можно упустить из-за модных увлечений: создается механизм, работающий за счет бизнеса, а не на бизнес. С другой стороны, менеджменту, которому удалось извлечь позитивный результат от применения модели, нет необходимости объяснять важность бизнес-моделирования. При этом данный результат может иметь колоссальное значение для успеха компании. Основными модельными рисками могут быть:

– «ошибочная модель или ее неправильное описание, неправильная реализация алгоритма модели, неправильная калибровка модели, ошибки, связанные с получением и обработкой рыночных данных, неправильное применение модели» [20];

– «неправильное построение модели, отсутствие в модели одного или нескольких значимых факторов риска, невозможность определения значения одного или нескольких входных параметров модели» [21].

Проблема модельных рисков сопряжена и с актуальной проблемой выбора приоритетных признаков развития. Так, в ряде работ дается интерпретация данных признаков. Вместе с тем очевидным является и то, что сами эти признаки будут

значительно изменятся (варьироваться) под воздействием внешних и внутренних условий (того или другого уровня неопределенности и сложности решаемой задачи), в которых действует организация.

Фактически мы имеем дело с балансом двух взаимодействующих подсистем и проявлением доминирования в определенном направлении: или активности на кардинальные изменения, или активности на стабилизацию и сохранение существующих параметров. Мы управляем в рамках «антитез менеджмента» [22], задаваемых базовой антитезой «изменение – сохранение». Вместе с тем видение данной антитезы активным субъектом управления может принципиально отличаться в зависимости от позиции, которую он занимает. Например, рефлексивная позиция позволяет видеть целостность организации и ее изменения, с другой стороны, инструктивная позиция нацеливает на выполнение жестко регламентированных задач в рамках конкретной предметной области. В условиях неопределенности признаки саморазвития в форме антитез можно представить следующим образом: «адаптация – трансформация»; «централизация – децентрализация»; «мотивация на достижение – мотивация на выполнение»; «транзакционное лидерство – трансформационное лидерство»; «коллективность действий – индивидуальность действий»; «включенность персонала – ограниченность участия персонала жесткой инструкцией»; «регламентация на уровне процессов и инструкций – на уровне правил поведения и этики».

Многоаспектность признаков организации приводит к выводу о мегакритериальности задачи принятия решения по БМ. Данные решения носят вероятностный характер при большом количестве разнообразных характеристик и ограничений, при этом учесть их все в модели практически невозможно, также как неучет какой-либо из выявленных характеристик может привести к ситуационной неадекватности модели. В этой ситуации требуется занятие принципиально другой методологической позиции, отражающей саму логику кардинального изменения субъекта управления, его позиции относительно роли в принятии решений и исполняемых им функций.

Принципиально важной проблемой применения модели EFQM на практике выступает проблема видения субъектом управления модели движения организационной системы от одного состояния к другому. По умолчанию предполагается, что переход с одного уровня совершенства на другой, более высокий, осуществляется путем выполнения группы мероприятий по улучшению применяемых подходов, тем самым обеспечивается последовательное улучшение деятельности. Однако реально достижение более высокого уровня совершенства может быть связано с нелинейными переходами, с трансформацией организации, «созидательным разрушением» предыдущих организационных основ. В ряде исследований по нелинейному управлению подчеркиваются принципиальные отличия нелинейных переходов в сторону лучших состояний, сопровождающихся возможным ухудшением состояний, сопротивлением системы изменениям, потерей управляемости. В любом случае учет особенностей поведения нелинейных систем следует рассматривать как важнейший принцип управления переходом к более высокому уровню совершенства.

Уровни зрелости предприятия в применении модели Совершенства

Анализ теоретико-методологических и практических подходов к применению модели EFQM на предприятии создает предпосылки для сборки единого методологического подхода. Так, для оценки уровня зрелости предприятия в применении модели EFQM нами использован следующий подход. Предлагается рассматривать в качестве высшего уровня владения моделью использование ее для создания собственной модели бизнеса, т.е. уровень организационной компетенции предприятия такой, что позволяет ему создавать собственную модель бизнеса. Для того чтобы отразить уровни зрелости в применении модели, нами сформирована матрица качественной их оценки на основе известной модели организационной зрелости (Capability maturity model – CMM), табл. 1.

Уровни зрелости предприятия в применении модели EFQM

Уровни зрелости предприятия в применении модели EFQM	Описание уровня развития стратегических компетенций предприятия
5. Собственная инновационная бизнес-модель	Описание стратегической компетенции (Описание): владение подходами бизнес-моделирования, позволяющими создавать индивидуальную бизнес-модель, дающую разумные гарантии достижения целей развития. Свидетельства, подтверждающие стратегическую компетенцию (Свидетельства): наличие признанной лучшей практики как минимум в одной из сфер деятельности, сохранение устойчивых конкурентных результатов в течение длительной ретроспективы, наличие пирамидального цикла развития как минимум с тремя трансформационными переходами. Возможный синергетический эффект от применения модели (Эффект): достижение высокого уровня GW, эффекты от инновационной деятельности, превышающие среднеотраслевые.
4. Инновационное саморазвитие	Описание: владение организационно-мотивационным механизмом вовлечения персонала в инновационную деятельность, развертываемым как совокупность взаимосвязанных подходов с выходом на результаты – инновационную результативность персонала. Свидетельства: наличие позитивной динамики по ключевым результатам деятельности, включая результаты восприятия персонала (удовлетворенность, лояльность, приверженность), и его инновационную результативность на уровне лучшей мировой практики. Эффект: привлечение для работы на предприятии лучших сотрудников, повышение гибкости и готовности к быстрому реагированию на вызовы рынка.
3. Реализация стратегии	Описание: владение эффективным механизмом разработки и реализации стратегии на основе приоритизации областей развития и согласования действий по развитию и поддержанию деятельности. Свидетельства: наличие развитых систем управления проектами и процессами, определенность роли модели EFQM как интеграционной матрицы для систем менеджмента предприятия, использование модели для обоснования выбора типа производственной системы, например: lean, qm, agile. Эффект: достижение лучших результатов в реагировании на стратегические вызовы, получение внешнего признания (более высокие рейтинги, например, AAA рейтинг s&p), повышение конкурентоспособности на рынке привлечения капитала.
2. Самооценка	Описание: владение механизмом самооценки, позволяющим выявлять области для развития и принятия решений по улучшению применяемых подходов и результатов. Свидетельства: наличие выявленных областей для улучшения, банка инновационных идей, мероприятий по улучшению применяемых подходов и результатов. Эффект: достижение реальных улучшений в подходах и результатах, повышение риск-аппетита и готовности к принятию более амбициозных целей.
1. Фиксация	Описание: владение системным представлением о том, что делается на предприятии. Свидетельства: наличие документального представления о предприятии (отчет по менеджменту). Эффект: достижение консенсуса во взглядах менеджмента на предприятие, выработка единого языка коммуникаций, создание площадки для взаимодействия со стейкхолдерами.

Анализ проблем применения модели EFQM показал, что наряду с организационной зрелостью (Табл. 1), которая может быть оценена с использованием инструментария модели (RADAR), не менее важна готовность предприятия осуществлять переход к новому организационному уровню. Общеизвестно, что на успех любого проекта, иницируемого лидерами, в большей степени влияют два фактора: сложность проекта и его неопределенность. Однако покорение феномена сложности и неопределенности некоторым организациям все-таки удается. Правда, арсенал их подходов и методов к решению проблем сложности и неопределенности остается во многом интуитивным, недостаточно известным и изученным.

С другой стороны, в современном бизнесе уже нет времени на создание нежизнеспособных моделей и как никогда важна скорость проведения изменений, т. е. динамика движения из заданного состояния к целевому. Это требование диктуется конкуренцией. Несвоевременное реагирование может означать поражение в конкурентной борьбе. Движение в требуемом скоростном режиме может означать принципиальную смену поведения организации и ее бизнес-модели, что равносильно смене поведения организации в обычных и чрезвычайных, непредвиденных обстоятельствах. Способность задать требуемую скорость изменений обоснованно может считаться одним из факторов сложности перехода на новый организационный уровень.

Таким образом, сложность в системе ключевых факторов перехода к новому организационному уровню отражает характеристику отношения субъекта к проектируемому будущему и вместе с отношением субъекта к неопределенности и риску и может представлять особую характеристику стратегической компетенции – «риск-аппетит» организации. Сущность понятия «риск-аппетит» организации раскрывается в понимании того, какой уровень риска готова взять на себя и оптимизировать организация. Возникает вопрос: можем ли мы, используя модель EFQM, дать оценку риск-аппетита организации? Действительно, такая методологическая возможность содержится в модели и заключается в том, чтобы выделить группу взаимосвязанных подходов и результатов, связанных с логикой управления рисками (выделить «красную линию» [12, 23]). Затем сделать оценку по методике RADAR и даже сопоставить данную оценку с оценкой общего уровня организационной зрелости.

Использование «риск-аппетита» в качестве критерия позволяет качественно дополнить картину оцениваемых параметров. Наряду с выделенными уровнями организационной зрелости, важно отметить, что модель позволяет давать оценку организации с точки зрения ее готовности действовать в стратегических приоритетах.

Следует отметить, что для организаций высокого уровня организационной зрелости риск-аппетит четко отражает уникальную системную способность организации к переходу на следующий уровень организационного совершенства. Однако при всей важности данного параметра для понимания готовности организации максимально использовать методологический потенциал модели EFQM большее значение может иметь относительный параметр, характеризующий отношение риск-аппетита и организационной зрелости. По нашему мнению, данное отношение может более убедительно характеризовать готовность предприятия к освоению более высокого уровня организационной зрелости. Т. е. данное отношение должно быть больше единицы для организаций, имеющих стратегические компетенции к освоению более высокого уровня организационной зрелости.

Нами предпринята попытка разместить предприятия, которые участвовали в различных конкурсах, как отечественных, так и зарубежных, в системе координат «уровень зрелости» – «риск-аппетит». Оценки представлены на рис. 2.

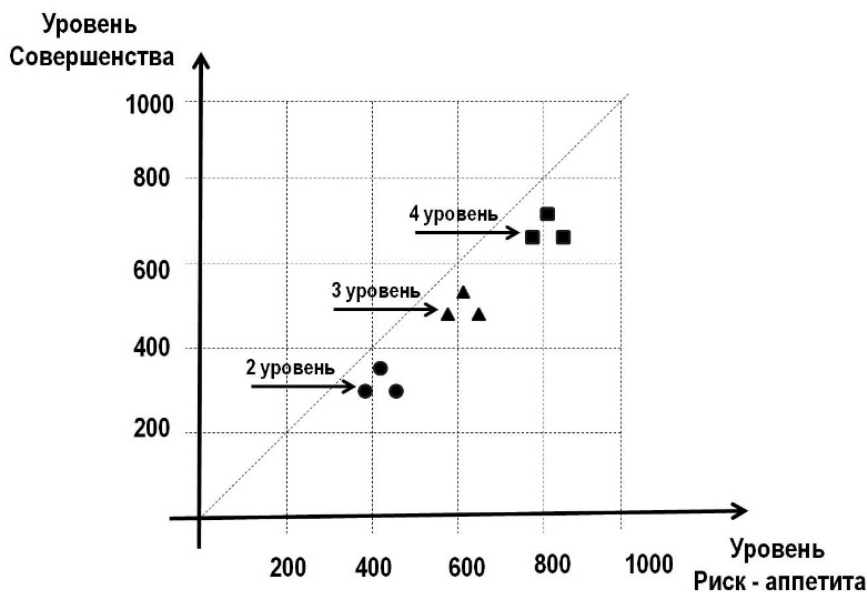

Рисунок 2. Оценки предприятий-участников конкурсов по параметрам совершенство и риск-аппетит

Предварительный анализ позволяет сделать выводы, что на каждом уровне организационного совершенства можно выделить группу предприятий, которые показали динамику перехода к более высоким уровням совершенства и свидетельства владения стратегическими компетенциями организационного развития. Так, например, к четвертому уровню можно отнести следующие предприятия [24]: ООО «ЛУКОЙЛ – Пермнефтеоргсинтез» (г. Пермь); ПАО «ПНППК» (г. Пермь); ГУП «Водоканал г. Санкт-Петербурга» (г. Санкт-Петербург) и некоторые другие, имеющие значительные достижения в развитии организационного совершенства и по разным конкурсным оценкам перешагнувшим планку в шестьсот баллов.

Третий уровень могут представить предприятия: ООО «Московский завод специализированных автомобилей» (г. Москва); Институт «Якутнипроалмаз» (г. Мирный); Филиал «Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия» (г. Москва). Примером предприятий, начинающих практику применения модели (второй уровень), являются такие предприятия, как ПАО «ТрансКонтейнер» (г. Москва); ОАО «Подольскогнеупор» (г. Подольск); ОАО «Ярославский завод дизельной аппаратуры» (г. Ярославль). Анализ отчетов по менеджменту указанных предприятий за разные периоды времени, начиная с 2010 года, дает основания с большей уверенностью утверждать об их готовности профессионально применять модель [23], с большей эффективностью используя ее методологический потенциал, сокращая сроки освоения модели и имея большие гарантии получения синергетических эффектов.

Выводы

Изучение проблем развития предприятий в контексте применения ими современных подходов бизнес-моделирования (на примере модели Совершенство) позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Менеджмент предприятий и владельцы бизнеса все больше уделяют внимания особой стороне вопроса – методологическому осмыслению проблем развития и, в частности, проблемам применения систематизированных моделей, таких как модель Совершенства EFQM. Однако следует констатировать и тот факт, что менеджмент подавляющего количества отечественных предприятий пока не воспринимает возможность достижения значительных конкурентных преимуществ за счет модели как источника получения доминирующего ресурса в конкурентной борьбе. Доминирующими ресурсами пока остаются традиционные для российского рынка: административный ресурс, доступ к финансовым источникам, возможность специфических соглашений с властью, в направлении которых и выстраивается модель бизнеса. Такая позиция

исключает саму потребность создавать инновационные бизнес-модели, закладывать потенциал инновационного саморазвития организации и, как результат, достигать конкурентного преимущества на глобальном рынке.

2. Применение систематизированных моделей может, по нашему мнению, существенно развить стратегические компетенции предприятия. Вместе с тем практика применения данных моделей нуждается в серьезном методологическом сопровождении и прежде всего в ответе на вопрос о предназначении применения модели и согласовании всей деятельности по ее применению со стратегическим контекстом предприятия. Отсутствие целей применения модели как возможности достижения уровней инновационного саморазвития и способности создавать собственную инновационную бизнес-модель значительно снижает или полностью исключает возможность получения предприятием адекватных синергетических эффектов.

3. Предложенная в статье модель уровней организационной зрелости предприятия может рассматриваться как матрица для стратегической организации деятельности субъекта управления, позволяющая целенаправленно усиливать методологически потенциал предприятия, развивать его стратегические компетенции: по созданию среды саморазвития и самореализации лидеров; по инициированию и стимулированию вовлечения персонала в инновационную деятельность; по бизнес-моделированию и созданию механизмов практического осуществления инноваций.

4. Достижение уровня инновационного саморазвития будет свидетельствовать, по нашему мнению, о владении предприятием стратегическими компетенциями, осуществлять инновации на постоянной основе, управлять нелинейными процессами перехода с одного уровня организационного развития (зрелости) на более высокий, связанный с «созидательным разрушением» предыдущих организационных основ.

Ссылки / Reference

- [1] Рубинштейн М. Ф., Фирстенберг А. Р. Интеллектуальная организация. Привнести будущее в настоящее и провести творческие идеи в бизнес-решения / пер. с англ. М.: ИНФРА. М, 2003. 192 с.
- [2] Лепский В. Е., Зорина Г. И. Рефлексивное предприятие 21-го века // Рефлексивные процессы и управления. 2005. №2. Т. 5. С. 21–41. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2005_2.pdf.
- [3] Senge P. M. The Fifth Discipline: The Age and Practice of the Learning Organization. London: Century Business, 1990.
- [4] Нонака И., Такеучи Х. Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2011. 384 с.
- [5] Молодчик М. А., Крутова А. В., Молодчик А. В. Эмпирический анализ влияния организационно-мотивационных механизмов на инициативу создания нового знания на промышленных предприятиях Пермского края // Журнал экономической теории. 2015. №1. С. 113–122.
- [6] EFQM Excellence Model / Модель Совершенства EFQM. Brussels, EFQM, 2013. 30 p.
- [7] Фостер Р., Каплан С. Созидательное разрушение: Почему компании, «построенные навечно», показывают не лучшие результаты и что надо сделать, чтобы поднять их эффективность. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 378 с.
- [8] Шумпетер И. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
- [9] Лалу Ф. Открывая организации будущего. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 432 с.
- [10] Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход. М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. 251 с.

- [11] Брагин В. В., Корольков В. Ф. Управление организацией. Стратегия развития бизнеса. Ярославль: Негосударственное некоммерческое образовательное учреждение «Центр качества», 2006. 480 с.
- [12] Meyer F. A. Radarise your business for success: EFQM, Brussels Representative Office, 2005. 280p.
- [13] Корж А. В., Герасимов Б. И., Сизикин А. Ю. Экономический анализ премий качества. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. 80 с.
- [14] Excellent. A guide for the implementation of the EFQM-Excellence model (1999).
- [15] Конти Т. Самооценка в организациях / пер. с англ. М.: РИА «Стандарты и качество», 2000. 328с.
- [16] Усов В. Н. Рефлексивное управление: философско-методологический аспект: автореф. ... д-ра философ. наук. Екатеринбург, 2008. С. 17.
- [17] Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М.: СИН-ТЕГ, 2007. 668 с.
- [18] Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. 225 с.
- [19] Бирштейн Б., Боршевич В. Теория рефлексивности Джорджа Сороса // Рефлексивные процессы и управление. 2011. № 1–2 (Том 11). С. 88–101.
- [20] Crouhy M., Galai D, Mark R. Model risk // Journal of Financial Engineering. 1998. V.7. №3/4 (September/December). P. 267–288.
- [21] Gibson R. Model risk: Concepts, calibration and pricing. L.: Risk Publication, 2000.
- [22] Швец В. Е. Реальные антитезы современного менеджмента качества и их разумное сосуществование // Семинар «Всеобщий менеджмент качества (TQM) и модели организационного совершенства». Нижний Новгород, 2002. С. 42–43.
- [23] Акатов Н. Б., Брюханов Д. Ю., Сафонов А. А. Модель совершенства: создание основ эффективной организационной диагностики // Экономика и предпринимательство. 2015. №12 (ч. 3). С. 691–697.
- [24] Сайт Партнерской организации EFQM в России – Всероссийской Организации Качества (ВОК). URL: <http://www.efqm-rus.ru/successful.php>.

УДК 330.35

Реализация инновационного
проекта в системе
стратегического управления
компанией

Е. И. Лифанова

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: frolovaei@list.ru

Научная статья

Реализация инновационного проекта должна быть тесно связана со стратегией развития компании. В статье предлагается рассматривать данную взаимосвязь с использованием системы сбалансированных показателей и ключевых показателей эффективности. Предложенная методика является простым и доступным инструментом своевременного выявления проблемных областей для оперативной корректировки деятельности компании, реализующей инновационные проекты в производственной сфере.

Ключевые слова: Стратегическое управление; инновационный проект; система сбалансированных показателей; ключевые показатели эффективности

В условиях динамичных процессов, происходящих в современном мире, стратегическое управление на предприятии приобретает все большее значение. Оно позволяет определить направление дальнейшей деятельности компании, соизмерить намеченные цели с имеющимися ресурсами, принять эффективные меры для наращивания конкурентоспособности и реализовать поставленные задачи.

Сегодня инновационная деятельность является одним из основных факторов стратегического развития предприятия. Следовательно, реализация инновационного проекта должна быть тесно связана со стратегией развития компании.

Одной из базовых концепций стратегического управления является система сбалансированных показателей, ССП (Balanced Scorecard, BSC), разработанная учеными Гарвардской школы бизнеса Робертом С. Капланом и Дейвидом П. Нортоном [1]. Она основана на причинно-следственных связях между стратегическими целями, отражающими их параметрами и факторами достижения запланированных результатов.

BSC складывается из четырех составляющих: финансовой; клиентской; внутренних бизнес-процессов; обучения и развития персонала. Выделение указанных направлений обусловлено тем, что они являются основополагающими факторами формирования стоимости компании, рост которой является современной целью ее стратегического управления [2].

Implementation of the innovation
project in company's strategic
management system

E. I. Lifanova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

Implementation of the innovation project should be closely connected with company's development strategy. In the article there is provided to consider this correlation with the use of balanced scorecard and key performance indicators. A method offered is a simple and procurable on-time problem areas reveal tool for online operation adjustment of a company that implements innovation projects in production industry.

Keywords: Strategic management; innovation project; balanced scorecard; key performance indicators

В основе системы BSC лежат так называемые ключевые показатели эффективности, КПЭ (Key Performance Indicators, KPI), позволяющие детализировать каждую из составляющих BSC через набор измеряемых показателей. Система ключевых показателей эффективности позволяет формировать стратегию через доведение до каждого сотрудника количественных показателей и мотивирование; создавать основу для контроля всех важных аспектов деятельности; нацеливать конечные результаты и бюджеты различных подразделений на реализацию стратегии.

KPI начала формироваться в США в 1960-х гг. Она быстро приобрела популярность и получила широкое распространение, т.к. позволяла ориентировать сотрудников на достижение целей управления, и при этом сама система оставалась компактной и наглядной для использования практикующими менеджерами. С 1990-х гг. KPI стали постепенно внедрять в практику отечественного менеджмента [3].

Отличие системы KPI от типовых показателей эффективности в том, что она предполагает обоснование специфических для конкретного бизнеса показателей эффективности исходя из стратегических целей, отраслевых особенностей и специфики этапа развития той или иной компании. При этом система KPI становится важным инфраструктурным звеном процесса реализации инновационных проектов и должна удовлетворять следующим положениям:

- наличие функциональной зависимости между KPI проектов и эффективностью деятельности компаний;
- наличие прямой связи KPI проектов с KPI компании;
- возможности устанавливать вклад инновационного проекта в каждый показатель эффективности организации и проводить оперативный мониторинг изменения ключевых показателей эффективности проектов и организации.

При этом сама система ключевых показателей эффективности должна удовлетворять определенным требованиям. Анализ литературы [4; 5; 6] позволил выделить наиболее существенные из них:

- набор KPI должен четко отвечать стратегическим целям компании;
- выбранные показатели эффективности должны обладать свойством простоты и понятности;
- должна существовать возможность анализа по направлению «сверху вниз», что позволит управляющим высшего звена оценивать эффективность функционирования более низких звеньев, включая отдельные проекты, осуществляемые компанией;
- система показателей должна быть стабильной и не подвергаться непрерывному пересмотру, чтобы работники могли ориентироваться на долгосрочные цели компании и процедуры оценки их деятельности, а с другой стороны, чтобы их собственное поведение было предсказуемым;
- система ключевых показателей эффективности должна давать возможность сравнения различных подразделений по горизонтали, тем самым стимулируя инновации и поощряя эффективность;
- ключевые показатели деятельности, используемые для премирования работников, должны не только четко отражать цели предприятия, но и способствовать распределению этих целей на все уровни управления и др.

Для компании, реализующей инновационные проекты в производственной сфере, по мнению автора, в качестве ключевых можно назвать следующие перспективы (группы показателей):

- финансы: они являются результирующими показателями деятельности компаний, реализующих инновации, и одновременно – ключевыми показателями роста их стоимости: роста прибыли, рентабельности продаж и капитала, уровня финансовой устойчивости (финансового риска);
- производственные бизнес-процессы: включают показатели осуществления процессов внутреннего хозяйствования, относящихся к операционной деятельности компании: динамику выручки, уровень использования производственной мощности, технический уровень парка оборудования, издержки;

– развитие рынка: расширение рынков сбыта, рост удовлетворенности клиентов за счет улучшения характеристик продукта и организации поставок, улучшение делового имиджа компании;

– инновационный потенциал: служит основным ресурсом развития компании, реализующей инновационные проекты, и характеризуется показателями обучения персонала необходимым навыкам, освоения новых инновационных технологий и практики опытно-конструкторских разработок инновационных продуктов.

Стратегические показатели с точки зрения выбранных перспектив приведены в таблице 1 (сост. автором на основе переработки основных направлений BSC).

Таблица 1

Стратегическая карта компании, реализующей инновационные проекты в производственной сфере

Перспективы	Стратегические показатели
Финансы	Прирост чистой операционной прибыли
	Рост экономической рентабельности
	Повышение финансовой устойчивости
	Рост капитализации компании
Производственные бизнес-процессы	Рост коэффициента производственной мощности
	Снижение издержек на производство
	Модернизация и обновление парка технологического оборудования
	Увеличение валовой выручки
Развитие рынка	Расширение рынков сбыта
	Повышение надежности и бесперебойности поставок (рост дисциплины поставок)
	Повышение степени удовлетворенности клиента
	Улучшение делового имиджа компании
Инновационный потенциал	Внедрение инновационных технологий, способствующих эффективной реализации инновационных проектов
	Повышение научного и технического потенциала
	Повышение интеллектуального потенциала

Каждой из четырех основных перспектив соответствуют раскрывающие их стратегические показатели, которые определяют развитие компании в данной перспективе.

Так, например, финансовая перспектива в виде конечной цели – роста капитализации – предполагает не только эффективное использование финансовых ресурсов компании, но и обеспечение финансовой устойчивости и безопасности, а именно:

– рост чистой прибыли, определяемый не только ростом выручки от реализации, но и эффективностью ведения компанией инвестиционной и финансовой деятельности;

– достижение определенного уровня экономической рентабельности как показателя отдачи вложенного совокупного капитала;

– поддержание нормального уровня финансовой устойчивости, т. е. структуры источников финансирования.

В свою очередь, поставленные финансовые цели могут быть достигнуты при обеспечении целевых уровней показателей остальных стратегических перспектив, таких как обновление оборудования и освоение производственных мощностей, рост выручки и сокращение затрат, освоение рыночных позиций и улучшение взаимоотношений с потребителями и деловой репутации. Наконец, поставленные стратегические цели требуют формирования инновационного потенциала как способности и готовности к их реализации, для чего должен иметь место определенный опыт научных и опытно-конструкторских разработок и их коммерциализации, обученный и способный к

творческой деятельности персонал. Рост интеллектуального потенциала с позиций управления кадровыми ресурсами реализуется через рост профессионализма сотрудников, систему повышения квалификации, переобучения, нацеливания сотрудников на достижение заданных KPI. Повышение профессионализма сотрудников приводит к росту производственной эффективности и оптимизации процесса передачи энергии, например, вследствие снижения числа ошибок технического персонала. Далее, рост профессионализма сотрудников способствует росту имиджа компании и соответственно расширению рынков сбыта. Расширение рынков сбыта и объема продаж приводит к росту валовой выручки, которая, в свою очередь, является одним из факторов роста чистой прибыли компании и рыночной капитализации [7].

Таким образом, кадровая составляющая системы BSC является основополагающей, опорной в системе стратегических показателей. Наглядно прослеживается цепочка «Рост профессионализма сотрудников – Рост инновационных разработок – Расширение рынков сбыта – Рост валовой выручки – Рост чистой прибыли и рентабельности – Рост имиджа – Рост капитализации компании», охватывающая все четыре ключевые перспективы, начиная от «Потенциала» и заканчивая «Финансами».

Таким образом, система KPI помогает менеджерам осуществлять стратегии развития, но для каждой отрасли и компании есть свои особенности, зависящие от ресурсов и конкурентного положения.

Рассмотрим предложенную систему KPI на примере инновационного проекта подробнее.

Достижение заданного уровня KPI предопределяет достижение стратегической цели компании, а каждый новый осуществляемый инновационный проект вносит свой вклад в осуществление этой цели.

В таблице 2 (сост. автором) показаны прогнозируемые результаты вклада инновационного проекта в формирование KPI организации.

Таблица 2

Корпоративная карта компании

Перспективы	Цели	Показатели KPI	Ожидаемые значения KPI	
			Без учета вклада проекта	С учетом вклада проекта
ФИНАНСЫ	Прирост чистой операционной прибыли	Прирост операционной прибыли с учетом выплаченных налогов, %	14	20
	Экономическая рентабельность	Отношение операционной прибыли к капиталу, %	15	18
	Обеспечение финансовой устойчивости	Финансовый рычаг как отношение долгового капитала к собственному	≤ 1	≤ 0,8
	Увеличение стоимости компании	Рост капитализация компании, %	18	24
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ БИЗНЕС-ПРОЦЕССЫ	Увеличение производственной мощности компании	Прирост объема максимального выпуска продукции при имеющихся производственных фондах, %	22	28
	Увеличение валовой выручки	Прирост выручки, %	8	12
	Уровень издержек на производство	Производственные затраты на рубль продукции, руб.	0,5	0,42
	Модернизация и обновление парка технологического оборудования	Коэффициент обновления ОПФ, доля	0,02	0,1

Продолжение таблицы 2

Перспективы	Цели	Показатели КРІ	Ожидаемые значения КРІ	
			Без учета вклада проекта	С учетом вклада проекта
РАЗВИТИЕ РЫНКА	Расширение рынков сбыта	Доля поставок на новых целевых рынках, %	20	30
	Уровень надежности и бесперебойности поставок (рост дисциплины поставок)	Коэффициент выполнения договоров поставки, %	78	88
	Повышение степени удовлетворенности клиента	Индекс удовлетворенности потребителя	0,8	0,88
	Рост имиджа компании	Рейтинговый показатель по отрасли	2	1
ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	Внедрение инновационных технологий в производство	Число внедрений передовых технологий в процесс производства	2	5
	Повышение интеллектуального потенциала	Численность работников, прошедших обучение для участия в инновационной деятельности организации, чел.	2 000	2 250
	Объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ	Объем НИОКР в компании, млн руб.	2 000	5 000

В рамках стратегического управления компанией в Генеральном плане ее развития были сформированы стратегические инициативы, представляющие собой более частные управленческие задачи, среди которых в краткосрочной перспективе можно выделить:

- реконструкцию и модернизацию технологического парка оборудования;
- дополнительное размещение акций, оказывающее непосредственное влияние на рост стоимости компании и ее рыночную капитализацию;
- привлечение иностранных инвесторов как дополнительных источников финансирования на выгодных условиях;
- увеличение внутреннего финансирования за счет увеличения чистой прибыли и, соответственно, фонда потребления и амортизационных отчислений для воспроизводства основных производственных фондов, что ведет к повышению устойчивости компании.

При этом важным представляется установление взаимосвязи корпоративных показателей эффективности с реализацией каждой стратегической инициативы.

Можно установить, каким образом принимаемая к реализации стратегическая инициатива обусловит то или иное целевое значение КРІ инновационного проекта.

Взаимосвязи принятых в компании стратегических инициатив с выделенными нами КРІ проекта показаны в таблице 3 (сост. автором).

**Разработка таблицы стратегических инициатив для двух перспектив:
«Финансы» и «Инновационный потенциал» – по инновационному проекту**

Перспективы	Показатели KPI	Стратегические инициативы					
		Модернизация оборудования	Дополнительное размещение акций	Привлечение иностранных инвесторов	Экспорт на зарубежные рынки	Увеличение внутреннего финансирования	Снижение себестоимости продукции
ФИНАНСЫ	Прирост операционной прибыли с учетом выплаченных налогов, %	*		*	*	*	*
	Отношение операционной прибыли к капиталу, %				*		
	Финансовый рычаг как отношение долгового капитала к собственному		*	*		*	
	Рост капитализация компании, %			*	*		
ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	Число внедрений передовых технологий в процесс производства	*		*			
	Численность работников, прошедших обучение для участия в инновационной деятельности организации, чел.	*		*		*	
	Объем НИОКР в компании, млн руб.	*		*		*	

Таким образом, подразделения компании, отвечающие за решение той или иной стратегической инициативы, организуют свою деятельность с ориентиром на определенный уровень стратегического показателя (KPI).

Хотя система KPI и выходит за рамки финансовых параметров, она полностью от них не отказывается. Само название концепции отражает попытку учесть набор показателей, где сбалансированы как кратковременные, так и долговременные цели, финансовые и нефинансовые показатели, запаздывающие и опережающие индикаторы, внутренние и внешние перспективы эффективности [8].

Ссылки / Reference

- [1] Каплан Р. С. Сбалансированная система показателей: От стратегии к действию. М.: Олимп-Бизнес, 2003. 304 с.
- [2] Вахрушина М. А. Система сбалансированных показателей как инструмент стратегического управленческого учета научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2013. Т. 5. №1 (15). С. 37–45.
- [3] Овсянко К. А. Сбалансированная система показателей эффективности инноваций // Инновации. 2008. № 7. С. 122–126.

- [4] Кисленко Н. А. О применении ключевых показателей эффективности в проектно-ориентированной компании нефтегазовой отрасли // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2009. № 5. С. 20–29.
- [5] Палей Т. Ф., Зарипова Д. И. KPI как элемент стратегии развития компании // Вестник КГФЭИ. 2009. № 3 (16) С. 23–26.
- [6] Палаткина А. В., Степанова Н. И. Ошибки, возникающие при создании и внедрении системы ключевых показателей // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 181. С. 94–97.
- [7] Иванова О. Е. Инновационный потенциал энергетических сетевых компаний: оценка и использование при формировании инвестиционной стоимости: дис. ... канд. экон. наук. Ярославль, 2011. 195 с.
- [8] Чухарева О. В. Необходимость разработки сбалансированной системы показателей для оценки экономики региона. URL: http://www.vfmgiu.ru/Nauchnoe-obschestvo-Feniks-1208/Nashi_publicacii/Neobhodimost_razrabotki/index.html (дата обращения: 03.03.2016).

УДК 338.242.2

Мегапроект как инструмент реализации инновационного подхода в социально-экономическом развитии России

С. В. Кекелева

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: kekeleva@list.ru

Научная статья

Настоящая статья посвящена вопросам современного мегапроектирования в области формирования и модернизации инфраструктурного базиса страны; представлена сущность, классификация, отечественный и зарубежный опыт реализации мегапроектов; выявлены проблемы и предложены направления их решения с имплементацией элементов инновационного подхода; отражена необходимость усиления учетно-контрольной функции при оценке широкого спектра рисков и моделирования сценариев реализации мегапроекта в условиях неопределенности. Актуальность темы обусловлена вектором российского государства на долгосрочное инновационно-ориентированное социально-экономическое развитие, а мегапроекты рассматриваются как инструмент реализации данной стратегической цели.

Ключевые слова: мегапроект; крупный инвестиционный проект; инфраструктура; транспортный инфраструктурный проект; финансирование крупномасштабных проектов; сценарный подход; управление рисками; инновационный подход; социально-экономическое развитие

Приоритетом долгосрочного социально-экономического развития России является инновационная платформа в области развития науки, техники и технологий. Обозначенный вектор развития выражает общемировой тренд с высокой степенью развития конвергентных и когнитивных технологий, связанных с формированием нового технологического «ядра».

Движущая сила развития и роста российской экономики обусловливается активизацией инновационно-инвестиционной компоненты в инфраструктурных отраслях с целью преодоления ограничений в них путем модернизации транспортной, энергетической инфраструктуры. В этой связи следует уделить особое внимание одному из трёх сценариев социально-экономического развития России на долгосрочный период

Megaproject as a tool for the implementation of an innovative approach in the socio-economic development of Russia

S. V. Kekeleva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

This article is devoted to the issues of modern megaproject in the field of modernizing the infrastructure country's. There is represented the essence, classification, domestic and foreign experience of implementing mega projects and identified problems and directions of their solutions with the implementation of elements of an innovative approach. We propose to use a risk management approaches and simulation scenarios of the project in the face of uncertainty. Megaprojects are seen as a tool for the implementation of the model of socio-economic development of Russia based on innovations.

Keywords: mega-project; a large investment project; infrastructure; transport infrastructure projects; the financing of large-scale projects; the scenario approach; risk management; innovative approach; social and economic development

– инновационному. Потенциальным результатом реализации инновационного варианта развития выступает формирование модернизированной транспортной инфраструктуры, развитие сектора высоких технологий. Согласно представленному сценарию долгосрочного развития России транспортный блок претерпит масштабные деформации к 2030 году за счет модернизации действующих транспортных магистралей и развития скоростного, высокоскоростного движения [1].

Транспорт и его инфраструктурный базис представляется полиэлементной системой, потенциал которой выражается в широчайшей имплементации результатов функционирования: от простого перемещения пассажиров и грузов до диверсификации логистических подходов в межконтинентальном масштабе, применение которых имеет синергетический эффект. С учетом территориальных особенностей России и географического положения стран-партнеров транспортные артерии играют во многом детерминирующую роль в тактическом и стратегическом развитии государства, претендующего на устойчивую, конкурентоспособную позицию в современном мировом экономическом пространстве. Единство внутреннего экономического пространства страны достигается во многом за счет развитой системы транспортной инфраструктуры, путем соединения таксономических единиц территории, что представляется необходимым условием территориальной целостности государства. Использование инфраструктурного потенциала территории является залогом долгосрочного экономического роста и развития отдельно взятого муниципального образования, региона, агломерации и страны в целом.

Процессы изменения экономической системы страны, кризисные явления в экономике выступают факторами стагнации в процессах обновления, воспроизводства, развития инфраструктурного потенциала. Инфраструктурные ограничения являются сдерживающим фактором в рамках курса на устойчивое, долгосрочное инновационно-ориентированное социально-экономическое развитие российского государства. Современная, отвечающая требованиям безопасности инфраструктура способствует привлечению потенциальных инвесторов, развитию партнёрских отношений между странами в разных сферах экономической деятельности и является залогом долгосрочного экономического роста страны. В условиях геополитической напряженности в ответ на внешние вызовы инфраструктурная компонента в системе социально-экономического развития территории является стержнем реализации её потенциала.

Одной из характерных особенностей современного этапа социально-экономического развития страны является формирование и реализация ряда крупномасштабных проектов, или мегапроектов. Исследование вопроса сущности, классификации, инновационных подходов, финансирования мегапроектов представляет высокий научный интерес в контексте решения целого спектра приоритетных инфраструктурных, социо-эколого-экономических, топливно-энергетических, транспортных и других смежных проблем. Стратегические ориентиры устойчивого социально-экономического развития по инновационному сценарию могут быть реализованы через модернизацию и развитие транспортной системы страны путем реализации инфраструктурных мегапроектов.

С целью детального исследования вопроса применения мегапроектов и выявления эффектов от их реализации следует раскрыть понятийно-категориальный аппарат, привести классификацию. Прежде всего, выявим сущность самого термина «мегапроект» (табл. 1).

Обобщение взглядов исследователей на трактовку категории «мегапроект»

Автор, источник	Определение категории «мегапроект»
Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15.02.2006 № 1))	Важнейший инновационный проект государственного значения (мегапроект) – это комплекс взаимоувязанных по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления мероприятий, который направлен на достижение необходимого уровня национальной безопасности, получение экономического эффекта, имеющего значение на уровне экономики в целом или крупных секторов экономики; решение наиболее актуальных задач в социальной сфере, в первую очередь, связанных с повышением качества жизни населения, включающий прикладные научные исследования, опытно-конструкторские и технологические разработки, освоение производства и вывод продукции на рынок, для реализации которого концентрируются ресурсы и обеспечивается государственной поддержкой [2].
А. Скопин, профессор, зав. каф. региональной экономики и экономической географии ВШЭ	Мегапроект – это проект стоимостью от 1 трлн рублей, обладающий уникальными характеристиками на территории страны, с участием не только бизнеса, но и государства, причем на федеральном уровне [3].
По материалам III Общероссийского форума «Инфраструктурные проекты России: партнерство бизнеса и власти»	Мегапроект – мощный инфраструктурный проект со значительным объемом инвестиций, который оказывает долгосрочное влияние на социально-экономическое развитие всей страны [4].
Т. Ю. Калаврий	Мегапроекты представляются как целевые программы, содержащие множество взаимосвязанных проектов, объединенных общей целью, выделенными ресурсами и отпущенным на их выполнение временем. Мегапроект в системе экономики природопользования – это инвестиционный проект, экологическое воздействие которого носит трансрегиональный характер и может угрожать природным комплексам и отличающийся высокой стоимостью (порядка 100 млрд руб. и более), трудоемкостью (15–20 млн человеко-часов), длительностью реализации (5 и более лет) [5].
Н. И. Пляскина, В. Н. Харитонова	Мегапроекты – это единый системно организованный комплекс проектов взаимосвязанных отраслей, размещаемых на обширных территориях, охватывающих несколько субъектов Федерации, имеющих общегосударственное значение, большую стоимость (свыше 1 млрд долларов) и значительное количество участников [6].
Пол К. Геллерт, Барбара Линч	Мегапроекты – это проекты, которые быстро трансформируют территорию, делают это преднамеренно и основательно весьма заметными методами и требуют согласованных путей использования капитала и государственной власти. Мегапроекты применяют тяжелую технику и тонкие технологии, обычно импортированные с севера планеты, и требуют упорядоченных потоков международного финансового капитала [7].
И. В. Митрофанова, А. Н. Жуков	Мегапроекты – это инвестиционные проекты особо крупного размера (более 1 млрд долл.) и глобального характера (независимо от пространственного уровня реализации). Территориальные мегапроекты – это особо крупные проекты, обладающие вышеперечисленными характеристиками и включенные, как правило, в федеральную, окружную, региональную стратегию/программу [8].

Приведенные в табл. 1 определения категории «мегапроект» имеют разные оттенки, при этом ярко выражаются характерные черты: крупный масштаб (экономика страны в целом или крупный её сектор), экономический и социальный эффекты,

капиталоемкость, государственное участие и частное партнерство, инвестирование через использование длинных денег, временной лаг, повышенная рискованность. С нашей точки зрения, в понятийно-категориальном аппарате не следует приводить абсолютные значения стоимости мегапроекта либо ссылаться на определённый временной интервал и указание приведённых затрат. Определение «мегапроект», которого придерживается автор, в целом базируется на определении, представленном в Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года, однако, предлагается дополнить определение наличием инновационного подхода при формировании мегапроектов, особенно в инфраструктурных мегапроектах. По своей сущности мегапроект идентифицируется с одним крупнейшим или несколькими комплементарными и смежными инвестиционными проектами.

Таблица 2

Классификационная характеристика мегапроектов

Классификационный критерий	Виды мегапроектов, краткая характеристика
По предназначению	1) социально направленные: достижение высокого уровня и качества жизни социума; 2) инфраструктурные: создание объектов транспортной, энергетической, инновационной и т. д. инфраструктуры; 3) природно-ресурсные: освоение геологических запасов; 4) экологически ориентированные: нивелирование экологического ущерба, ресурсосберегающие технологии; 5) научно-технические: поисковые исследования, разработка новой техники, технологий
По целям	1) экономически ориентированные: достижение экономической эффективности; 2) социально ориентированные: достижение положительного социального эффекта; 3) политически ориентированные: достижение положительного политического эффекта на региональном (местном) уровне, на международной арене
По участникам	1) государство; 2) отечественные партнёры (инвесторы); 3) иностранные партнёры (инвесторы); 4) местное сообщество
По длительности	1) краткосрочные; 2) среднесрочные; 3) долгосрочные
По объёму финансирования	1) до 100 млрд руб.; 2) 100–500 млрд руб.; 3) свыше 500 млрд руб.
По срокам окупаемости	1) до 10 лет; 2) 10–15 лет; 3) свыше 15 лет
По источникам финансирования	1) средства государственного бюджета; 2) средства суверенных фондов; 3) средства инвесторов; 4) заимствования на внутреннем и внешнем финансовых рынках; 5) использование концессионного механизма, в т. ч. государственно-частного партнерства
По масштабам реализации	1) макрорегиональные; 2) национальные; 3) межстрановые; 4) транснациональные
По отраслевому признаку	1) внутриотраслевой; 2) межотраслевой (в т. ч. кластерный)

Определим видовой состав мегапроектов. Критериальная основа для отнесения конкретного мегапроекта к определённому виду представлена в табл. 2.

Имплементация предложенной автором классификации мегапроектов в условиях российской экономики выражается: в доминанте инфраструктурных проектов (как правило, строительство и модернизация объектов транспортной инфраструктуры, развитие топливно-энергетического комплекса, металлургии); социальной и экономической ориентированности; наличии государственного и частного партнерства; средне- и долгосрочности; привлечении средств из бюджетной системы, суверенных фондов, инвесторов; в макрорегиональном масштабе; межотраслевом охвате.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос классификации мегапроектов по критерию «объём финансирования». Прежде всего, каждый отдельный мегапроект имеет свои уникальные особенности: масштаб, целевой ориентир, отраслевые блоки (стоимость которых исчисляется десятками – сотнями млрд руб.) (табл. 3).

Таблица 3

**Финансовое обеспечение крупнейших российских мегапроектов
с применением механизма государственно-частного партнерства [9]**

Название мегапроекта, плановый срок реализации	Основные блоки	Объём финансирования к завершению реализации проекта (млрд руб)
Урал Промышленный – Урал Полярный (2005–2020)	1) транспортный (железнодорожная инфраструктура); 2) энергетический (электростанции); 3) геологический, горнорудные производства	850
Комплексное развитие Нижнего Приангарья (2006–2015)	1) транспортный (железнодорожная инфраструктура); 2) энергетический (ГЭС); 3) целлюлозно-бумажное, алюминиевое производство	273
Комплексное развитие Южной Якутии (2008–2027)	1) транспортный (автомобильная инфраструктура); 2) энергетический (электросетевая инфраструктура) 3) целлюлозно-бумажное, алюминиевое производство	420

В таблице 3 представлены современные российские мегапроекты с плановым объемом финансирования. Наиболее дискуссионным и проблемным аспектом при планировании и реализации крупнейших проектов (мегапроектов) представляется сметный расчет стоимости. Мировая практика демонстрирует явный перерасход средств (превышение запланированных расходов) по реализованным крупнейшим проектам. В связи с тем, что представленные в табл. 3 мегапроекты на текущий момент не являются завершенными, фактический объем расходов от начала до конца реализации проекта исчислить невозможно. Поэтому интересным представляется зарубежный опыт финансирования транспортных мегапроектов с впечатляющим перерасходом бюджета (табл. 4).

Таблица 4

**Перечень инфраструктурных мегапроектов
с превышением запланированных расходов**

Вид мегапроекта	Наименование мегапроекта, срок завершения	Перерасход средств (в процентах)	Причины перерасхода
Инфраструктурный (транспортный)	Туннель под Ла-Маншем (Англия – Франция) (1994)	80	Изменение требований безопасности
Инфраструктурный (транспортный)	Большой Бельт (Вост. Дания – Континентальная Европа) (1997)	54	Экологические проблемы и аварии
Инфраструктурный (транспортный), межнациональный	Эресундский мост - туннель (Швеция – Дания) (2000)	26	Интеграция крупной транспортной инфраструктуры в ограниченное пространство столицы Дании

Как правило, причины перерасхода средств на реализацию мегапроектов носят субъективный характер. Превышение расходов – широко распространенное явление в крупных транспортных инфраструктурных проектах. Разница между фактическими и предполагаемыми капитальными затратами часто достигает 50–100 процентов, поэтому для многих проектов перерасход средств оборачивается угрозой жизнеспособности самого проекта. Первым шагом на пути к сокращению перерасхода средств должно стать признание, что значительный риск перерасхода существует и его невозможно полностью устранить, но можно уменьшить [10, с. 14]. Концептуальным предложением в целях управления рисками при мегапроектировании, с нашей точки зрения, является сценарный подход, заложенный в основу формирования прогноза долгосрочного социально-экономического развития России, который следует использовать при разработке и реализации мегапроектов, в частности, в крупных транспортных (инфраструктурных) проектах. При планировании мегапроектов целесообразность подготовки различных сценариев в зависимости от конъюнктурных и иных факторов обуславливается нивелированием рисков различной этиологии, а результирующим показателем признается таргетирование перерасхода средств, запланированных на реализацию мегапроекта. Как правило, разработка сценариев представляется в трёх вариантах: пессимистичный, оптимистичный, максимальный, где берутся за основу идентичные критерии, но предполагаются различные исходы в зависимости от меняющихся условий внешней и внутренней среды. Следовательно, широкий спектр рисков и неопределённости внутренней и внешней среды (от геополитической нестабильности до деформаций на сырьевых и финансовых рынках) можно нивелировать на определённых этапах реализации проекта путем применения подходов риск-менеджмента и моделирования сценарных вариантов.

Одним из элементов инновационного подхода в мегапроектировании представляется усиление учетно-контрольной функции при оценке рисков, имманентных крупномасштабным проектам. В данном случае мегапроект следует трактовать как единую мегасистему с множеством элементов, каждый из которых представляет собой систему более низкого порядка. Составные части (элементы) мегасистемы – это отдельные проекты, комплементарные между собой с присущими им уникальными задачами, целевой направленностью и сопровождающими их рисками. Оценка и учет рисков рекомендуется производить по каждому элементу мегасистемы в отдельности для дальнейшего управления ими и моделирования сценариев реализации мегапроекта на поливариантной основе.

Следующий финансовый аспект относится к прогнозированию спроса на результаты мегапроектов и представляется основой для социо-эколого-экономической оценки инфраструктурных мегапроектов. Более того, оценка финансовой жизнеспособности проектов напрямую зависит от точности таких прогнозов. Исходя из

данных, касающихся точности прогнозируемого спроса в транспортной отрасли, охватывающих объем перевозок, территориальное распределение транспорта и распределение между видами транспорта, очевидно, что прогнозирование спроса, как и прогнозирование стоимости, несмотря на весь научный прогресс в моделировании, является главным источником неопределенности и риска в оценке крупных проектов [10, с. 25]. В таблице 5 сравниваются прогнозные и фактические показатели использования завершеного строительством мегапроекта.

Таблица 5

**Перечень инфраструктурных мегапроектов
с превышением запланированных расходов**

Наименование мегапроекта, срок завершения	Прогнозируе- мый показатель (пассажиропоток, млн пасс.)	Фактический показатель (пассажиропоток, млн пасс.)		Абс. изменение (в млн пасс.)		Отн. изменение (в процентах) (выполнение плана)	
		1-й год	6-й год				
Туннель под Ла-Маншем (Англия – Франция) (1994)	15,9	2,9	6,9	-13	-9	18	43
Большой Бельт (Вост. Дания – Континентальная Европа) (1997)	0,0197	0,0193	0,0195	-0,0004	-0,0002	98	99
Эресундский мост – туннель (Швеция – Дания) (2000)	0,0165÷0,019	0,0134	-	0,0031 ÷0,0087	-	81÷70	-

По результатам данных, отражённых в табл. 4, 5, можно сделать следующие выводы: в наиболее затратном мегапроекте – туннель под Ла-Маншем – при 80-процентном перерасходе средств пассажиропоток в 1-й год эксплуатации составил 18 процентов от прогнозируемого; мегапроект Большой Бельт при 54-процентном перерасходе практически полностью оправдал прогнозные данные (выполнение плана перевозки пассажиров составило 98–99 %. С точки зрения соотношения результатов и затрат, мегапроект Эресундский мост-туннель может быть признан наиболее удачным среди представленных проектов: перерасход бюджета составил 24 %, план перевозки выполнен на 81 %.

Помимо резонансного финансово-экономического аспекта при расчете сметной стоимости мегапроекта важно отметить экологическую компоненту, сопряженную с финансовыми последствиями вмешательства в природно-геологическую сферу. Достаточно часто экологический фактор в полной мере недооценивается, и сметные расходы на превентивные меры по недопущению или устранению деструктивного антропогенного вмешательства значительно занижены, что в дальнейшем искажает сметные данные и приводит к перерасходу запланированных средств.

Резюмируя вышесказанное, сформулируем основные результаты проведенного исследования. Важно подчеркнуть возрастающую роль транспортных коммуникаций в национальном и мировом масштабе. Учитывая территориальные особенности России по площади, разнообразию климатических зон, ландшафту и др. транспортное обеспечение является ключевым фактором развития страны и поддержания её жизнеспособности. С геополитической и геоэкономической точки зрения оптимальные транзитные пассажиро- и грузопотоки осуществляются (потенциально могут осуществляться) через территорию российского государства, генерируя мультипликативный эффект в различных плоскостях. Стратегический курс страны на устойчивое развитие сопрягается с формированием инновационного базиса и реализацией на инновационной основе ряда

крупных инфраструктурных проектов – мегапроектов. Поэтому указанный тезис обуславливает актуальность исследования в области мегапроектирования. Этимологически термин «мегапроект» восходит к крупнейшим инвестиционным проектам, ориентированным на получение эффекта на уровне экономики в целом, обладает чертами социальной значимости, с высокой капиталоемкостью и временным лагом. Что касается классификационной характеристики мегапроектов, то она достаточно обширна и дает возможность детально проанализировать конкретный мегапроект по установленным критериям, на этой основе произвести сравнительный анализ с другим крупными проектами с целью нивелирования широкого спектра рисков, имманентных мегапроектам различного назначения. Один из проблемных моментов в области разработки мегапроектов имеет отношение к сметному расчету стоимости и значительному превышению фактических расходов над прогнозными. Установлено, что причиной тому могут служить недостаточно взвешенные риски и различные экзогенные и эндогенные факторы. В связи с этим предлагаем внедрить сценарный подход к формированию мегапроектов (в зависимости от ключевых изменений по влияющим факторам), а также использовать подходы риск-менеджмента для нивелирования рисков и таргетирования прогнозной стоимости проекта.

Ссылки / Reference

- [1] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития). URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (дата обращения: 10.08.2016).
- [2] Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15.02.2006 N 1). URL: [https://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/word/vazhnejshij_innovacionnyj_proekt_gosu_darstvennogo_znacheniya_\(megaproekt\)/](https://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/word/vazhnejshij_innovacionnyj_proekt_gosu_darstvennogo_znacheniya_(megaproekt)/) (дата обращения: 11.08.2016).
- [3] Рыбакова Т. Мегапроекты против рецессии // Коммерсант. Приложение. №174. 25.09.2013. С. 18. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2303944> (дата обращения: 11.08.2016).
- [4] Нужны ли России мегапроекты? // По материалам III Общероссийского форума «Инфраструктурные проекты России: партнерство бизнеса и власти». ИД «Бюджет». №11. 02.11.2011. URL: <http://bujet.ru/article/161005.php> (дата обращения: 11.08.2016).
- [5] Калаврий Т. Ю. Разработка организационно-экономического механизма экологического сопровождения мегапроектов в сфере природопользования: автореферат дис. ... кандидата экономических наук. М., 2015. 24 с. URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01005564479> (дата обращения: 12.08.2016).
- [6] Пляскина Н. И., Харитонов В. Н. Механизмы управления и согласования стратегических интересов институциональных участников ресурсных мегапроектов // По материалам XII Всероссийского совещания по проблемам управления (ВСПУ). Москва, 16–19 июня 2014 г. URL: <http://vspu2014.ipu.ru/proceedings/prcdngs/5785.pdf> (дата обращения: 11.08.2016).
- [7] Пол К. Геллерт, Барбара Линч. Крупномасштабные проекты как фактор переселений // Международный журнал социальных наук. 2004. № 44. С. 19–32. URL: <http://library.ua/m/articles/> (дата обращения: 12.08.2016).
- [8] Митрофанова И. В., Жуков А. Н. Мегапроектирование как инструмент стратегического территориального менеджмента // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. №3 (21). URL: <http://esc.isert-gan.ru/article/304/full> (дата обращения: 12.08.2016).

- [9] Сорокин А. Масштабные инвестпроекты требуют запредельного финансирования // Российская газета. 06.12.2011. №826 (14). URL: <https://rg.ru/2011/12/06/investproekt.html> (дата обращения: 12.08.2016).
- [10] Мегапроекты и риски: Анатомия амбиций / Бент Фливбьорг, Нильс Брузелиус, Вернер Ротенгаттер: Альпина Пабlishер. М., 2014. 53 с. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8206291 (дата обращения: 12.08.2016).

УДК 336.02

**Реализация контрольной
функции в управлении
налоговым потенциалом
региона**

А. А. Пугачев

Северный банк ПАО Сбербанк

E-mail: andrxim@yandex.ru

Научная статья

На основе анализа различных подходов к управлению налоговым потенциалом региона определены специфика, преимущества и недостатки функционального подхода. Рассмотрены функции управления налоговым потенциалом региона. Реализация функции контроля проиллюстрирована на примерах функционирующей Концепции выездных налоговых проверок, модели налогового мониторинга и налогового аудита.

Ключевые слова: налоговый потенциал региона; управление; налоговый менеджмент; планирование; учет; контроль; анализ; регулирование; налоговый мониторинг

**Realization of the control function
in management of the regional tax
potential**

A. A. Pugachev

*Northern Bank of Public Joint-stock Company
Sberbank*

Scientific article

The paper defines specificity, advantages and disadvantages of the functional approach to management of the regional tax potential based on the analysis of different approaches. Functions of management of the regional tax potential are considered. Realization of the control function is illustrated by the example of the Concept field tax inspections, of the tax monitoring and tax audit.

Keywords: the regional tax potential; management; tax management; planning; accounting; control; analysis; regulation; tax monitoring

Налоговый потенциал региона (НПР) как экономическая категория является предметом широкого спектра исследований. В настоящее время рассматриваются вопросы сущности НПР [1], количественной оценки НПР [1, 2, 3], определения направлений его развития [3, 4, 5]. Вместе с тем вопросы комплексного подхода к изучению НПР становятся перспективным направлением для продолжения научной работы, которая может быть реализована в рамках функционального подхода, интегрирующего исследование прогнозирования, оценки, анализа, учета и контроля НПР.

Актуальность такого подхода заключается в том, что в современной системе налогового федерализма налоговый потенциал региона выступает в качестве объекта управления. Субъектом управления в первую очередь являются региональные органы власти, но федеральный центр также имеет возможность непосредственно воздействовать на НПР с помощью детерминации конкретных характеристик налоговой системы. Федеральные органы власти, определяя ключевые параметры налогового федерализма и налоговой системы, формируют налоговые потенциалы субъектов федерации, а следовательно, и предельную долю, зону управления НПР для региональных органов власти.

В предельно широком и обобщенном подходе управление НПР можно рассматривать как процесс воздействия субъектов налоговых отношений на НПР в рамках планирования, анализа, учета, контроля и регулирования налоговых отношений на субфедеральном уровне, реализуемый посредством совокупности методов и механизмов в целях обеспечения достаточного уровня налоговых доходов для

реализации всех расходных полномочий региона с учетом необходимости стимулирования экономического развития.

В настоящее время в теории менеджмента выделяют процессный (функциональный), системный и ситуационный подходы к управлению [6, с. 43–57]. В отношении управления НПР существуют определенные особенности. Так, управление НПР рассматривают в трех аспектах: как совокупность методов воздействия субъекта управления на объект [7, с. 208], как процесс [7, с. 212; 8, с. 18] и через призму функций управления [9, с. 21–22]. Так, В. В. Рощупкина определяет управление НПР как «совокупность принципов, форм, методов и инструментов целенаправленного воздействия налоговых органов на налоговую систему в целях эффективной реализации налогового потенциала» [7, с. 208]. Применительно к финансовому потенциалу региона Ж. Г. Голодова под управлением последним предлагает понимать «деятельность всех субъектов управления по формированию финансовых ресурсов, созданию, эффективному использованию и наращиванию финансового потенциала» [8, с. 18]. Ф. Ф. Ханафеев рассматривает управление налоговым потенциалом региона как составляющую налогового администрирования на региональном уровне [9, с. 21] и раскрывает управление в рамках функционального подхода. Таким образом, среди подходов, выделяемых в теории менеджмента, по отношению к управлению НПР основным является функциональный.

Основоположником классической (административной) школы менеджмента А. Файолем выделено 5 функций управления: предвидение, организация, распорядительство, координация и контроль [10, с. 5]. В современной теории управления эти функции чаще предстают как планирование, учет, контроль, анализ и регулирование. Указанные классические функции, несмотря на тривиальность подхода, применимы и к управлению НПР. В данном случае использование функций, выделенных административной школой менеджмента, освобождает исследователя от определения и формирования системы функций управления.

Отметим основные преимущества и недостатки функционального подхода к управлению НПР. Преимуществом является то, что в целом процесс управления становится ориентированным на результат – развитие НПР. Другое преимущество состоит в том, что достижение данного результата зависит от реализации каждой функции, и их воздействие на общий результат может быть оценено отдельно, что помогает сосредоточиться на наиболее значимых функциях и вместе с тем выявить направления совершенствования системы управления. К недостаткам функционального подхода следует отнести необходимость регламентации и разработки стандартов, конкретно выражающуюся в сложности и объемности налогового законодательства, нормативных и методических актов в сфере налогов и налогообложения. Необходимость подготовки высококвалифицированных узкоспециализированных кадров в рамках функционального подхода может привести к разрозненности субъектов управления и образованию сложной системы коммуникаций между ними. Так, в настоящее время в РФ функции управления НПР реализуют следующие субъекты: Министерство финансов, Министерство экономического развития, ФНС, Федеральное казначейство, Счетная палата, правоохранительные органы, Следственный комитет и др., а также их подразделения по вертикали системы государственного управления. Указанные преимущества и недостатки в известной степени присущи российской практике управления НПР.

Отметим, что в настоящее время традиционными, сформировавшимися и наиболее развитыми функциями управления НПР являются учет и контроль. Функции планирования, анализа и регулирования выходят за рамки приоритетного круга влияния ФНС РФ, в их реализации в большей степени принимают непосредственное участие другие структуры: финансовые, экономические, статистические и иные органы субфедерального уровня.

Обобщенная информация о воплощении функций управления в управлении НПР и субъектах, реализующих данные функции, представлена в таблице 1.

Таблица 1

Функции управления налоговым потенциалом региона и их реализация¹

№	Функция управления	Функция в контексте управления НПП	Субъект	Реализация функции
1.	Планирование	Оценка НПП, прогнозирование налоговых поступлений	УФНС и налоговые инспекции, Департаменты (Министерства) финансов	Оценка НПП на краткосрочную и долгосрочную перспективу, планирование и прогнозирование налоговых платежей, оценка факторов, определяющих НПП
2.	Анализ	Анализ НПП, анализ налоговых поступлений	УФНС, Департаменты (Министерства) финансов	Анализ НПП, налоговых поступлений в бюджеты в различных разрезах, определение факторов, воздействующих на НПП, анализ потенциалов крупнейших налогоплательщиков
3.	Учет	Учет НПП	УФНС и налоговые инспекции, Департаменты (Министерства) финансов, Управления Федерального казначейства	Учет налоговых платежей и поступлений, информации о налогоплательщиках, данных налоговой и бухгалтерской отчетности
4.	Контроль	Контроль НПП	УФНС и налоговые инспекции, счетная палата, правоохранительные органы, Следственный комитет	Контроль соблюдения налогового законодательства при формировании и использовании НПП
5.	Регулирование	Развитие НПП	Правительство региона, Департаменты (Министерства) финансов и экономического развития, УФНС	Стратегическое планирование регионального развития, формирование благоприятного налогового климата, повышение качества налогового администрирования, развитие горизонтальной налоговой конкуренции на субфедеральном уровне

Учет в рамках управления НПП подразумевает систему сбора, обобщения и хранения информации, необходимой для работы налоговых и финансовых органов региона. В частности, информации о налогоплательщиках, налоговых платежах, поступлениях налогов и сборов, данных бухгалтерской и налоговой отчетности налогоплательщиков – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей,

¹ Составлено автором с использованием: [1, 9, 11].

налоговых деклараций физических лиц. Также к функции учета налоговых органов относится регистрация и учет налогоплательщиков.

В настоящее время система учета в налоговых органах является в высокой степени сложной, налоговые органы составляют более 30 форм отчетности, используемых впоследствии Министерством финансов, государственными внебюджетными фондами, Федеральной службой государственной статистики, Федеральной таможенной службой и др. Функция учета является основополагающей для анализа, контроля и регулирования НПР.

Предметом контроля в системе управления налоговым потенциалом является соблюдение налогоплательщиками законодательства о налогах и сборах. Контроль при формировании НПР в основном осуществляется налоговыми органами. Превалирующей формой налогового контроля является налоговая проверка, которая может быть выездной и камеральной. Кроме налоговых проверок контроль может быть реализован в рамках получения ответов налогоплательщиков, налоговых агентов на запросы налоговых органов. Качество контроля зависит от оценки и анализа НПР. Оно может быть оценено на основании показателей НПР, таких как степень реализации НПР, также может быть сопоставлено в разрезе регионов и / или муниципальных образований. Контроль при использовании НПР, то есть при распределении бюджетных средств, осуществляется Счетной палатой.

В условиях объективного стремления налогоплательщиков к оптимизации налоговой базы налоговыми органам необходимо разрабатывать системы контроля и мониторинга законности и правильности исчисления и уплаты налога на опережение. Проведение налоговых проверок имеет высокую трудоемкость, требует детального анализа финансово-хозяйственной деятельности организации, ее учетной политики в целях налогообложения. Этим обусловлено проведение ФНС РФ работы по совершенствованию системы налогового администрирования. В рамках реализации контрольной функции в управлении налоговым потенциалом налоговыми органами в последнее время внедрены новые модели взаимодействия с налогоплательщиками, в частности налоговый аудит, налоговый мониторинг, раскрытие информации о возможностях самостоятельной оценки корректности исчисления и уплаты налогов, а также формирования налоговой отчетности. Рассмотрим подробнее указанные модели.

Одним из шагов в этом направлении стала публикация методик математического контроля правильности заполнения налоговых деклараций, которые заключаются в оценке соотношения между показателями налоговой отчетности, содержащихся в различных разделах деклараций¹. Внедрение такого ресурса в бухгалтерские программы в дальнейшем должно способствовать снижению количества формальных ошибок при заполнении деклараций, а соответственно, и уровня нарушений налогового законодательства.

Представляется целесообразным внедрение системы контроля налогового потенциала крупнейших налогоплательщиков также и на региональном уровне. Варианты такой системы могут формироваться на примере Концепции системы

¹Для декларации по налогу на прибыль организаций это контрольные соотношения между показателями различных Разделов, Листов (Лист 01 – Лист 07) и Приложений к ним. В частности, например, для Приложения 4 к Листу 02 «Расчет суммы убытка или части убытка, уменьшающего налоговую базу» это соотношение разности остатка непоперененного убытка на начало (стр. 010 Прил. 4 к Листу 02) и конец налогового периода (стр. 150 Прил. 4 к Листу 02) с налоговой базой за отчетный период (стр. 140 Прил. 4 к Листу 02) и равенство последней исчисленной налоговой базы (стр. 100 Листа 02).

планирования выездных налоговых проверок¹, которая позволила перейти от сплошного контроля деятельности организаций к выборочным налоговым проверкам. Данная Концепция предполагает формирование перечня налогоплательщиков для проведения выездных налоговых проверок по критериям риска несоблюдения законодательства о налогах и сборах (неверного исчисления и уплаты налогов и сборов). В соответствии с указанной Концепцией проводится анализ сумм исчисленных и уплаченных налоговых платежей и их динамики, анализ показателей налоговой и (или) бухгалтерской отчетности налогоплательщиков, позволяющий определить значительные отклонения показателей финансово-хозяйственной деятельности текущего периода от аналогичных показателей за предыдущие периоды, анализ факторов формирования налоговой базы. Указанные показатели (фактически рассчитанные) по каждому конкретному налогоплательщику сопоставляются с нормативно установленными ФНС РФ² средними (предельными) значениями данных показателей для соответствующего вида экономической деятельности. В случае отклонения фактических показателей от нормативных налогоплательщик включается в перечень для проведения выездных налоговых проверок.

Проиллюстрируем конкретное воплощение данной Концепции на примере оценки рисков по налогу на прибыль организаций коммерческими банками, которые являются крупнейшими налогоплательщиками во многих регионах, в том числе в Ярославской области. В таблице 2 представлены нормативные значения критериев оценки рисков по налогу на прибыль организаций в 2010–2014 гг. Подчеркнем, что под риском в данном случае понимается риск совершения налогового правонарушения³, то есть некорректного исчисления и уплаты налогов и сборов.

Таблица 2

Нормативные значения критериев самостоятельной оценки рисков налогоплательщиками по налогу на прибыль организаций в 2010–2014 гг.⁴

Критерий	в процентах				
	2010	2011	2012	2013	2014
Налоговая нагрузка по видам экономической деятельности	9,4	9,7	9,8	9,9	9,8
Рентабельность продаж	0,1	0,0	0,4	0,4	0,7
Рентабельность активов	7,6	-	4,5	5,7	0,0

Результаты расчета соответствующих критериев для коммерческого банка – одного из крупнейших налогоплательщиков Ярославской области – представлены в таблице 3.

¹ Приказ ФНС России от 30.05.2007 N ММ-3-06/333@ (ред. от 10.05.2012) "Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок" // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

² Приложение 3 к Приказу ФНС России от 30.05.2007 N ММ-3-06/333@ (ред. от 10.05.2012) "Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок" // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

³ Приложение 1 к Приказу ФНС России от 30.05.2007 N ММ-3-06/333@ (ред. от 10.05.2012) "Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок" // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ Составлено по: Приказ ФНС России от 30.05.2007 N ММ-3-06/333@ (ред. от 10.05.2012) "Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок" // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

**Результаты расчета значений критериев по налогу на прибыль организаций для
коммерческого банка в 2010–2014 гг.¹**

Критерий	в процентах				
	2010	2011	2012	2013	2014
Налоговая нагрузка по видам экономической деятельности	12,2	13,2	17,3	12,7	12,7
Отражение в отчетности убытков на протяжении двух последних периодов	Факты наличия убытков отсутствуют				
Рентабельность продаж	31,0	41,6	30,1	24,5	15,8
Рентабельность активов	2,2	3,3	2,3	2,0	1,4

Анализ отчетности налогоплательщика в рамках расчета критериев самостоятельной оценки рисков показал, что по всем показателям у кредитной организации отсутствуют признаки налогового риска за исключением показателя рентабельности активов в 2010–2013 гг., при этом низкая рентабельность активов характерна для деятельности данного налогоплательщика. Следовательно, существует вероятность, что организация будет включена в программу выездных налоговых проверок, но это не значит, что налогоплательщик использовал схемы минимизации налоговых баз.

Новой моделью взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками является также налоговый мониторинг, внедренный с 01.01.2015 в соответствии с Федеральным законом от 04.11.2014 №348-ФЗ², который дополнил часть первую Налогового кодекса разделом V.2 «Налоговый контроль в форме налогового мониторинга». Налоговый мониторинг представляет собой форму налогового контроля, осуществляемую в виде электронного информационного взаимодействия. Предметом налогового мониторинга является проверка правильности исчисления, полноты и своевременности уплаты налогов и сборов³. В период проведения мониторинга налогоплательщик предоставляет налоговому органу доступ к первичным документам, регистрам налогового и бухгалтерского учета и отчетности, то есть предоставляет источники информации, являющиеся основой для исчисления и уплаты налогов и сборов, то есть фактически налоговые органы дистанционно в режиме реального времени отслеживают финансово-хозяйственные операции налогоплательщиков.

Налоговый мониторинг предполагает, что в случае выявления фактов некорректного исчисления и уплаты налогов налоговые органы обязаны составить мотивированное мнение. Исполнение требований мотивированного мнения гарантирует налогоплательщику неначисление штрафов и пеней. В случае несогласия налогоплательщика с мотивированным мнением налогового органа ст. 105.31 Налогового кодекса⁴ предусмотрена взаимосогласительная процедура.

¹ Составлено по данным внутренней отчетности регионального филиала коммерческого банка. Цветом выделены факты более низкого значения показателя по сравнению с отраженным в Концепции.

² Федеральный закон от 04.11.2014 N 348-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

³ «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Налоговый мониторинг не является инновацией российских налоговых органов: в начале 2000-х гг. аналогичные инструменты активно внедряли развитые страны, в том числе одними из первых были Нидерланды, США, Великобритания.

Несмотря на широкий спектр преимуществ, активно освещаемых в литературе [12, с. 38–41; 13, с. 24–162; 14, с. 33], таких как снижение налоговых рисков, сокращение числа налоговых проверок при осуществлении контроля на постоянной основе, повышение прозрачности ведения бизнеса и обеспечении корректности исчисления и уплаты налогов, модель налогового мониторинга накладывает определенные ограничения и допущения:

1) в соответствии с п. 3 ст. 105.26 НК РФ¹ участниками налогового мониторинга могут быть только крупные налогоплательщики, имеющие годовую сумму уплаченных налогов не менее 300 млн руб., полученные годовые доходы не менее 3 млрд руб., активы на сумму не менее 3 млрд руб.;

2) налогоплательщик априори должен быть добросовестным;

3) электронный документооборот между налогоплательщиком и налоговым органом должен быть абсолютно отлаженным с исключением сбоев и высокой степенью защиты информации в условиях необходимости сохранения налоговой и коммерческой тайны;

4) налоговые органы должны обеспечить соответствующее качество подготовки налоговых консультантов.

Представляется, что проработка указанных позиций открывает платформу для совершенствования модели налогового мониторинга.

В настоящее время еще одной задачей налоговых органов, реализуемых в рамках контроля налогового потенциала, является также регулирование налоговых споров, а именно досудебное урегулирование, которое называется налоговым аудитом [11, с. 192]. Деятельность подразделений налогового аудита призвана обеспечить контроль соблюдения законодательства в деятельности налоговых органов, оценку качества работы налоговых органов и повышение ее эффективности.

Развитие налогового аудита в долгосрочной перспективе будет способствовать гармонизации налоговых отношений между налогоплательщиком и государством, а также расширению НПР при сокращении расходов на его администрирование.

В целом развитие налогового контроля является одним из стратегических направлений налоговой политики РФ на 2016–2018 гг.², в связи с чем также предполагается ввести институт предварительного налогового разъяснения (контроля), способствующий повышению стабильности и определенности правового регулирования налогообложения при сокращении издержек на налоговые проверки и обеспечении сокращения масштабов уклонения от уплаты налогов.

Таким образом, исследование налогового потенциала региона как объекта управления представляется целесообразным в рамках функционального подхода с выделением функций планирования, учета, контроля, анализа и регулирования. Каждая из функций является неотъемлемым элементом процесса управления и вносит определенный вклад в достижение результата – развития НПР. Отдельного внимания требует контроль в рамках управления НПР, поскольку развитие налогового контроля является одним из стратегических направлений налоговой политики, и в настоящее время государством реализуются различные инструменты повышения его эффективности, в частности налоговый аудит, налоговый мониторинг, раскрытие информации о возможностях самостоятельной оценки налогоплательщиками корректности исчисления и уплаты налогов и др.

¹ «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

² «Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Ссылки / Reference

- [1] Парфенова Л. Б., Пугачев А. А. Налоговый потенциал региона: проблемы качественной и количественной оценки // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 134–142.
- [2] Парфенова Л. Б., Пугачев А. А., Тюрина Т. Э. Оценка и характеристика состояния налогового потенциала Ярославской области в 2006–2012 годах // Сборник научных трудов SWorld. Выпуск 2. Том 28. Одесса, 2013. С. 16–22.
- [3] Пугачев А. А. Совершенствование налогового администрирования как элемент развития налогового потенциала региона // Социальные и гуманитарные знания. 2015. Т.1. №3 (3). С. 180–189.
- [4] Миронова О. А., Ханафеев Ф. Ф. О сущности налоговой политики, налогового администрирования и налогового менеджмента // Инновационное развитие экономики. 2014. №4 (21). С. 13–18.
- [5] Парфенова Л. Б., Пугачев А. А. Развитие налоговых инструментов активизации инновационной деятельности // Наука и экономика. 2012. № 6 (14). С. 5–12.
- [6] Мельник Д. Ю. Налоговый менеджмент. М.: Финансы и статистика, 1999. 352 с.
- [7] Рошупкина В. В. Теория и методология комплексной оценки налогового потенциала региона: дис. ... д-ра экон. наук. Ставрополь, 2014. 367 с.
- [8] Голодова Ж. Г. Формирование и управление финансовым потенциалом региона в целях обеспечения его экономического роста: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010. 46 с.
- [9] Ханафеев Ф.Ф. Методология и аналитическое обеспечение управления налоговым потенциалом региона: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Йошкар-Ола, 2008. 41 с.
- [10] Файоль А. Общее и промышленное управление / пер. с франц. М., 1992. 112 с.
- [11] Кузнецова В. В. Налоговый менеджмент. М.: Серебряные нити, 2010. 176 с.
- [12] Аракелова М. В. Налоговый мониторинг как форма налогового администрирования // Финансовое право. 2015. №8. С. 38–41.
- [13] Брызгалин А. В., Федорова О. С., Лонская О. Л. и др. Налог на прибыль: интересные вопросы из практики налогового консультирования // Налоги и финансовое право. 2014. №8. С. 24–162.
- [14] Коршунова М. В. Горизонтальный мониторинг и развитие налогового контроля в РФ // Финансы. 2013. №3. С. 32–37.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.654

Общественная поддержка лидера: как граждане структурируют внутриполитические потери в сфере внешней политики

**И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова,
К. Г. Храброва**

ЯрГУ им. П. Г. Демидова

E-mail: igkiselev@mail.ru; agsmirnova2001@mail.ru, bolvina.kseniya@mail.ru

Научная статья

В статье рассматривается проблема потерь, с которыми сталкивается политический лидер, когда проводимый им внешнеполитический курс не получает поддержки граждан. Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение связей между успехами в реализации национальных интересов обеспечения безопасности, экономического благополучия, поддержания национальной идентичности и влияния, с одной стороны, и отношением граждан к проводимой политике, а также готовностью ее поддержать, с другой стороны. В основе исследования – метод эксперимента, встроенный в анкетирование респондентов. Полученные результаты позволили обнаружить выраженность у участников исследования ценности политического активизма. Иначе говоря, респонденты придерживаются мнения о том, что политический лидер должен учитывать мнение граждан при принятии внешнеполитических решений. При этом неудачи в сфере внешней политики могут стать причиной внутриполитических потерь лидера, которые находят отражение в отсутствии поддержки лидера на выборах. Установлено, что отношение граждан к проводимой внешней политике и готовность ее поддержать связаны с результатами в обеспечении безопасности и влияния на международной арене. Воспринятые выигрыши и потери в области обеспечения экономического благополучия и поддержания национальной идентичности сами по себе в меньшей степени определяют отношение респондентов к внешней политике и готовность поддержать политического лидера.

Leader and Public support: How Citizens Structure Political Costs in the Niche of Foreign Policy

**I. Ju. Kiselev, A. G. Smirnova,
K. G. Hrabrova**

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: igkiselev@mail.ru; agsmirnova2001@mail.ru, bolvina.kseniya@mail.ru

Scientific article

In the article, the issue of costs, encountered by political leader when his foreign policy does not find public support, is considered. The results of empirical research, aimed to investigate the relationship between the realization of national interests in the niche of security, economic prosperity, maintenance of national identity and provision of influence on the international arena, upon one hand, and the attitude of citizens to the political course, their readiness to support it, on the other hand, are presented. The main method of research was experiment, that is embedded in public opinion survey. The analysis shows the intensity manifestation of the value of political activism in the foreign policy domain among the respondents. That is to say, they are of the opinion that political leaders should take into consideration their preferences in foreign policy decision-making. More than that, the respondents tend to influence the foreign policy decision-makers by means of domestic costs' generation through the shifts in the voting behavior. At that, the attitude to the foreign policy course and the readiness to its support were connected mainly with the consequent effects in security and provision of influence on the international arena. Perceived costs and benefits in maintenance of national identity and economic prosperity by themselves predetermine to a lesser degree the respondents' attitude to the foreign policy and readiness to support political leader.

Ключевые слова: внешняя политика; общественное мнение; внутриполитические потери
Keywords: foreign policy; public opinion; home policy losses

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Проблема отсутствия поддержки внешнеполитического курса как фактор формирования внутриполитических потерь лидера: экспериментальное исследование», проект № 15-03-00455

Традиционно считается, что, оценивая деятельность политических лидеров, избиратели склонны уделять внимание внутриполитическим вопросам, нежели результатам внешней политики. Последняя должна быть отдана на откуп профессионалам, а участие обычных граждан в принятии внешнеполитических решений – сведено к минимуму. Однако увеличение количества исследований, направленных на изучение общественного мнения в сфере внешней политики [1], [2], ставит под сомнение это утверждение. Более того, можно предположить, что граждане государств, выступающих крупными игроками на мировой политической арене, неизбежно будут оценивать деятельность политиков с учетом результатов не только внутренней, но и внешней политики.

Например, опираясь на результаты исследования Б. Докторова, направленного на выявление факторов победы Б. Обамы на президентских выборах 2008 г., можем сделать вывод, что одним из них стала общая неудовлетворенность избирателей внешней политикой его предшественника – Дж. Буша-мл. по основным группам национальных интересов [3]. Проблемы внешней политики, в том числе российско-американские отношения, занимают важное место в предвыборной кампании нынешних кандидатов на пост президента США – Х. Клинтон и Д. Трампа.

Проводимая внешняя политика выступает значимым основанием оценки деятельности российских политиков. По данным ФОМ, опубликованным в марте 2016 г., 63 % россиян следят за внешней политикой. При этом 53 % опрошенных полагают, что руководство уделяет этой сфере столько внимания, сколько необходимо. Большинство респондентов (63%) убеждено, что во внешней политике России было больше успехов, чем неудач [4]. Примечательны характеристики тех, кто следит и не следит за внешней политикой. В частности, 48 % респондентов, не интересующихся внешней политикой, не пошли бы на выборы в Госдуму, если бы они состоялись в ближайшее воскресенье. Кроме того, 47 % не поддерживают деятельность нынешнего президента России. В свою очередь, внешней политикой интересуется электорат партий «Справедливая Россия» (74 %) и КПРФ (73 %), а также те, кто не доверяет партии «Единая Россия» (65 %) [5].

Таким образом, проводимая внешняя политика влияет на формирование электоральных предпочтений. При этом результаты принятых внешнеполитических решений могут способствовать как получению лидером поддержки граждан, так и отказу в ней. В связи с этим важно установить, какой внешнеполитический курс способен обеспечить лидеру внутриполитическую поддержку, а какой – лишить ее. Поиск подобных закономерностей осуществляется на основе анализа результатов авторского эмпирического исследования, направленного на изучение последствий, с которыми может столкнуться политический лидер, если проводимый им внешнеполитический курс не получит поддержки внутри страны.

Проблема внутриполитических потерь лидера

Понятие потерь, с которыми может столкнуться лидер, если проводимый им внешнеполитический курс не получит поддержку представителей разных социальных групп («аудиторий») внутри страны, широко используется в научной литературе для анализа международных политических процессов, прежде всего конфликтов. Например, Дж. Фиарон рассматривает проблему потерь, связанных с отсутствием поддержки, в условиях международных кризисов и делает вывод, что ожидаемые лидером потери способствуют повышению достоверности угроз, которыми обмениваются государства в период эскалации напряженности [6]. В свою очередь, Х. Гёманс поднимает проблему движущих сил, заставляющих лидеров государств принять решение о завершении войн.

Ученый приходит к выводу, что в качестве одного из условий выступают ожидания лидера относительно тех последствий, с которыми он столкнется после окончания конфликта [7].

Несмотря на то, что концепция потерь, связанных с отсутствием поддержки проводимой лидером политики, широко применяется для анализа международных политических процессов, она требует дальнейшего изучения по следующим направлениям.

Во-первых, хотя феномен потерь описан преимущественно в литературе по проблеме международных конфликтов, очевидно, что он наблюдается и в других сферах внутренней и внешней политики, не обязательно связанных угрозами и войнами. В связи с этим возникает вопрос о том, каким закономерностям подчиняется процесс генерирования внутривнутриполитических потерь.

Во-вторых, феномен потерь, с которыми сталкивается лидер, если проводимый им курс не получил поддержку, рассматривается преимущественно с позиций субъектов принятия политических решений. Меньше внимания уделяется изучению данного феномена с точки зрения граждан: способны ли они генерировать потери? Какие последствия проводимой лидером внешней политики ассоциируются у них с выигрышами и неудачами? Поиск ответа на поставленные вопросы затруднен тем, что по-прежнему дискуссионной остается характер связи между проводимой политикой и общественным мнением о ней. Кроме того, не ясна до конца природа выигрышей и потерь: что субъекты считают «выигрышем», а что «потерей» в ситуации решения [8]. Более того, можно предположить, что политические лидеры и обычные граждане по-разному трактуют одну и ту же ситуацию с точки зрения возможных исходов принятых решений.

В связи с этим важно уделить внимание изучению того, как результаты проводимой лидером внешней политики репрезентированы в общественном мнении разных групп населения и как сложившиеся репрезентации связаны с установками на формирование внутривнутриполитических потерь лидера, проводящего внешнеполитический курс.

Производство гражданами внутривнутриполитических потерь, с которыми может столкнуться лидер, предполагает, во-первых, восприятие внешней политики как приведшей к неудачам в реализации отдельных или всех национальных интересов. Во-вторых, данный процесс связан с формированием установки на совершение действий, которые приведут лидера к внутривнутриполитическим потерям, связанным с утратой им лично и/или политической силой, которую он представляет, власти вследствие потери голосов на выборах, вынужденной отставки, акций протеста и др.

Для выявления закономерностей формирования гражданами внутривнутриполитических потерь важно раскрыть особенности восприятия успехов и неудач в реализации четырех основных категорий национальных интересов: обеспечения безопасности, экономического благополучия, поддержания национальной идентичности, оказания влияния на международной арене.

Перечисленные интересы рассматриваются как базовые для внешнеполитической деятельности любого государства. В связи с этим неудачи в осуществлении каждого из них потенциально могут стать основанием для генерирования внутривнутриполитических потерь лидера. Вместе с тем трудно не согласиться с трактовкой природы выигрышей и потерь в рамках теории социального конструктивизма, согласно которой выигрыши и потери не имеют абсолютного значения, а обретают смысл в социальном пространстве конкретного общества. Как подчеркивает Дж. Береджикян, «поведение государств обусловлено нормами и идентичностями (обычно, разделяемыми элитой) и тем, как эти нормы и идентичности распространяются посредством социальных дискурсов» [9]. Фактически представители политической элиты задают ориентиры внешнеполитической деятельности, которые считаются обычными гражданами и воспроизводятся в повседневной деятельности. В результате прочтение значимых направлений внешнеполитической деятельности элиты и обычных граждан постепенно унифицируется.

Рассмотрим, как определены ключевые задачи внешнеполитической деятельности в российском обществе.

В действующей Концепции внешней политики Российской Федерации отмечается, что основные внешнеполитические усилия должны согласовываться «с высшим приоритетом национальной безопасности – обеспечением защищенности личности, общества и государства» [10]. При этом обозначенный приоритет конкретизирован в перечне задач, первыми в котором упоминаются обеспечение безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, создание благоприятных условий для устойчивого и динамичного роста российской экономики. В перечень вошла также задача по распространению и укреплению позиции русского языка в мире, популяризация культурных достижений народов России, консолидации русской диаспоры за рубежом. Таким образом, все группы интересов упоминаются среди задач внешней политики. При этом приоритет отдан обеспечению безопасности.

Институционализованные доминанты внешнеполитической деятельности совпадают с восприятием приоритетов обычными гражданами. Результаты разных исследований фиксируют общую тенденцию, отражающую возросшую потребность россиян в обеспечении безопасности.

Так, согласно данным ФОМ, опубликованным в апреле 2016 г., респонденты, отвечая на вопрос о том, что вызывает тревогу и опасение, если говорить о ситуации в России, наиболее часто называли повышение цен и обнищание людей (44 %). Второй по частоте ответ – угроза нападения других государств (28 %). В марте 2015 г. на это опасение ссылались 32% опрошенных. Важно подчеркнуть, что по результатам опроса, проведенного в 2000 году, об этом тревожились лишь 11% россиян [11]. Таким образом, жители нашей страны ощущают угрозу не только экономическому благополучию, но и безопасности. Схожие результаты получены в ходе опросов ВЦИОМ [12].

Результаты исследования восприятия власти, проведенного коллективом ученых под руководством Е. Б. Шестопал, также служат основанием для вывода о доминировании интереса обеспечения безопасности в массовом сознании. Так, в образе идеальной власти потребность безопасности существенно доминирует над другими категориями потребностей (60 %). Образ реальной власти на нынешнем этапе, приходящемся на третий президентский срок В.В. Путина, также ассоциируется с неудовлетворенной потребностью в безопасности [13].

Представленный обзор служит основанием для формулировки следующих гипотез, содержащих предположения о закономерностях генерирования потерь, с которыми может столкнуться лидер, если проводимый им внешнеполитический курс не получил поддержку граждан.

Гипотеза 1. Неудачи в сфере внешней политики приведут лидера к внутривнутриполитическим потерям, которые связаны с утратой им лично и/или политической силой, которую он представляет, власти вследствие потери голосов на выборах, вынужденной отставки, акций протеста. Наиболее вероятным внутривнутриполитическим последствием станет отсутствие поддержки политика на выборах.

Гипотеза 2. Неудачи в реализации всех основных категорий национальных интересов могут стать причиной внутривнутриполитических потерь лидера, если его внешнеполитический курс не получит поддержки граждан. При этом необеспеченная безопасность и снижение экономического благополучия в результате проводимой внешней политики приведут к невозможным внутривнутриполитическим потерям.

Процедура эмпирического исследования

С целью проверки гипотез проведено исследование с использованием метода эксперимента, встроенного в анкетирование респондентов [14]. Процедура исследования апробирована в ходе пилотажного исследования [15].

Выбор метода обусловлен спецификой изучаемого феномена внутривнутриполитических потерь лидера. Принимая внешнеполитические решения, лидер пытается предвидеть возможные внутривнутриполитические потери, которые возникнут, если он предпочтет неприемлемую для граждан альтернативу. Иначе говоря, политик стремится не

допустить появления внутриполитических потерь. В результате они зачастую оказываются «невидимыми» для исследователя, который предпринимает попытку их изучения на примере реальных решений. Метод эксперимента позволяет смоделировать ситуацию возникновения внутриполитических потерь и изучить ее характеристики посредством изменения значений *независимых переменных*. В проведенном исследовании в качестве таковых выступают последствия внешнеполитического решения, отражающие разные комбинации выигрышей и потерь, связанных с обеспечением безопасности, экономического благополучия, поддержанием национальной идентичности и влияния на международной арене.

Всего респондентам предъявлялись семь описаний ситуаций. *Ситуация 1* представляет последствия внешнеполитического решения с точки зрения выигрышей в области безопасности и экономического благополучия, а также потерь в области поддержания национальной идентичности и влияния. *Ситуация 2* указывает на выигрыши в области обеспечения безопасности и поддержания национальной идентичности на фоне потерь в области экономического благополучия и влияния. *Ситуация 3* отражает комбинацию выигрышей в области обеспечения безопасности, поддержания национальной идентичности и влияния в сочетании с потерями в сфере экономического благополучия. *Ситуация 4* содержит ссылки на потери в трех сферах – безопасности, экономическом благополучии и влиянии – в комбинации с выигрышами в области поддержания национальной идентичности. *Ситуация 5* описывает потери в области обеспечения безопасности и влияния на международной арене в сочетании с выигрышами в сфере экономического благополучия и поддержания национальной идентичности. *Ситуация 6* представлена сочетанием потерь в области обеспечения безопасности на фоне выигрышей во всех остальных сферах. *Ситуация 7* указывает на выигрыши в области обеспечения безопасности на фоне потерь во всех остальных сферах.

Каждому респонденту предъявлялось описание только одной ситуации.

Зависимыми переменными выступает, во-первых, отношение респондента к последствиям внешней политики (индекс отношения). После ознакомления с экспериментальной ситуацией респонденты отвечали на вопросы о том, какие интересы удалось реализовать лидеру, деятельность которого описана в ситуации, какие – не удалось. Кроме того, они по пятибалльной шкале оценивали важность реализации основных категорий национальных интересов. На основе ответов на эти вопросы для каждого респондента рассчитан *индекс отношения* к последствиям внешнеполитического курса, описанного в ситуации. Расчет индекса производился по формуле: $I(O) = \sum v_1 \cdot w_1$, где v_1 – оценка интереса как сопряженного с выигрышами (+1) или потерями (-1), а w_1 – оценка значимости интереса (от 1 до 5). Знак индекса обозначает направленность отношения (положительное или отрицательное), в то время как его величина – выраженность отношения. Во-вторых, определялась установка респондента на поддержку внешней политики, описанной в ситуации. В-третьих, выявлялась установка на совершение политических действий, которые могут быть связаны с потерями для лидера (отказ поддержать политика на выборах, протестные действия, требования отставки).

Объем выборки исследования составил 1050 человек. Каждая из 7 экспериментальных ситуаций предъявлялась 150 респондентам трех возрастных групп (18–30, 31–60, старше 61 года) в равной представленности в каждой из них мужчин и женщин. Математико-статистическая обработка данных осуществляется с помощью составления таблиц сопряженности с применением критериев χ^2 Пирсона, ν Крамера, метода Монте-Карло.

Полученные результаты

Для проверки *гипотезы 1* проанализируем ответы на вопросы, позволяющие выявить готовность респондентов генерировать внутриполитические потери лидера, если он реализует внешнюю политику, которая не получила их поддержки.

Прежде всего отметим, что 62,1 % респондентов убеждены в том, что *политик должен учитывать мнение граждан* при принятии внешнеполитических решений; 19,2 %

– придерживаются противоположной точки зрения; 18,7 % – затруднились с выбором ответа. Важно отметить, что подобное мнение разделяют всех *три возрастные группы*.

В свою очередь, наблюдаются различия в распределении ответов *мужчин и женщин*. Обе группы разделяют установку на участие граждан в принятии внешнеполитических решений. Однако чаще ее демонстрируют мужчины (52,6 %), чем женщины (47,4 %). Различия статистически значимы ($\chi^2_{(df=2)} = 8,812$; $p < 0,012$, критерий Монте-Карло находится в пределах статистической значимости, $0,011 < p = 0,013 < 0,015$).

Участники исследования с разным уровнем образования разделяют общую установку на то, что политик должен учитывать мнение граждан при принятии внешнеполитических решений. Однако при этом респонденты без высшего образования высказывают такое мнение чаще, чем опрошенные с высшим образованием (66,8% и 57,8% соответственно). В свою очередь, убежденность в обратном чаще разделяют респонденты с высшим образованием (17,7 % и 19,9 % соответственно). Различия статистически значимы ($\chi^2_{(df=2)} = 10,117$; $p = 0,006$, V Крамера = 0,099; $p = 0,006$, критерий Монте-Карло находится в пределах статистической значимости $0,005 < p = 0,006 < 0,008$).

Уровень *информированности о внешней политике* также принципиально не влияет на распределение ответов. И те респонденты, которые регулярно следят за внешней политикой, и интересующиеся ею время от времени, и не следящие совсем убеждены, что лидер должен принимать в расчет мнение граждан при принятии внешнеполитических решений (62,8%, 62% и 65,2% соответственно). Однако, как можно заметить, наиболее выраженная установка наблюдается у респондентов, которые не следят за внешней политикой. Различия статистически значимы ($\chi^2_{(df=6)} = 13,258$; $p = 0,039$, V Крамера = 0,08; $p = 0,039$, критерий Монте-Карло находится в пределах статистической значимости $0,037 < p = 0,034 < 0,041$). В целом влияние фактора информированности схоже с воздействием уровня образования, что объяснимо, поскольку 69,7% респондентов, не следящих за внешней политикой, не имеют высшего образования.

Вместе с тем, несмотря на выявленные статистически значимые различия в ответах опрошенных по факторам «пол», «уровень образования» и «уровень информированности», величина критерия V Крамера во всех случаях указывает на слабые связи между рассматриваемыми переменными, что подтверждает наличие общей установки на то, что лидер должен учитывать мнение граждан в процессе принятия внешнеполитических решений. Формированию у россиян такой установки способствовала социализация и ресоциализации в условиях политической системы 90-х и 2000-х годов. В эти годы приобретен не только опыт политического участия, но и навыки политического поведения, позволяющего донести мнение по проводимой политике до субъектов принятия решений.

Сделанный вывод подтверждается ответами на вопрос о том, *с какими последствиями может столкнуться лидер*, если население страны не одобрит проводимую им внешнюю политику. Респондентам предлагалось оценить возможность наступления последствий по 5 бальной шкале, где 5 – самая высокая возможность наступления последствия, а 1 – самая низкая возможность.

По мнению респондентов, вероятней всего политик лишится поддержки избирателей ($M = 3,21$; $Mo = 5$). Кроме того, опрошенные полагают, что политик также может столкнуться с акциями протеста ($M = 2,93$; $Mo = 3$). Далее в порядке убывания возможности наступления последствия упоминаются: отставка ($M = 2,21$; $Mo = 1$), отсутствие каких бы то ни было последствий ($M = 1,7$; $Mo = 1$), арест и судебное разбирательство ($M = 1,49$; $Mo = 1$). Важно подчеркнуть, что разные группы респондентов, сформированные в соответствии с критерием возраста, пола, уровня образования и информированности, воспроизводят тенденцию, зафиксированную на выборке в целом. Таким образом, респонденты убеждены, что те или иные последствия непременно должны наступить, если лидер реализует внешнеполитический курс, который расходится с ожиданиями граждан. При этом они отдают предпочтение выборам как инструменту влияния на политического лидера.

Обобщая полученные результаты, можем сделать вывод о подтверждении *гипотезы 1*, согласно которой неудачи в сфере внешней политики приведут лидера к внутривнутриполитическим потерям.

Теперь необходимо установить, неудачи в реализации каких национальных интересов приведут к наиболее заметным неблагоприятным для политика последствиям.

Прежде всего рассмотрим субъективно определяемые респондентами *приоритеты во внешней политике*. Участнику исследования предложено оценить степень важности основных категорий национальных интересов по пятибалльной шкале, где 5 – наивысшая важность, а 1 – наименьшая.

Полученные средние оценки важности интересов, значения моды и медианы позволяют разделить интересы на две группы. *Первую группу* составили направления внешнеполитической деятельности, которые получили высокие средние оценки в целом по выборке при наиболее часто используемой оценке 5 баллов. В нее вошли: обеспечение безопасности граждан ($M = 4,57$), обеспечение безопасности государства ($M = 4,52$), экономическое благополучие граждан ($M = 4,33$), развитие национальной экономики ($M = 4,28$), укрепление авторитета страны на международной арене ($M = 4,18$). Во *вторую группу* объединены интересы, которые оценены респондентами преимущественно на 4 и 5 баллов ($M_o = 5$; $M_d = 4$): сохранение независимости в принятии внешнеполитических решений ($M = 4,01$), сохранение национальных ценностей и культуры ($M = 4$), возможность оказывать влияние на политику других государств ($M = 3,41$).

Представленные результаты ранжирования позволяют сделать вывод, что все группы интересов почти в равной степени важны для респондентов в качестве основания для оценки внешнеполитической деятельности. Вместе с тем можем предположить, что именно интересы первой группы имеют ключевое значение для генерирования внутривнутриполитических потерь.

Для проверки сделанного предположения сравним отношение респондентов к внешней политике, описанной в семи экспериментальных ситуациях, а также сопоставим установки на ее поддержку.

Как наиболее выгодный респонденты восприняли курс, принесший выигрыши во всех областях, кроме обеспечения безопасности (*ситуация 6*). В качестве выигрышного его оценили 43,1% респондентов; 36,8% опрошенных полагают, что он содержит в равной степени выигрыши и потери; 20,2% заметили преимущественно потери. Как в высокой степени выигрышные (42,2%) расцениваются последствия внешнеполитического решения, которые описаны с точки зрения преимуществ в области безопасности и экономического благополучия, а также – потерь в поддержании национальной идентичности и оказании влияния (*ситуация 1*). Однако 35,9% респондентов полагают, что такая внешняя политика принесла как выигрыши, так и потери; 21,8% – подчеркнули преимущественно наличие потерь.

В свою очередь, с *потерями* ассоциируется прежде всего внешнеполитический курс, который сопряжен с неудачами в трех сферах – безопасности, экономического благополучия и влияния в комбинации с выигрышами в области поддержания национальной идентичности (*ситуация 4*). Его воспринимают как выигрышный 9,6% респондентов, в то время как 61,9% связывают его преимущественно с потерями. Курс, обеспечивший преимущества в области безопасности, на фоне потерь во всех остальных сферах (*ситуация 7*), 15,6% опрошенных воспринимают как выигрышный, а 44,7% – как связанный с потерями.

В целом различия в восприятии внешней политики как сопряженной с выигрышами и/или потерями в зависимости от предъявленной респондентам комбинации реализованных и не реализованных национальных интересов можно рассматривать как статистически значимые ($\chi^2_{(df=24)} = 136, 321$; $p < 0,001$, V Крамера = 0,185; $p < 0,001$, критерий Монте-Карло $< 0,001$).

Разделились также и мнения респондентов относительно готовности поддержать внешнюю политику, результаты которой описаны в семи экспериментальных ситуациях. Самый высокий уровень поддержки (75,6%) обеспечивает комбинация выигрышей в области обеспечения безопасности, поддержания национальной идентичности и влияния в сочетании с потерями в сфере экономического благополучия (*ситуация 3*). Однако она не рассматривалась респондентами как наиболее выгодная. Субъективно выигрышные ситуации 1 и 6 обеспечили бы поддержку 66,7% и 63,9% опрошенных. В свою очередь,

наименее субъективно выигрышные ситуации 4 и 7 поддержали бы 42 % и 48 % респондентов. Различия статистически значимые ($\chi^2_{(df=18)} = 87,798$; $p < 0,001$, V Крамера = 0,188; $p < 0,001$, критерий Монте-Карло $< 0,001$).

Зафиксированная тенденция благоприятна с точки зрения проблемы генерирования внутривнутриполитических потерь. На фоне примерно одинаково высокой значимости разных категорий национальных интересов восприятие курса как сопряженного с потерями не несет автоматического отказа в поддержке. В связи с этим можем предположить, что готовность поддержать внешнеполитический курс обусловлена не только соотношением выигрышей и потерь, но и другими факторами.

Анализ полученных результатов позволил установить, что уровень поддержки зависит также от отношения респондентов к проводимой политике. В частности, самый высокий уровень поддержки курса демонстрируют респонденты, положительно относящиеся к нему (80,9 %). Негативное отношение обеспечивает самый низкий уровень поддержки (29,5 %). При этом по показателю отношения в позитивном свете респонденты воспринимают *ситуацию 3* (68,7 % относятся положительно) и *ситуацию 6* (67,3 %). Наиболее выраженное негативное отношение продемонстрировано по отношению к *ситуации 4* (67,1 % относятся негативно), *ситуации 7* (60 %) и *ситуации 5*, представленной потерями в области обеспечения безопасности и влияния на международной арене в сочетании с выигрышами в сфере экономического благополучия и поддержания национальной идентичности (60,8 %). Различия статистически значимы ($\chi^2_{(df=12)} = 139,857$; $p < 0,001$, V Крамера = 0,259; $p < 0,001$, критерий Монте-Карло $< 0,001$).

Показатели отношения к внешней политике, ее восприятия как связанной с выигрышами и/или потерями, а также установка на готовность ее поддержать, позволяют назвать ключевые интересы, успехи или неудачи в реализации которых определяют оценку респондентами внешнеполитической деятельности лидера. В частности, на противоположных полюсах с точки зрения выраженного отношения оказываются *ситуации 3 и 4*. Они также полярны и по ожидаемой поддержке. Можем заметить, что они отличаются между собой по выигрышам и потерям в области обеспечения безопасности и влияния.

Сравнение отношения респондентов к внешней политике, описанной в экспериментальных ситуациях, которые характеризуются выигрышами и потерями в области обеспечения безопасности, позволяет установить статистически значимые различия. Внешнеполитический курс, приведший к ослаблению безопасности, чаще всего вызывает негативное отношение респондентов (51,4 %). Выигрыши в этой сфере сопряжены с положительным отношением к проводимой политике (50,2 %): $\chi^2_{(df=2)} = 14,934$; $p = 0,001$, V Крамера = 0,120; $p = 0,001$, критерий Монте-Карло $0,0001 < 0,001 < 0,002$. Наблюдаются также различия в отношении к проводимой политике, отличающейся успехами и неудачами в реализации интереса влияния в международных делах: 68% опрошенных демонстрируют положительное отношение, если лидеру удастся оказывать влияние на политику других стран в своих интересах. В свою очередь, отсутствие возможности оказывать влияние негативно воспринимают 52,3 % респондентов. Различия статистически значимы ($\chi^2_{(df=2)} = 83,812$; $p < 0,001$, V Крамера = 0,283; $p < 0,001$, критерий Монте-Карло $< 0,001$). Отношение к проводимой внешней политике не зависит от реализации интересов экономического благополучия и поддержания национальной идентичности.

Готовность поддержать внешнеполитический курс также в наибольшей степени зависит от реализации интересов безопасности и влияния. Курс, принесший выигрыши в области обеспечения безопасности, поддержали и скорее поддержали 62,2 % респондентов. В свою очередь, внешнюю политику, сопровождающуюся потерями в этой области, поддержали бы чуть больше половины опрошенных – 50,7 %. Различия статистически значимы ($\chi^2_{(df=3)} = 27,07$; $p < 0,001$, V Крамера = 0,179; $p < 0,001$, критерий Монте-Карло $< 0,001$). Более высокий уровень поддержки обеспечивают выигрыши, связанные с реализацией интереса влияния на других участников международных отношений: 69,4 % респондентов поддержали или скорее поддержали бы такую внешнюю политику. Тем не менее 51,7 % участников исследования поддержали или скорее поддержали внешнеполитический курс, который принес потери в этой области.

Различия статистически значимы ($\chi^2_{(df=3)} = 26,83$; $p < 0,001$, V Крамера = 0,18; $p < 0,001$, критерий Монте-Карло $< 0,001$). Готовность респондентов поддержать внешнюю политику не зависит от успешности реализации интересов в области экономического благополучия и поддержания национальной идентичности. Различия статистически не значимы.

В заключение необходимо рассмотреть, какие внутривнутриполитические последствия могут возникнуть в результате разных внешнеполитических сценариев, описанных в экспериментальных ситуациях. Как отмечалось выше, респонденты склонны реагировать на неудачный с их точки зрения внешнеполитический курс отказом поддержать лидера в ходе выборов или акциями протеста. Отдельные экспериментальные ситуации – не исключение.

В частности, курс, обеспечивший преимущества в области безопасности, на фоне потерь во всех остальных сферах (*ситуация 7*), привел бы к акциям протеста ($M = 3,44$) и отказу поддержать политика в ходе выборов ($M = 3,58$). При этом важно отметить, что субъективно оцениваемая возможность наступления последствий выше, чем в целом по выборке. Для внешнеполитического курса, который принес потери в сферах безопасности, экономического благополучия и влияния в сочетании с выигрышами в области поддержания национальной идентичности (*ситуация 4*), средние значения возможности акций протеста и отказа в электоральной поддержке составили 3,05 и 3,43 соответственно.

Для сравнения: экспериментальная *ситуация 3*, которая вызывает положительное отношение респондентов и готовность ее поддержать, сопровождаются более низкими, чем в среднем по выборке, оценками возможности акций протеста ($M = 2,9$) и отказа поддержать лидера в ходе выборов ($M = 2,85$). Однако *ситуация 6*, обеспечившая политику поддержку, отмечена более высокими оценками возможности акций протеста ($M = 3,19$) и отсутствия электоральной поддержки ($M = 3,31$). Выраженные негативные последствия на фоне положительного отношения к описанному курсу могут объясняться тем, что он характеризуется потерями в области обеспечения безопасности. Как было показано ранее, субъективная значимость этой категории интересов для респондентов особенно высока. В связи с этим и возможность наступления негативных внутривнутриполитических последствий в данном случае увеличивается.

Выводы

Завершая рассмотрение результатов исследования, можем сделать вывод о подтверждении выдвинутых гипотез.

В частности, неудачи в сфере внешней политики могут стать причиной внутривнутриполитических потерь лидера, которые находят отражение в отсутствии поддержки лидера на выборах и акциях протеста. Полученные результаты указывают на то, что опрошенные в основном допускают возможность критики внешнеполитической деятельности лидера с целью ее позитивных изменений. С учетом зафиксированного социологами роста интереса россиян к проблемам внешней политики, отмеченная установка на генерирование внутривнутриполитических потерь превращает внешнюю политику в ту область деятельности лидера, которая может создать как фундамент для общественной поддержки, так и основание для ее утраты.

В ходе исследования установлено, что неудачи в реализации всех основных категорий национальных интересов могут стать причиной внутривнутриполитических потерь лидера, если его внешнеполитический курс не получит поддержки граждан. Вместе с тем анализ взаимосвязи характеристик проводимой лидером внешней политики и готовности граждан генерировать внутривнутриполитические потери позволил установить, что на фоне примерно одинаковой высокой значимости разных категорий национальных интересов восприятие курса как сопряженного с *потерями* не ведет автоматически к отказу в *поддержке*. На готовность поддержать внешнеполитический курс более существенное влияние оказывает субъективно оцениваемый респондентами уровень осуществления тех национальных интересов, которые они рассматривают в качестве приоритетных. Иначе говоря, внешняя политика должна быть не просто выгодной, а *результативной*. Респонденты готовы поддержать курс, в котором соотношение потерь и

выигрышей складывается в пользу первых, но при этом реализованы те интересы, которые рассматриваются ими как значимые.

Субъективно респонденты придают более высокое значение реализации интересов *безопасности* и возможности оказывать *влияние* на политику других стран. Интересы экономического благополучия и поддержания идентичности могут усилить или ослабить готовность респондентов поддержать внешнеполитический курс.

Ссылки / Reference

- [1] Wlezien C., Soroka S.N. The Relationship between Public Opinion and Policy // Oxford Handbook of Political Behavior / ed. by R. Dalton, H-D. Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 2007. Pp. 799–817.
- [2] Киселев И. Ю., Смирнова А. Г., Храброва К. Г. Проблема генерирования внутривнутриполитических потерь лидера представителями разных социальных групп: в поисках теоретических оснований // Социальные и гуманитарные знания. 2016. Том 2. № 1. С. 32–40.
- [3] Докторов Б. Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения. М.: Институт Фонда «Общественное мнение»; Издательство «Европа», 2011. С. 229–238.
- [4] Интерес к внешней политике: мониторинг. Как оцениваются результаты российской внешней политики? 17 марта 2016 г. URL: <http://fom.ru/Politika/12561>.
- [5] Россия на международной арене: оценка внешней политики. 06.05.2016. URL: http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom_1716/d171606.
- [6] Fearon J. D. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes // American Political Science Review. 1994. Vol. 88. № 3. Pp. 577–592.
- [7] Goemans H. War and Punishment: the Causes of War Termination and the First World War. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. 355 p.
- [8] [8] Berejikian J. D. International Relations under Risk: Framing Risk Choice. Albany, NY: State University of New York Press, 2004. Pp. 65–80.
- [9] Berejikian J. D. International Relations under Risk: Framing Risk Choice. Albany, NY: State University of New York Press, 2004. P. 70.
- [10] Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>.
- [11] Страхи и тревоги. Что больше всего тревожит россиян в повседневной жизни, в жизни страны и мира? 16 апреля 2016 г. URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/12596>.
- [12] Индекс страхов. URL: http://wciom.ru/news/ratings/indeks_straxov/
- [13] Шестопал Е. Б. Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России: монография / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. С. 111.
- [14] Gilens M. An Anatomy of Survey-Based Experiments // Navigating Public Opinion. Polls, Policy and the Future of American Democracy / Ed by J. Manza, F.L. Cook, B.I. Page. Oxford: Oxford University Press, 2002. Pp. 232–250.
- [15] Киселев И. Ю., Смирнова А. Г., Храброва К. Г. Последствия внешнеполитического курса как фактор внутривнутриполитических потерь лидера // Власть. 2015. № 10. С. 42–49.

УДК 316.472

Динамика развития субъектов,
институтов и механизмов
публичной политики в
Ярославской области

А. В. Соколов, А. А. Фролов

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова

E-mail: alex8119@mail.ru, a.a.froloff@gmail.com

Научная статья

Статья посвящена изучению актуальных вопросов развития субъектов, институтов и механизмов публичной политики в Ярославской области в 2015 году. В статье приводятся результаты социологических исследований, характеризующих основные параметры публичной политики Ярославской области по методике ЯН-индекса. Приводится анализ динамики данных показателей за 7 лет.

Ключевые слова: публичная политика; гражданское общество; НКО; Ярославская область

Dynamics of development entities,
institutions and public policy
mechanisms in the Yaroslavl
region

A. V. Sokolov, A. A. Frolov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The article is devoted to the study of subjects of topical issues of development of institutions and public policy mechanisms in the Yaroslavl region in 2015. The paper presents the results of sociological research on the Yaroslavl region on the evaluation of basic parameters of public policy in the region by YN-index. The authors present an analysis of the dynamics of these indicators in the last 7 years.

Keywords: public policy; civil society; NGO; Yaroslavl region

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № 1127 «Правовые и социально-политические аспекты гражданской активности в современной России».

Одним из аспектов современных административных реформ стало развитие публичного характера управления и внедрение элементов менеджмента в систему государственного и муниципального управления [1, с. 15]. В связи с этим актуальной проблемой становится диалог между государством и гражданским обществом, который осуществляется в пространстве публичной политики [2, с. 14]. При этом под гражданским обществом, как правило, понимают совокупность внесударственных и внеполитических отношений, образующих особую сферу специфических интересов свободных индивидов-собственников и их объединений [3, с. 128]. Это относительно самостоятельные от государства отношения индивидов и добровольных объединений, а также совокупность их социальных связей и ценностей. Публичная политика в большей степени призвана проявлять публичный интерес общества. При этом она не является сферой борьбы за власть или оппозиционной деятельности, это сфера компромиссной культуры отношений власть – бизнес – общество [4, с. 33]. При всей неоднозначности оценок качества современной российской политики ее неоспоримой характеристикой становится усиление роли общественного участия в разработке и реализации значимых политических решений [5, с. 17].

Публичная политика ориентируется на идеи постбюрократической организации, предполагающей отказ от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства, кооперации, переход от «логики учреждения» к

«логике обслуживания», к развитию нового государственного менеджмента, исключая жесткие вертикальные формы «господства-подчинения» [6, с. 81]. На данный момент публичная политика – это сфера общения и коммуникации, а также договора с государством по общественно значимым вопросам.

Понять законы функционирования практик общественного участия в российской публичной политике можно при условии выявления факторов, обуславливающих необходимые формы такого участия [5, с. 33]. В последнее время увеличивается дифференциация и неравномерность развития разных институтов и форм публичного взаимодействия в регионах страны. Публичная политика становится определенными инструментом, с помощью которого вырабатываются и реализуются принимаемые решения. Особое значение в развитии публичной политики приобретает региональный аспект, отражающий специфику условий функционирования институтов [7, с. 7].

Для оценки публичной политики на региональном уровне в январе 2016 года было проведено социологическое исследование развития субъектов, институтов и механизмов публичной политики в Ярославской области (по методике ЯН-индекса, разработанного В. Н. Якимцом и Л. И. Никовской). Данные исследования в Ярославской области ежегодно проводятся с 2009 года.

В 2015 году участниками очередного этапа мониторинга стали 180 человек: 1) сотрудники органов государственной власти и местного самоуправления, депутаты и сотрудники аппарата представительной власти; 2) члены некоммерческих организаций; 3) представители бизнес-структур. Таким образом, каждая из трех целевых группы «власть», представители НКО и «бизнес» занимает 1/3 выборки.

Оценка основных параметров публичной политики производилось по 10-балльной шкале: от 1 до 10, где 10 – высшая оценка развития. Сравнительный анализ основных показателей осуществлялся посредством расчета среднего арифметического значения и однофакторного дисперсионного анализа.

Результаты мониторинга говорят о том, что в Ярославской области население начинает играть все более активную роль в общественной жизни региона. С 2009 года динамика экспертных оценок параметра «население реально участвует в обсуждении значимых вопросов на основе открытого диалога с властью в регионе», несмотря на колебания, демонстрирует небольшой, но устойчивый рост. Средняя оценка с момента начала наблюдений выросла на 0,9 балла – с 3,8 балла в 2009 году до 4,7 балла в 2015 году.

Если в 2014 году активность граждан в общественной жизни региона выше остальных оценили эксперты от «третьего сектора», то в 2015 году – представители власти, т. е. в прошедшем году социальная активность населения была направлена на власть и принимаемые ею решения.

По данным исследования, социально ответственное поведение в региональной бизнес-среде становится более распространенным. С 2009 года среднее значение оценки развития параметра «бизнес социально ответственен и вносит вклад в развитие территории» увеличилось на 1,1 балла – с 4,2 баллов в 2009 году до 5,3 баллов в 2015 году. В 2015 году увеличение вклада бизнеса в развитие общества было отмечено самими предпринимателями и представителями власти. По мнению общественников, социальная ответственность бизнеса осталась на уровне 2014 года.

Согласно данным мониторинга, с 2009 года представительная власть стала лучше работать в сфере защиты и реализации интересов избирателей и региона в целом – рост средней оценки составил 0,6 балла (с 4,7 в 2009 году до 5,3 в 2015 году). В 2015 году средняя оценка деятельности представительной власти в направлении разработки законов по защите прав и интересов избирателей и региона в целом выросла на 0,3 балла (с 5,0 в 2014 году до 5,3 в 2015 году). Однако произошло это за счет резкого увеличения доли высоких оценок в экспертной группе «власть», в результате их оценка возросла с 5,1 балла в 2014 году до 6,3 балла в 2015 году. В то же время эксперты от бизнес-сообщества существенно ниже, чем в 2014 году, оценили параметр «представительная власть создает законы, защищающие права и интересы избирателей и региона в целом» – на 4,0 балла (в 2014 году их оценка была 4,5 балла). Оценки представителей НКО остались на уровне 2014 года – 5,5 баллов.

В 2015 году средняя экспертная оценка эффективности работы исполнительной власти Ярославской области составила 5,4 балла – это на 0,5 балла выше, чем в 2014 году. Однако и здесь наблюдаемое увеличение стало скорее следствием существенного роста доли высоких оценок в экспертной группе «власть», чем консолидированного мнения бизнеса, власти и НКО. Так, в 2015 году сотрудники органов управления оценили работу исполнительной власти региона на 6,6 балла, в 2014 году их оценка составляла 5,2 бала. Представители НКО и бизнеса были более сдержанны. По итогам 2015 года общественники оценили работу исполнительной власти на 5,5 балла (в 2014 году – 5,2 балла), а предприниматели – на 4,1 балла (в 2014 году – 4,2 балла). Поэтому можно говорить о том, что эффективность работы органов исполнительной власти в 2015 году скорее осталась уровне 2009–2014 гг. (4,6–5,0 балла).

Данные, полученные в ходе мониторинга, показали, что в 2015 году средняя экспертная оценка параметра «местное самоуправление – власть, имеющая полномочия и средства для их обеспечения, действует в интересах местного сообщества» увеличилась с 5,0 баллов в 2014 году до 5,5. Этот рост стал возможным благодаря резкому и значительному росту доли высоких оценок в экспертной группе «власть» и менее заметному в группе «бизнес». В результате средняя оценка экспертов от власти по данному параметру составила 6,7 баллов, бизнеса – 4,4 балла. Оценка «третьего сектора» в 2015 году фиксируется на уровне 5,5 баллов (на уровне 2014 года). Текущее развитие данного параметра по прошествии пяти лет достигло и немного превзошло уровень 2009 года.

В 2015 году эффективность партий как инструмента лоббирования общественных интересов была оценена экспертами в среднем на 4,8 балла. Это на 0,4 балла выше уровня 2014 года. В истекшем году роль партий в развитии общества, по мнению общественников и предпринимателей, в Ярославской области была несколько выше, чем в 2014 году. Их мнение не разделяют руководители и сотрудники органов власти: они не увидели за прошедший год каких-либо изменений к лучшему в развитии партий. Несмотря на заметное улучшение экспертных оценок, развитие данного параметра до сих пор не достигло уровня 2009 года.

В отношении деятельности профсоюзов на территории Ярославской области все три группы экспертов указали на их слабость в сфере защиты и отстаивания интересов работающих граждан. В 2015 году средняя экспертная оценка развития данного параметра составила 4,1 балла – на уровне 2010, 2011 и 2014 годов. Отметим, что предприниматели заметили ухудшение работы профсоюзов в 2015 году, что отразилось на их оценках. Так, по итогам работы в 2015 году эксперты от бизнеса поставили профсоюзам оценку 3,6 балла, в 2014 году она составляла 4,1 балла.

Деятельность некоммерческого сектора в Ярославской области по итогам 2015 года была оценена экспертами в среднем на 5,4 балла. Это ниже, чем в 2014 году, на 0,2 балла. Замедление развития НКО в 2015 году, возможно, стало результатом социально-экономических изменений в регионе, стране. Как и год назад, в 2015 году представители власти и бизнеса консолидированно и существенно ниже, чем эксперты от НКО, оценили деятельность общественных объединений в регионе. В целом можно сказать, что на протяжении последних семи лет в Ярославской области успешно развивается «третий сектор», растет его роль в общественной жизни региона.

Параметр «экспертные организации и СМИ» на протяжении последних нескольких лет получает от экспертов самые высокие оценки среди субъектов публичной политики: средняя экспертная оценка по данному критерию с 2011 года возросла лишь на 0,5 балла. Состояние данного параметра в Ярославской области на протяжении пяти лет остается статичным.

Представители всех трех экспертных групп единодушно указали на заметное улучшение ситуации в сфере избирательных прав жителей Ярославской области. По итогам 2015 года средняя экспертная оценка параметра «в регионе проводятся свободные и честные выборы» составила 6,0 баллов (в 2014 году она фиксировалась на уровне 5,3 балла). Схожие суждения экспертов по данному параметру наблюдались в 2011 году.

С 2009 года в Ярославской области, согласно данным мониторинга, заметно лучше стали работать механизмы объективного освещения проблем общества и выражения разных мнений через газеты, ТВ, Интернет: за семь лет значение средней экспертной оценки выросло с 4,2 баллов (по итогам 2009 года) до 5,9 баллов (по итогам 2015 года).

В 2015 году с верховенством права в Ярославской области стало несколько лучше, чем ранее. Это заметили и бизнесмены, и общественники, а особенно представители власти. Средняя экспертная оценка развития данного параметра по итогам 2015 года составила 5,6 баллов, в 2014 году она фиксировалась на уровне 5,4 баллов, в 2009 – 4,3 балла.

В 2015 году развитие культуры этноконфессионального общения (терпимости) в Ярославской области было оценено экспертами на 7,3 баллов – это несколько хуже, чем в 2014 году. Негативные перемены в межнациональной и межконфессиональной сфере заметили предприниматели и общественники. Представители власти, наоборот, в 2015 году увидели позитивные изменения в этноконфессиональных отношениях региона.

Институты защиты собственности и обеспечения равенства экономических возможностей были оценены экспертами в 2015 году в среднем на 5,2 балла, что на 0,2 балла выше уровня 2014 года. При этом если средняя оценка представителей власти и НКО осталась на уровне 2014 года, то оценка бизнес-сообщества по сравнению с 2014 годом увеличилась сразу на 0,5 балла, и составила в 2015 году 4,5 балла.

С 2009 года в Ярославской области, согласно данным мониторинга, растет эффективность применения механизмов противодействия коррупции. Если в 2009 году их действенность была оценена экспертами в среднем на 3,4 балла, то в 2015 году уже на 4,7 баллов. Примечательно, что в 2015 году улучшение в сфере противодействия коррупции увидели не только представители власти, но и бизнес-сообщества. Общественники перемен в данном вопросе за последний год не увидели.

Как и в 2014 году, в 2015 году эксперты высоко оценили параметр «институты образования обеспечивают равные возможности для профессионального роста и развития граждан» (на 6,2 баллов). За прошедший год значимых изменений в этой сфере, согласно экспертам, не произошло.

В 2015 году оказание медицинских услуг населению, согласно данным исследования, в Ярославской области было невысокого качества. Средняя экспертная оценка «система здравоохранения предоставляет качественное медицинское обслуживание населения» по итогам 2015 года составила 4,3 балла (в 2014 году она фиксировалась на уровне 4,2 балла). При этом экспертные мнения относительно развития данного параметра оказались достаточно консолидированы в размах значений от 3,9 до 4,7 баллов. Об улучшении ситуации в сфере оказания медицинских услуг в 2015 году говорили представители власти и бизнеса, об ухудшении – НКО.

Согласно данным исследования, представители власти и НКО существенно разошлись в оценках перемен в сфере поддержки гражданских инициатив и общественных объединений, имевших место в 2015 году. Первые указывали на рост поддержки гражданских инициатив и общественных объединений, вторые – на её сокращение. Предприниматели перемен в данной сфере в истекшем году не заметили. В целом средняя оценка развития данного параметра по итогам 2015 года составила 5,5 балла (на уровне 2014 года).

По итогам 2015 года средняя экспертная оценка работоспособности механизмов публичного контроля над деятельностью власти составила 4,8 балла. Небольшое развитие и рост эффективности данного механизма наблюдается с 2011 года, в 2015 году оно также имело место (+0,2 балла за год).

В результатах последнего замера рост оценок по данному критерию наблюдался во всех группах экспертов.

В 2015 году, по мнению экспертов, в Ярославской области выросла эффективность механизмов формирования и отстаивания общественных интересов. Если средняя экспертная оценка в 2014 году фиксировалась на уровне 4,7 баллов, то в 2015 году она достигла 5,0 баллов. Положительные изменения в формировании и отстаивании

общественных интересов в 2015 году заметили в равной степени представители власти и НКО, меньше предприниматели.

В Ярославской области продолжает расти роль и влияние общественно-консультативных институтов на формирование региональной политики. Об этом свидетельствуют данные настоящего мониторинга. Если в 2011 году уровень развития данного параметра был оценен всеми экспертами на 4,7 балла, то в 2015 году – на 5,6 баллов (в 2014 году – на 5,4). Примечательно, что в 2015 году средние оценки развития данных институтов представителей НКО и власти увеличились на 0,2 балла каждая.

По итогам 2015 года, средняя экспертная оценка параметра «соблюдаются правила и условия для работы конструктивной оппозиции» составила 5,3 баллов. Это на 0,2 балла выше оценки 2014 года. Рост средней экспертной оценки по данному критерию наблюдается с 2013 года.

Данные мониторинга за семь лет говорят о том, что в Ярославской области институт публичной политики находится в постоянной динамике: обобщенная средняя оценка развития исследуемых параметров публичной политики выросла с 5,12 балла (по 10-балльной шкале) в 2014 году до 5,32 баллов в 2015 году. Рост обобщенной средней оценки развития субъектов и механизмов публичной политики в 2015 году обеспечивался за счет позитивных перемен в данной сфере, которые были отмечены всеми участниками исследования.

С момента начала наблюдения за сферой публичной политики степень зрелости субъектов на протяжении семи лет оценивается всеми группами экспертов ниже, чем механизмов и институтов. Особенно ярко этот факт прослеживается в оценках представителей власти.

В 2015 году, как уже было сказано, представители власти, некоммерческих организаций и бизнеса стали позитивнее смотреть на отдельные элементы и механизмы публичной политики:

- представители власти: рост обобщенной средней оценки в данной группе составил 0,47 балла (с 5,24 в 2014 году до 5,71 в 2015 году);
- руководители и сотрудники НКО: увеличение на 0,08 балла (с 5,57 в 2014 году до 5,65 в 2015 году);
- руководство и работники бизнес-структур: рост на 0,08 балла (с 4,53 в 2014 году до 4,61 в 2015 году).

Согласно полученным данным, в экспертных оценках развитости субъектов публичной политики (по итогам 2015 года) наблюдаются существенные различия. Тем не менее в оценках всех целевых групп отчетливо просматриваются три субъекта, значительно отстающих по развитию от остальных и мешающих усилению института публичной политики в регионе – это низкая активность населения, слабая работа профсоюзов и партий.

По другим субъектам публичной политики мнения экспертных групп разделились. Представители НКО проблемы сферы публичной политики региона и своего участия в её процессах связывают с невысокой социальной активностью бизнеса. Представители бизнеса ссылаются на наличие недоработок со стороны региональных и местных органов власти в процессе реализации ими управленческих функций, законотворчества и представительства интересов общества. Эксперты группы «власть», напротив, склонны полагать, что все условия для развития публичной политики в регионе успешно создаются. Проблемы, по их мнению, заключаются в невысокой социальной активности бизнеса, инициативности НКО в сферах предоставления социальных услуг и общественной экспертизе.

В целом при рассмотрении общей картины экспертных оценок субъектов публичной политики (по итогам 2015 года) становится очевидно, что каждая группа экспертов особенно положительно оценивала собственную роль в сфере публичной политики, критичнее – другие стороны.

Согласно данным мониторинга, у экспертов нет единого мнения относительно уровня развития и состоятельности институтов и механизмов региональной публичной политики. По итогам 2015 года в уровне оценок разных целевых групп наблюдаются

заметные разрывы: представители власти и НКО оценивают эффективность институтов и механизмов публичной политики значительно выше, чем эксперты от бизнеса. Только один пункт был одинаково негативно оценен всеми участниками исследования – «система здравоохранения представляет качественное медицинское обслуживание населения». Это яркое подтверждение того, что в настоящее время в Ярославской области существуют проблемы в сфере здравоохранения.

Также участники исследования от бизнеса и «третьего сектора» обратили внимание на низкую результативность механизмов противодействия коррупции, что негативно влияет на отношение и уровень доверия к органам власти. Помимо этого, бизнес, как одна из заинтересованных сторон публичной политики, проявляет значительное недовольство работой механизмов публичного контроля над деятельностью власти, формирования и отстаивания общественных интересов с учетом позиций и ожиданий данной группы.

В Ярославской области по последним данным достаточно хорошо развиты культура этноконфессионального общения, институт образования, механизмы обеспечения свободных и честных выборов.

По данным исследования, оценка состояния публичной политики в Ярославской области характеризуется существенным отрывом оценок целевых групп власти и НКО от бизнеса (Диаграмма 1).

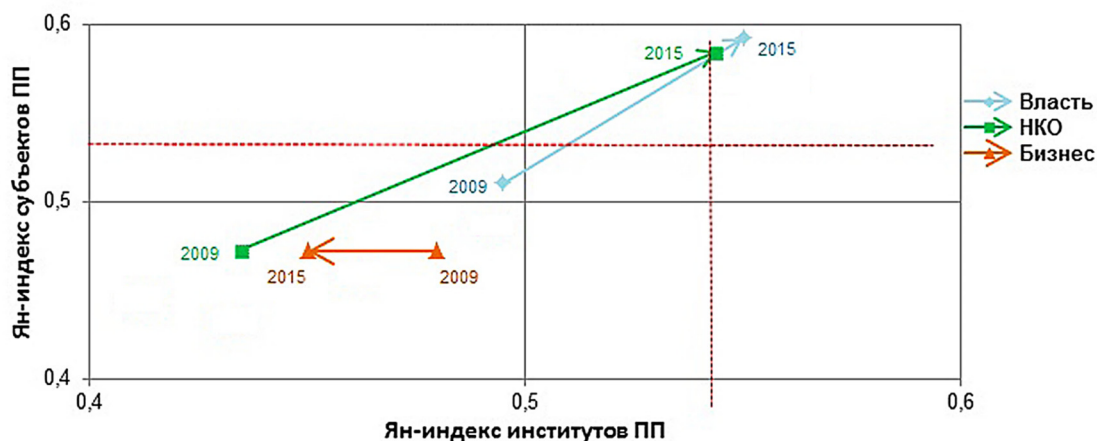

Диаграмма 1. Оценки субъектов, механизмов и институтов ПП в Ярославской области за 2009–2015 гг.

Если оценки НКО за последние несколько лет существенно выросли, то оценки экспертов от бизнес-сообщества остались неизменными. Данные факты говорят о том, что в последние годы представители органов власти различного уровня в Ярославской власти стали активнее сотрудничать с «третьим сектором», а оценки бизнес-сообщества можно назвать несколько субъективными.

Ссылки / Reference

- [1] Некрасов В. Н., Морозова А. И. Государственно-частное партнерство как инструмент публичного управления государственной закупочной политикой // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 4. С.15–23.
- [2] Алексеева А. В. Гражданское общество и публичная политика: идейные истоки и современность // ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО. 2010. №2. С. 14–17.
- [3] Малько А. В. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2000. С. 128.
- [4] Мордасова Т. А. Факторы развития общественного участия в современной российской публичной политике // Власть. 2010. №1. С 30–33.

- [5] Государственная политика и управление / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 17.
- [6] Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика в регионах России: типы, субъекты, институты и современные вызовы // ПОЛИС. Политические исследования. 2011. №1. С. 80–96.
- [7] Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л. Форсайт гражданского общества в современной России: теория и практика применения // Вестник социально-политических наук. 2009. № 9. С. 3–12.

УДК 316.354.4

**Социальная группа
добровольцев: критерии
выделения и практика
формирования**

Ф. Г. Албегов

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: alba000@yandex.ru

Научная статья

В работе анализируются социальная группа добровольцев и добровольческая деятельность как объекты социологических исследований. Добровольчество актуализирует изучение его субъектов – добровольцев – как инновационной социальной группы. Обоснован тезис о решающей роли добровольческого труда как основы формирования группы добровольцев. Предложен критерий «характер, содержание и условия труда» добровольцев для их выделения в качестве автономной социальной группы.

Ключевые слова: социальная структура; группа; добровольцы; формирование; критерии; добровольческий труд; характер труда; условия труда

**Social volunteer group: the
selection criteria and practice of
formation**

F. G. Albegov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The work analyzes the social group of volunteers and volunteering as a sociological research facilities. Volunteering actualizes his study subjects - volunteers as an innovative social group. Substantiated the thesis about the decisive role of the volunteer labor as the basis of formation of a group of volunteers. The criterion of 'the nature, content and conditions of employment "of volunteers for their selection as an autonomous social group.

Key words: social structure; group; volunteers; formation; criteria; volunteer work; nature of work; working conditions

В начале XXI века российская социальная структура отличается сложностью и неопределённостью процессов развития, формированием новых и сокращением традиционных групп, слоёв и страт. Именно этот момент в своей работе отмечает И. Ф. Албегова: «Социальная структура современного российского общества в настоящее время характеризуется существенными изменениями, отражающими мировые закономерности и национальные особенности развития, региональную специфику состояния и перспектив» [1, с. 27]. В связи с этим автор констатирует, что одним из отражений мировых тенденций развития социальной структуры является процесс формирования и развития инновационной социальной группы добровольцев. Данное обстоятельство позволило обозначить цель статьи – определение критериев выделения добровольцев в социальную группу и изучение практики её формирования. Традиционный взгляд на критерии выделения любой группы в социальной структуре представлен И. Ф. Албеговой следующим образом: «Основными критериями выделения социальных групп всегда были пол, возраст, состояние здоровья; характер, содержание и условия труда; уровни материальной обеспеченности и социально-политической активности, отношение к власти и т. д.» [2, с. 30].

Добровольцы или волонтеры известны российскому обществу с давних времен, но лишь с конца XX века они как субъекты добровольческой деятельности и добровольчество как социальное явление стали объектами различных научных

исследований. Так, педагоги изучали добровольчество как метод социализации подрастающего поколения. Например, А. В. Мудрик вполне справедливо отмечал, что «добровольное вхождение в организацию позволяет человеку как субъекту социализации искать и находить благоприятные условия для решения возрастных задач, удовлетворения потребностей и реализации интересов, а в целом – приобретать опыт приспособления и обособления в социуме» [3, с. 209].

Трудно не согласиться с Л. Е. Сикорской, которая пишет: «Добровольческая деятельность способствует формированию новой социально-одобряемой жизненной позиции молодого человека как связанной с самоанализом, самопринятием, самообязательствами, саморуководством, самоконтролем и самореализацией» [4, с. 8].

Экономисты, признавая социальную роль добровольчества, традиционно рассматривают добровольческую деятельность как один из видов труда, форму занятости и сегмент рынка труда. Так, А. В. Трохина, отмечая специфику волонтерского труда, подчеркивает, что «целью волонтера не является получение дохода, однако его труд приносит материальный или нематериальный результат, который целесообразно оценить: его деятельность оказывает влияние на непосредственных благополучателей, на него самого, на организации, через которые доброволец привлекается к работе, и в целом на качество жизни общества» [5, с. 523].

Другой известный современный отечественный исследователь М. В. Певная, исследуя волонтерство как социальную проблему, также отмечает, что «часто акцентируется трудовой подход и экономические исследования эффективности волонтерского труда, связанные с изучением его функций в обществе» [6, с. 110].

С точки зрения целей данного исследования автору представляется интересным изучение добровольчества как социального капитала и формы просоциального поведения, что позволит определить функции добровольческой деятельности, степень ее распространения в обществе и роль в социальном становлении отдельных граждан. Так, И. Ю. Киселев, выделяя три основные сферы выработки социального капитала посредством добровольческой деятельности, пишет: «Во-первых, можно говорить о социальном капитале на макроуровне, на уровне общества в целом. Просоциальная активность волонтеров способствует накоплению социального капитала обществом в целом, способствуя усилению солидарности, доверия, идентичности. Во-вторых, капитал может накапливаться на уровне групп, организаций. В-третьих, добровольческая деятельность способствует накоплению социального капитала на индивидуальном уровне» [7, с. 54]. Данный подход позволяет говорить о социальных функциях добровольческой деятельности в современном российском обществе и ее особенностях как об одном из критериев выделения добровольцев в отдельную социальную группу.

В настоящее время активно и традиционно исследуются генезис добровольчества, основные закономерности его развития и зависимость от складывающихся социально-экономических и политических условий. Такой подход позволяет понять сущность общих закономерностей формирования группы добровольцев в истории общества. Именно этот момент подчеркивается авторами статьи «Генезис и динамика общности добровольцев как закономерность трансформации социальной структуры российского общества». В частности, они пишут: «Генезис общности волонтеров лежит в военной службе, а в дальнейшем начинает существенно расширяться на различные сферы социального взаимодействия, охватывая сферу услуг. В настоящее время добровольчество в России в основном распространяется на область социальной поддержки и защиты населения и служит социальной основой развивающегося гражданского общества» [8, с. 421].

Активное развитие институтов гражданского общества в 90-е годы XX века, например, общественных организаций и объединений, разработка и реализация их членами социально-значимых проектов актуализировали добровольческую деятельность и ее субъектов как объект прикладных научных исследований [9]. Стали появляться такие направления, как изучение эффективности добровольческой деятельности, причин участия в ней представителей разных групп населения, принципов ее реализации, методов и технологий рекрутирования добровольцев и т. п. [10]. По сути, проблема добровольческой деятельности и ее носителей (субъектов) стала социальной и полидисциплинарной [6].

Полидисциплинарность, с одной стороны, позволяет изучать добровольчество как социокультурный феномен, а с другой стороны, дает возможность исследовать добровольцев, выявлять их психосоциальные и демографические признаки и характеристики, формирующие принципиально новую социальную группу в российской социальной структуре.

Изучение добровольцев как субъектов добровольческой деятельности и добровольчества как социального явления позволило автору глубже понять основные критерии выделения социальной группы добровольцев и практику их формирования в сложнейшей динамике современных социальных процессов.

Более того, методологической основой изучения процесса формирования группы добровольцев в российском обществе является комплексная теория деятельности [11]. Появление новых видов деятельности в современном российском обществе ведет к возникновению их субъектов и объектов, а следовательно, новых социальных групп. Например, появление и развитие социальной работы как инновационного вида деятельности привело к формированию новой профессиональной группы – социальных работников и получателей социальных услуг. В свою очередь, добровольческая деятельность объективно создала условия для образования новой социальной группы (общности) – добровольцев, т. е. граждан, осуществляющих благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателей, в том числе в интересах благотворительной организации, без расчета на денежное вознаграждение.

В последнее время все чаще отмечается, что добровольцы на добровольной основе, бесплатно предоставляют социальные услуги отдельным гражданам и группам, в них нуждающимся. Это обстоятельство объективно ставит вопрос об определении понятия «социальные услуги». По мнению автора, «социальные услуги – это субъектно-объектное социальное действие, направленное на удовлетворение существующей потребности человека. В процессе социального действия осуществляется взаимодействие субъекта и объекта услуг по отношению друг к другу в сложившейся ситуации. Признаком специфичности данного социального действия является тот факт, что в процессе производства/потребления услуг объект обладает выраженной субъектностью, является активным звеном взаимодействия и оказывает влияние как на ход, так и на результат оказания услуг» [12, с. 120].

В начале XXI века труд добровольцев используется во многих сферах жизнедеятельности российского общества. При этом он способствует возникновению особой общности – общности добровольцев. Эту группу «формируют представители всех групп и слоев населения независимо от пола, возраста, национальности, религиозной принадлежности, уровня материальной обеспеченности, образования и состояния здоровья. На сегодняшний день есть общий или группообразующий для добровольцев как общности признак – это неоплачиваемая, сознательная, добровольная деятельность на благо других» [8, с. 421].

Добровольческий труд имеет социально значимый характер, сложное содержание и неоднозначные условия реализации.

Социально значимый характер добровольческого труда означает, что его субъект (конкретный человек или группа) по своей доброй воле дарит добро другим людям. Понятие «добро» с древних времен до настоящего времени не приобрело изменений и определяется как нечто общественно-полезное, «благоприятное» для общества.

Многосубъектность добровольческого труда способствует повышению его социальной значимости и отражает потребность современного российского общества в новом типе личности – личности, готовой прийти на помощь другим людям, группам и общностям. Вот почему одним из критериев выделения добровольцев в отдельную социальную группу является высоко значимый социальный характер их деятельности.

Другим критерием выделения добровольцев является содержание их труда. Автором в ходе своих исследований было замечено, что «в условиях трансформирующегося российского общества количественный рост направлений, качественное разнообразие форм и видов добровольческой деятельности, обусловленное появлением как «новых» социальных проблем, так и обострением «традиционно старых», объективно ведет к увеличению численности ее субъектов, т. е. добровольцев» [8, с. 422].

В содержание добровольческого труда входят коммуникативная составляющая, непосредственный набор поэтапных действий и операций, объединённых в особые социальные технологии (от оказания простой социальной услуги до технологий социальной адаптации, абилитации, реадaptации и интеграции различных социальных объектов всех уровней). Дифференциация объектов добровольческого труда, усложнение их социальных ситуаций и психологии оказывает непосредственное влияние на процессы разработки, апробации и внедрения в практику все новых социальных технологий, авторами которых часто становятся сами добровольцы.

Труд добровольца реализуется как в условиях неопределенности, повышенного риска и возможного стресса, что требует от него повышенной мотивации и готовности к деятельности, так и в весьма благоприятных условиях, четко организованных и предсказуемых. Эти два варианта условий реализации добровольческого труда, по-видимому, требуют от его субъектов разных личностных качеств, требующих дополнительного исследования.

Те или иные условия добровольческого труда вызывают у его субъектов особые психические состояния, включающие хорошо фиксированные компоненты (от физических до когнитивных). Среди них особое место занимают коммуникативные, т. е. умения добровольца взаимодействовать с получателями его услуг, его способность к рефлексии, умения воздействовать на благополучателей и т. п. При проведении социально-психологических исследований автором было установлено, что «психические состояния детерминированы теми условиями, в которых эта деятельность осуществляется, дефицитом всех видов ресурсов, психосоциальными характеристиками объектов добровольческой помощи, характером ситуации, в которой оказался доброволец, и особенностями ее восприятия им» [8, с. 424]. Именно специфические условия труда добровольцев объективно требуют от них высокого уровня мотивации к участию в нем, определенной готовности осуществлять свою деятельность в нестандартной или стандартной социальной обстановке.

Авторские социологические исследования, регулярно проводимые с 2010 года, показывают следующее. В основном в Ярославской области добровольцев к своей деятельности привлекают общественные организации и объединения: каждая из 300 обследованных организаций имеет от трех до трехсот добровольцев.

Из 759 представителей ярославской учащейся молодежи в возрасте от 16 до 24 лет лишь 99 человек были или являются участниками добровольческой деятельности. Было выявлено, что специфика их мотивации состоит в большей выраженности комплекса ценностных ориентаций, а не их иерархическом своеобразии. Также оказалось, что мотивация участия в добровольческой деятельности в большей степени характерна для молодежи, стремящейся к самостоятельному обеспечению собственной жизни в процессе трудовой деятельности [8, с. 423].

Опрошенные участники добровольческой деятельности в первую очередь характеризовались альтруистической и коммуникативной мотивационными тенденциями, ориентацией на общение и стремление оказывать помощь. Было выяснено, что добровольческая деятельность привлекает индивидов со схожей интерперсональной средой, что, по мнению автора, также служит основой для формирования группы добровольцев в современном российском обществе.

Таким образом, в современном российском обществе наблюдается активная практика развития добровольчества и добровольческой деятельности. Как социальное явление и вид деятельности они стали объектами исследований представителей разных наук. В частности, изучаются возникновение и развитие добровольчества, условия и факторы, способствующие или препятствующие формированию группы добровольцев, их мотивация и установки.

Появление добровольцев поставило научную проблему критериев их выделения в социальной структуре современного российского общества как отдельной социальной группы. Было доказано, что таким критерием может быть характер, содержание и условия добровольческого труда. При этом под характером понимается высокая социальная значимость труда добровольца, под содержанием – поочередность необходимых действий (операций или их совокупность), а условия данного вида

деятельности включают ситуации неопределенности, риска, дефицита ресурсов, повышенной психологической готовности и специфической мотивации субъекта (добровольца).

Ссылки / Reference

- [1] Албегова И. Ф. Поставщики социальных услуг как субъекты современной социальной работы в России // Социальные и гуманитарные знания. 2016. № 1. Том 2. С. 27–31.
- [2] Албегова И. Ф. Геронтогруппа: критерии выделения и характеристики в условиях современного российского общества // Социальные и гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 30–34.
- [3] Мудрик А. В. Социализация человека. М: Академия, 2006.
- [4] Сикорская Л. Е. Добровольческая деятельность как показатель социального благополучия современного общества // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. Том 21. С. 6–10.
- [5] Трохина А. В. Оценка трудового потенциала и экономических эффектов волонтерства // Теория и практика общественного развития. 2012. №12. С. 523–526.
- [6] Певная М. В. Волонтерство как социологическая проблема // Социологически исследования. 2013. № 2. С. 110–119.
- [7] Киселев И. Ю. Волонтерство как социальный капитал // Вестник социально-политических наук. 2013. Вып. 12. С. 53–61.
- [8] Албегова И. Ф., Албегов Ф. Г. Генезис и динамика общности добровольцев как закономерность трансформации социальной структуры российского общества // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 39. С. 420–424.
- [9] Зарубина Ю. Н., Албегов Ф. Г. Мотивация добровольчества у студенческой молодежи как формы ее занятости // Вестник социально-политических наук. 2012. № 11. С. 39–42.
- [10] Попова И. В., Албегов Ф. Г. Добровольчество как фундамент гражданского общества // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. Том 19. № 3. С. 192–195.
- [11] Албегова И. Ф. Институционализация социальной работы в современной России: теория и практика. Ярославль: ЯрГУ, 2004.
- [12] Албегова И. Ф., Албегов Ф. Г. Социология социальной сферы как инновационное направление современного социологического знания: состояние и проблемы развития // Социальные и гуманитарные знания. 2016. № 2. Том 2. С. 117–121.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-92

«Выскочил шутом на всю Европу»: особенности изображения лорда Редстока в творчестве Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и В. П. Мещерского

Т. С. Карпачева

Московский городской педагогический университет

E-mail: tatiana-karpacheva@yandex.ru

Научная статья

В статье рассматривается образ лорда Редстока, лидера постпротестантской секты редстокистов (впоследствии пашковцев) в осмыслении Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя», Н. С. Лескова в книге «Великосветский раскол» и В. П. Мещерского в романе «Лорд-апостол в большом петербургском свете».

Ключевые слова: Достоевский; Лесков; Мещерский; лорд Редсток; Дневник писателя; лорд Хитчик

«Stood out as a fool to the whole of Europe»: features image of Lord Radstock in the works of F. M. Dostoevsky, N. S. Leskov and V. P. Meshchersky

T. S. Karpacheva

Moscow City University

Scientific article

The article looks at the image of Lord Radstock, the leader of post Protestant cult of radstockians (later on known as pashkovians), in F. M. Dostoevsky's «Writer's Diary», N. S. Leskov's «Fashionable Schism» and in V. P. Meshchersky's «Lord of the Apostle in St. Petersburg High Society».

Keywords: Dostoyevsky; Leskov; Meshchersky; Lord Radstock; Writer's Diary; Lord Hitchick

Изучение творчества Ф. М. Достоевского невозможно без осмысления религиозно-философских проблем, поднятых в его художественных произведениях и публицистике. Немало работ посвящено рассмотрению православной традиции в творчестве Достоевского: библейским цитатам и реминисценциям; значительно меньше внимания в достоевистике уделено теме сект в творчестве писателя, особенностям осмысления квазидуховности, психологии сектанта и сектантского лидера. Откликавшийся на все острые вопросы современности, в особенности касающиеся сферы духовной жизни, Достоевский не мог обойти стороной и эту проблему. Так, в «Дневнике писателя» освещена деятельность двух современных Достоевскому сект: штундистов и редстокистов (впоследствии получивших название «пашковцев» по имени самого активного русского последователя лорда Редстока – В. А. Пашкова). Обе секты были очень распространены во 2-й половине XIX в. Показательно, что если в 1876 г. Достоевский сетует на то, что «о лорде Редстоке, кроме немногих исключений, почти ничего не говорит наша пресса» [1, с. 99], то к началу 80-х гг. газеты пестрят упоминаниями о собраниях редстокистов: печатаются как обличающие статьи, так и статьи в поддержку секты. Люди специально ходили посмотреть на сектантские собрания и публиковали свои заметки – тема была очень популярной. В начале XX века и штунда, и редстокисты уже изучались в духовных учебных заведениях в рамках курса «сектоведение» и входили в учебные пособия. Поскольку секта, в отличие от традиционной религии, отличается недолгим временем своего существования, сейчас

обе эти организации ушли в прошлое и являются объектом изучения лишь историков религиоведения; для нас же они интересны, поскольку в свое время вошли в круг изучаемых Достоевским явлений в «Дневнике писателя».

Впервые в «Дневнике писателя» образ основателя секты редстокистов изображен в статье «Лорд Редсток» («Дневник писателя», 1876). Статья выдержана в ироничном тоне, в отличие от статьи «Смятенный вид», где изображен другой сектантский лидер, пастор штундистов (об этом см. подробнее [2]): «...я слышал только, что лорд Редсток как-то особенно учит о "схождении благодати" и что, будто бы, по выражению одного передававшего о нем, у лорда "Христос в кармане", – то есть чрезвычайно легкое обращение с Христом и благодатью. О том же, что бросаются в подушки и ждут какого-то вдохновения свыше, я, признаюсь, не понял, что передавали» [1, с. 98–99].

Попробуем осмыслить, что имел в виду Достоевский, когда писал о бросании в подушки. Типичное собрание под предводительством лорда Редстока, как показывают исследователи сект конца XIX в., начиналось так: «...Все общество шепотом переговаривается и посматривает на дверь, из которой должен выйти проповедник. Вот заветная дверь отворилась и перед нами высокого роста рыжий англичанин <...> лорд, почувствовав наитие, вскакивает с места и говорит: «а теперь помолимся», хватается руками за голову, бросается на колени, упирается лицом в подушку сиденья на стуле и начинается молитва, импровизируемая лордом-апостолом. Молитва эта состоит из набора не мыслей, а отдельных слов, кои лорд подбирает чрез большие промежутки времени...» [3, с. 462]. Это описание приводится в книге проф. прот. Т.И. Буткевича «Обзор русских сект и их толков». Так что Достоевскому кто-то абсолютно верно передал, как именно лорд Редсток получал «вдохновение свыше»: из подушки сиденья на стуле.

По воспоминаниям современников, лорд Редсток пользовался особой популярностью у дам высшего света, которые были привлечены его **личным** обаянием: «Ах, милорд, если бы вы знали, как благотворно вы на меня действуете, – говорит по окончании проповеди одна княгиня, – только теперь я понимаю, что любить Христа можно лишь в вашей церкви» [4, с. 117], – так отражает восприятие проповеди лорда в высшем свете автор статьи «Новый апостол в петербургском большом свете», опубликованной в журнале «Христианское чтение», под псевдонимом Н. Б. (возможно, эта статья принадлежит В. П. Мещерскому).

Второй раз в «Дневнике писателя» Достоевский возвращается к образу Редстока в статье «Миражи. Штунда и редстокисты» («Дневник писателя», 1877): «Кстати, многие смеются совпадению появления обеих сект у нас в одно время: штунды в черном народе и редстокистов в самом изящном обществе нашем. <...> Что же до совпадения в появлении двух наших сект, – то уж без сомнения они вышли из одного и того же невежества, то есть из совершенного незнания своей религии» [5, с. 12]. Это фактически сквозная мысль статей Достоевского о сектах. Как отмечает С. А. Ипатова, «все выступления Достоевского по поводу Редстока объединяют общие, сквозные идеи: редстокизм привился в русском высшем обществе по причине его "обособленности", оторванности от "почвы", т. е. народа, а также вследствие полного невежества знати в православном вероучении» [6, с. 423].

Лорд Редсток легко узнается в образе лорда Хитчика в романе В. П. Мещерского «Лорд-апостол в большом петербургском свете», где он изображен резко негативно. Приехав в Петербург и поселившись в гостинице, лорд Хитчик спрашивает управляющего: «Христос <...> велел мне остановиться у вас; но вы скажите мне, вы хотите меня принять, как принимали первые христиане апостолов? <...> Я лорд Хитчик, я богат как лорд Хитчик, но как апостол я беден: я ничего не имею, я ничего не могу платить; как вы хотите меня принять, как лорда Хитчика или как апостола?» [7, т. 1, с. 150]. Используя свой дар внушать людям доверие, лорд Хитчик убеждает хозяина отеля принять его «как апостола», то есть бесплатно. Сплетня об этом случае, действительно, ходила по Петербургу. Известно, что этот сюжет, равно как и весь роман Мещерского, очень возмутил Н.С. Лескова. Однако именно Лесков указывает на распространенность данной сплетни в Петербурге: «Порицатели Редстока <...> доходили к нему до такой ненависти, что прямо обвиняли его в попрошайничестве и плутовстве. Они и рассказывали и

печатали, что будто Редсток даже не хотел платить денег в отеле, где квартировал, говоря, что с проповедника Слова Божия брать денег не следует» [8, с. 182–183].

У Мещерского в речи лорда Хитчика изобилуют лексические конструкции, указывающие на то, что он считает себя «избранным» и наделенным таинственной мистической силой: «Теперь, помолившись, встаньте и слушайте, что устами моими откроет нам сегодня благодать» [7, т. 1, с. 87]; «Это не я говорил, это говорил дух свыше» [7, т. 1, с. 93] и т.д. Лорд молится, уткнувшись головой в перила балкона, и получает потом «откровения свыше».

Секта редстокистов отличалась трансовыми практиками и введением своих адептов в измененное состояние сознания. Как отмечает видный исследователь сект XIX в. К. Плотников, «богомоление их состоит из импровизированных молитв, чтения Св. Писания, проповеди и чтения стихов. Во время молитвы присутствующие преклоняют колена и складывают руки, некоторые же приходят в экстаз, вздыхают, плачут» [9, с. 158]. Н.С. Лесков, посвятивший осмыслению редстокизма и образу Редстока свою книгу «Великосветский раскол», также говорит об экзальтированном состоянии собравшихся на проповедь Редстока, скорее, правда, наигранном: «...многие (дамы – Т.К.) от переживаемой ими тревоги и волнения начинают всхлипывать и даже плакать, более или менее грациозно закрываясь батистовыми платками. Некоторые из них делают это совершенно как Гретхен, плачущая у фонтана» [8, с. 230]. На эту же особенность собраний указывает и В.П. Мещерский в романе «Лорд-апостол в большом петербургском свете». Мещерский изображает несколько собраний под руководством лорда Хитчика, на которых пение перемежается плачем, биением себя в грудь и иными экзальтированными состояниями. Мы видим, что здесь описания лорда Хитчика Мещерским и лорда Редстока Достоевским, а также специалистами по сектам Буткевичем и Плотниковым совпадают.

В романе Мещерского лорд Хитчик влюбляется в главную героиню – княгиню Суханову, которая во время описываемых событий находится в сложных отношениях с мужем и собирается разводиться. Вспыхнувший в княгине именно в этот момент интерес к лорду Хитчику неслучаен: в стрессовом состоянии человек чаще попадает под влияние секты, и даже если Мещерский не изучал специально этот вопрос, а изображенным в романе характерам далеко до художественных образов, созданных Достоевским, то именно этот сюжет показан очень верно. Лорд, человек женатый (его жена также занимается проповеднической деятельностью), очарован княгиней и предлагает ей вступить с ним в так называемый «духовный брак» [7, т. 3, с. 312] и «подчиниться <его> воле, чтобы иметь <его> силу» [7, т. 3, с. 315]. Этот «духовный брак», по словам лорда-апостола, дает «двойную силу над людьми и их душами; души, соединенные духовным браком – царят над массами, царят над толпами, царят над теми, кого любят; повелевают теми, кто их ненавидит, царят над природою». Здесь автором прекрасно показана главная цель сектантского лидера – **абсолютная власть над адептами**. Как отмечает современный ученый-религиовед И. В. Иванишко, «руководители сект способны безгранично манипулировать своими адептами, полностью контролировать их жизнь, располагать их временем, отдавать им любые приказы, накладывая на них любые обязательства» [10, с. 144]. Самое интересное, что даже в книге Лескова, где лорд показан двойственно (назван «весьма плохим богословом» и «кажется, хорошим человеком» [8, с. 181]) и где прослеживается определенная к нему авторская симпатия, автор также указывает на его желание властвовать и манипулировать людьми: «лорду Редстоку никак нельзя отказать в умении выбирать людей нужных для его целей и в большом такте, с которым он овладевает ими и заставляет их петь и плясать по своей дудке. Этого нельзя сделать без ума» [8, с. 104].

В романе Мещерского лорд Хитчик производит впечатление на слушателей и слушательниц вовсе не только и не столько своей проповедью: «Не знаю, сколько он душ спасет <...>, но в чем я уверена, так это в том, что у него фигура героя романа, который может погубить не одну, а несколько душ» [7, т. 2, с. 46], – говорит одна дама высшего света. Однако интересно то, что и Лесков причиной успеха Редстока также не считает его миссионерские качества и хорошее знание Священного Писания: «Успех лорда Редстока в высшем петербургском обществе сначала должно объяснять тем, что он лорд. Проповедующий лорд – это, как вы хотите, оригинально и так у нас необыкновенно, что

дамы и джентльмены полюбопытствовали его послушать» [8, с. 164]. Более того, Лесков указывает именно на несоответствие качеств лорда Редстока характеру миссионера, несущего просвещение: «Знатоку Писания с Редстоком говорить решительно не о чем; те, которые пробовали это, знают, что не стоит за это браться: Редсток библиист *roug les dames*, и с ними ему удобно. – Ни в литературе, ни в науке Редсток не проявил себя ничем замечательным; душевные его свойства мы уже более или менее знаем, а об уме его у нас совсем не принято говорить. Одно достоверно, что умным человеком лорда Редстока никто не считает, и сами его почитательницы против этого не возражают, но говорят только, что он «превыше ума». <...> Сами его родные считают его односторонне помешанным, и это мнение, разделяемое весьма многими, прокрадывалось и в печать, которая в подобных случаях в Англии весьма осторожна» [8, с. 97–98]. Все это перечисление далеко не лучших миссионерских качеств Лесков заканчивает заявлением о Редстоке, вынесенным в название нашей статьи: «**...выскочил шутом на всю Европу**» [8, с. 101]. Более того, автор прямо указывает на невоспитанность проповедника: «Манеры его лишены всякой изысканности и даже можно сказать, что им в довольно значительной степени недостает благовоспитанности, так, например, он никогда или почти никогда не сидит, как все люди, а бесцеремонно выбирает мебель поспокойнее и еще бесцеремоннее на ней валяется. Полагают, что он эту неблагопристойную манеру усвоил себе уже здесь, в России, где его особенно избаловали некоторые почитательницы» [8, с. 80].

Не замечает особенных достижений Редстока в искусстве гомилетики и сам Достоевский, посещавший, видимо, по приглашению Юлии Засецкой, проповеди Редстока: «Мне случилось его тогда слышать в одной "зале", на проповеди, и, помню, я не нашел в нем ничего особенного: он говорил ни особенно умно, ни особенно скучно» [1, с. 98]. Важно отметить, что и Лесков, хоть и проявляет более лояльности по отношению к лорду и его религиозным взглядам, буквально вторит Достоевскому в изображении поведения проповедника перед публикой: «Во время беседы лорд Редсток не прибегает ни к каким театральным приемам протестантских проповедников, а говорит натурально, просто и скучно. Он также очень дурно держит себя во время беседы. Если он говорит с кафедры, то наваливается на борт ее всем туловищем, что выходит весьма некрасиво» [8, с. 120]. Итак, мы видим, что в изображении и Достоевского, и Мещерского, и Лескова лорд Редсток не наделен ни ораторским искусством, ни умом.

Именно Лесков также указывает, что полемика и религиозные диспуты не являются «коньком» лорда Редстока: «...атеистов, мне кажется, он боится. С атеистами лорд Редсток не имеет никаких дел и отказывается от всяких с ними прений: «Это не мое дело, говорит он; мне не дано средств убеждать таких людей и мне за это браться не следует. Они мне будут ставить открытия науки, которые можно видеть или понять, а я им должен буду говорить о невидимом Боге, в которого надо верить, даже не постигая Его: так ничего нельзя достичь» [8, с. 140]. «...Удивительно, – комментирует этот момент Лесков, – <...> что этот человек, имеющий, конечно, уже немалую практическую опытность в деле проповеди, так боится науки и атеистов! <...> из уст просвещенного христианина дико слышать этот страх перед результатами науки, которая сама в себе вовсе не атеистична; а главенство невидимого перед видимым отнюдь не так трудно доказывается, как об этом думает достопочтенный лорд» [8, с. 141]. И здесь напрашивается весьма показательное противопоставление: лорду Редстоку с его боязнью атеистов и науки можно противопоставить Макара Ивановича Долгорукого, который при отсутствии всякой учености (чего нельзя сказать о лорде – ведь должен же был лорд оканчивать какое-либо учебное заведение?) глубоко почитает науку и не видит в ней противоречия с религией: «сызмлада науку почитал, и хоть сам не смыслен, но на то не ропщу: не мне, так другому досталось. <...> Ты же млад и востер, и таков удел тебе вышел, ты и учись. Все познай, чтобы, когда повстречаешь безбожника или озорника, чтоб ты мог перед ним ответить, а он чтоб тебя неистовыми словесами не забросал и мысли твои незрелые чтобы не смутил» [11, с. 288], – такой совет дает Макар Иванович, крепостной дворовый человек, Аркадию. В то время как проповедник лорд «боится атеистов».

В.И. Даль, исследовавший историю сектантства в России, делил лидеров сект на две категории: «Между этими людьми нужно во всяком случае различать два рода лжеучителей: обманщиков и обманутых; первые сами не верили тому, чему учили других, а пользовались только их легковерием для житейских выгод своих; вторые же или были обмануты другими, или сами себя обманывали, находясь в некоторой степени помешательства» [12, с. 14]. Итак, если у Мещерского лорд Хитчик показан как сознательный обманщик, то есть первый тип циничного основателя секты, то у Достоевского и у Лескова лорд Редсток, скорее, представляет собой второй тип, который сам верит в свой дар и в свою миссию. Как пишет Достоевский, «...если он (Редсток – Т. К.) в самом деле искренен и проповедует новую веру, то, конечно, и одержим всем духом и жаром основателя секты» [1, с. 99].

Однако, как ни странно, при разнице взглядов исследуемых авторов на проблему мы видим ряд совпадений в описании сектантских лидеров, в частности лорда Редстока у Достоевского, Мещерского и Лескова. Это:

- 1) превалирование личности над вероучением;
- 2) желание властвовать и манипулировать людьми;
- 3) вместе с тем отсутствие сколь-либо ярких миссионерских и проповеднических качеств;
- 4) введение в транс последователей на собраниях;
- 5) ироничное изображение такого проповедника исследуемыми авторами.

Важно отметить, что секта всегда изолирует человека от общества и отрицает культуру и науку (так, ни один сектантский гуру не был известным писателем, музыкантом или ученым). Именно таковы и лидеры сект у Достоевского, которые при всех своих, возможно, благих намерениях, не могут видеть дальше своей самозамкнутой общины, следовательно, и приводят к поклонению лишь самому себе. Прославленные же в лике святых, напротив, зачастую являются носителями культуры, и их наследие представляет собой историческую ценность. К таковым, например, относятся русские святые: прп. Амвросий Оптинский и свт. Тихон Задонский, ставшие прототипами старца Зосимы в «Братьях Карамазовых». Соответственно, и встречи со святыми и праведниками у Достоевского открывают для героев горизонты служения Богу, Отечеству, научных занятий и саморазвития.

Ссылки / Reference

- [1] Достоевский Ф. М. Лорд Редсток. Дневник писателя, 1876 г. // Собр. соч. Ф.М. Достоевского в 30-ти тт. Т. 22. Л.: Наука, 1981. С. 98–99.
- [2] Карпачева Т. С. Образы сектантов в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2014. Т. 12. С. 252–264.
- [3] Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения с опровержением последнего. Изд. 2. Петроград, 1915. 637 с.
- [4] Н. Б. Новый апостол в петербургском большом свете // Христианское чтение. СПб., 1874, май. С. 116–132.
- [5] Достоевский Ф. М. Миражи. Штунда и редстокисты. Дневник писателя, 1877 г. // Собр. соч. Ф. М. Достоевского в 30-ти тт. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 9–12.
- [6] Ипатов С. А. Достоевский, Лесков и Ю. Д. Засецкая: спор о редстокизме (Письма Ю. Д. Засецкой к Достоевскому) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 16. СПб.: Наука, 2001. С. 409–436.
- [7] К. В. М. Лорд-апостол в большом петербургском свете // Издание книгопродавца М.О. Вольфа. В 4-х тт. СПб., 1876.

- [8] Лесков Н. С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи: Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе. 2-е изд. СПб.: Типография В. Тушнова, 1877. 298 с.
- [9] Плотников К. История и обличение русского сектантства. Изд. 2-е, переработанное. Петроград: Типография М. И. Акинфеева, 1914. 230 с.
- [10] Иванишко И. В., Кулыгин В. В. Противодействие деструктивным культам в Дальневосточном регионе // Власть и управление на Дальнем Востоке, 2008. №2 (43). С. 139–146.
- [11] Достоевский Ф. М. Подросток // Собр. соч. Ф. М. Достоевского в 30-ти тт. Т. 13. Л.: Наука, 1975. 456 с.
- [12] Даль В. И. Исследование о скопческой ереси (доклад министру внутренних дел о деятельности в России изуверской секты скопцов) // Неизвестный Владимир Даль. Ногинск: Российский Остеон-фонд, 2006. 159 с.

УДК 811.111:81'373

Окказиональные антропонимы в
произведении Р. Даля «Чарли и
Шоколадная фабрика»

Е. Ю. Колтышева, Д. А. Смирнова

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: ekoltyshev@mail.ru, smirnova.d.a.1995@gmail.com

Научная статья

В статье рассматривается использование окказиональных антропонимов, особой группы окказионализмов, в сказочной повести британского писателя Р. Даля «Чарли и Шоколадная фабрика». Статья содержит анализ авторских новообразований по типу и модели построения. Приводятся результаты анализа, подчеркивается значимость созданных Далем окказиональных антропонимов и их художественное своеобразие.

Ключевые слова: окказионализм; окказиональный антропоним; Р. Даль; британская современная волшебная сказка

Literary proper names in R. Dahl's
«Charlie and the Chocolate
Factory»

E. Y. Koltysheva, D. A. Smirnova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

This article deals with literary proper names, a peculiar type of nonce words, in «Charlie and the Chocolate Factory» by the British writer R. Dahl. In the article the occasionalisms are analyzed by their type and way of word-building. The results of the analysis are supplied; the importance and artistic originality of the literary proper names are emphasized.

Keywords: nonce word; literary proper name; R. Dahl; British modern fairy tale

Жанр современной британской волшебной сказки немыслим без словотворчества, поскольку новым концептам (то есть, составляющим сказочной картины мира) необходимы названия. Некоторые «новые» слова из английских сказок становятся настолько популярными, что фиксируются в узусе языка – и тогда речь идет о **неологизмах**. Существует группа придуманных авторами-сказочниками новообразований, которая не претендует на закрепление в языковой норме, зачастую встречается лишь в произведении данного автора и не предназначена для воспроизведения в другом контексте. Такие слова называются **окказионализмами**.

Британский писатель Роальд Даль (1916–1990) – всемирно известный сказочник. Его перу принадлежат произведения «БДВ» (1982), «Ведьмы» (1983), «Матильда» (1988) и др. Даля можно считать настоящим мастером окказионального словообразования. Этот автор использует окказионализмы, чтобы дети, читая его книги, усваивали основные модели словообразования [1, с. 199] и учились творчески мыслить, а взрослые по достоинству оценили ироничность этих слов «с двойным дном». В повести Р. Даля «Чарли и Шоколадная фабрика», удивительно богатой окказионализмами, особый интерес представляет группа авторских новообразований – **окказиональные антропонимы**.

Как известно, имя персонажа любого из произведений является неотъемлемым элементом формы художественного произведения, одним из средств, создающих художественный образ [2, с. 195]. Окказиональные антропонимы – это имена, более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные имена, но специфика их заключается в том, что, обслуживая определенный контекст, они не претендуют на то, чтобы закрепиться в языке, войти в общее употребление [3, с. 48].

В данной статье представлен анализ десяти окказиональных антропонимов произведения Р. Даля «Чарли и Шоколадная фабрика», выявленных методом сплошной выборки. На наш взгляд, при детальном изучении данных окказионализмов необходимо обратить внимание на два аспекта: I) тип новообразования (различают фонетические, лексические, семантические и грамматические окказионализмы, а также окказиональные сочетания слов [4, с. 10–13]); II) модель построения новообразования (к ним относят словосложение, семантическую деривацию, аффиксацию, аббревиацию, контаминацию и конверсию [5]).

Все окказиональные антропонимы книги представляют собой имена персонажей, как главных, так и второстепенных.

К основным персонажам книги, чьи имена являются окказионализмами, относятся все дети-участники экскурсии (кроме Чарли) – **Augustus Gloop**, **Veruca Salt**, **Violet Beauregarde** и **Mike Teavee**, а также мать одной из девочек – **Angina Salt**. Всем антропонимам свойственно наличие негативной, саркастической коннотации, которую Даль так или иначе раскрывает в тексте произведения.

Augustus Gloop. Главной составляющей антропонима является фамилия мальчика, слово *gloop*, которое Даль выбрал, как мы полагаем, по двум причинам. Во-первых, *gloop* – реально существующее слово, которое имеет следующее значение: «(noun, informal) sloppy or sticky semi-fluid matter, typically something unpleasant» (букв. «вязкое липкое вещество, как правило, что-то неприятное»). Словосочетание «something unpleasant» (букв. «что-то неприятное») емко и метко характеризует не только фамилию мальчика, но и его самого: это крайне неприятный, жадный, неопрятный и невоспитанный ребенок. Во-вторых, Даль выбирает слово *gloop* [glu:p] по фонетическим причинам: в первой песне Умпа-Лумпов оно прекрасно рифмуется со словом *nincompoop* ['niŋkəmpu:p], которое означает «a foolish or stupid person» (букв. «недалекий, глупый человек, дурачок»): «Augustus Gloop! Augustus Gloop! / The great big greedy nincompoop!» [6, с. 80], и этот прием усиливает негативную коннотацию и неприязнь читателя к герою.

I. Тип окказионализма: смешанный – фонетический и семантический.

II. Модель построения окказионализма: семантическая деривация. Слово *gloop* означает уже не только «sticky matter / something unpleasant», но, благодаря рифмовке, приобретает коннотацию «a foolish or stupid person».

Veruca Salt. И имя, и фамилия этой избалованной девочки представляют собой семантический тип окказионализма. В английском языке не существует слова *veruca*, но зато есть практически идентичное существительное *verruca*, о значении которого читатель узнает непосредственно от Вилли Вонки, когда кондитер путает эти слова: «I always thought that a veruca was a sort of wart that you got on the sole of your foot!» (букв. «Я-то думал, что Верукой называют мозоль на пятке!») [6, с. 60]. Фамилия девочки тоже выбрана неслучайно, хотя в данном случае негативная коннотация, на наш взгляд, отсутствует. Отец девочки владеет фабрикой, где рабочие «are shelling peanuts for roasting and salting» (букв. «лущат орехи, перед тем как посолить их и обжарить») [6, с. 28].

I. Тип окказионализма: семантический.

II. Модель построения окказионализма: семантическая деривация.

Angina Salt. Мать Веруки – единственная из девяти взрослых сопровождающих (за исключением дедушки Джо), чье имя нам известно. К ней в двадцать четвертой главе («Veruca in the Nut Room») обращается ее муж [6, с. 118]. Значение слова *angina* (на русский язык оно может переводиться и как очевидное «ангина», и как «стенокардия») однозначно не вызовет у читателя положительных эмоций.

I. Тип окказионализма: семантический.

II. Модель построения окказионализма: семантическая деривация.

Violet Beauregarde. Главным элементом данного окказионального антропонима является имя участницы экскурсии. Само по себе оно никакой саркастической или негативной коннотации не имеет, однако вдумчивый читатель увидит в нем «намеки» на печальное будущее девочки. В двадцать первой главе под названием «Good-bye Violet» мать девочки, заметив, что девочка начинает превращаться в чернику (и приобретает соответствующий цвет), кричит: «Violet, you're turning violet, Violet!» [6, с. 99].

I. Тип окказионализма: семантический.

II. Модель построения окказионализма: семантическая деривация.

Mike Teavee. Фамилия мальчика является омофоном аббревиатуры «TV» (*television*) и отражает основное увлечение (или, скорее, зависимость) Майка: телевидение. И если при определении типа антропонима сложностей не возникает, то характеристика модели построения вызывает определенные затруднения.

I. Тип окказионализма: фонетический.

II. Модель построения окказионализма не соответствует ни одной из базовых моделей, описанных ранее. Наблюдается очевидное сходство окказионализма со словом «TV» [ti:'vi:], написание которого искажено для образования фамилии мальчика на основе транскрипции. Так, произношению слога [ti:] соответствует реально существующее слово *tea* («чай»), а слогу [vi:] – *vee* («V-образная антенна»), однако, если мы рассмотрим в качестве модели построения словосложение, получившийся окказионализм не будет иметь смысла. Наиболее уместно, на наш взгляд, охарактеризовать модель образования слова *Teavee* как чисто окказиональную (по конкретному образцу).

Имена второстепенных персонажей, представляющие собой окказиональные антропонимы, встречаются в начале повести, когда дедушка Джо рассказывает Чарли о давних конкурентах Вилли Вонки (Mr. Fickelgruber, Mr. Slugworth и Mr. Prodnose) и когда описываются попытки обманщиков (Charlotte Russe и Professor Foulbody) попасть на экскурсию по Шоколадной фабрике. Как и в случае с основными персонажами, практически все имена второстепенных героев (кроме Charlotte Russe) содержат в себе негативную коннотацию.

Mr. Fickelgruber.

I. Тип окказионализма: лексический. В английском языке не существует слова *fickel*, однако есть практически идентичное по написанию *fickle*, что означает «changing frequently, especially as regards one's loyalties or affections» (букв. «непостоянный, ненадежный»). Одно из значений слова *grub* таково: «a young insect which has just come out of an egg and looks like a short fat worm» (букв. «личинка, червь»). В своем сочетании два этих существительных вызывают у читателя лишь неприятные ассоциации.

II. Модель построения окказионализма: словосложение (*fickel* + *grub*) и аффиксация (суффикс -er).

Mr. Slugworth.

I. Тип окказионализма: лексический. Слово *slug* значит «a slow, lazy person». Словообразовательный суффикс *-worth* можно заметить во многих английских фамилиях, например: Ashworth, Farnsworth, Wordsworth и др.

II. Модель построения окказионализма: аффиксация (суффикс *-worth*).

Mr. Prodnose.

I. Тип окказионализма: лексический. Глагол *prod* означает «poke (someone) with a finger, foot, or pointed object» (букв. «тыкать, колоть»). Если объединить данный глагол с существительным *nose*, нам кажется уместным предположить, что словосочетание *prod one's nose* может быть синонимично русскому выражению «везде сунуть свой нос», что значит «проявлять неуместное, нездоровое любопытство».

II. Модель построения окказионализма: словосложение.

Charlotte Russe.

I. Тип окказионализма: фонетический. Данная героиня, которая «claimed to have found the second ticket, but it turned out to be a clever fake» (букв. «заявила, что нашла второй билет, но это оказалась хитрая подделка») [6, с. 26], является мошенницей из России, и ее фамилия в переводе с французского на английский означает «Russian».

II. Модель построения окказионализма: заимствование из другого языка (в данном случае – из французского).

Professor Foulbody.

I. Тип окказионализма: лексический. Одно из значений слова *foul* – «wicked or immoral». Слово *body* означает «the physical structure of a person, including the bones, flesh, and organs» (букв. «тело, разг. человек»).

II. Модель построения окказионализма: словосложение.

Итак, в результате анализа окказиональных антропонимов в произведении Р. Даля «Чарли и Шоколадная фабрика» можно сделать следующие выводы:

1. Определив **типы** окказиональных антропонимов, мы установили, что из 10 новообразований 4 принадлежат к семантическому типу, 4 – к лексическому, 1 – к фонетическому и 1 – к смешанному типу (фонетическому и семантическому). Таким образом, становится очевидным преобладание семантического и лексического типов окказионализмов.

2. Исследование **модели построения** окказионализмов показало, что наиболее частым механизмом словообразования является семантическая деривация (4 окказионализма), способом словосложения образовано 2 окказионализма, с помощью аффиксации – 1, смешанным способом (словосложением и аффиксацией) – 1; отдельно стоит упомянуть другие модели построения, в числе которых – заимствование (1 окказионализм) и чисто окказиональный способ (1 новообразование).

Стоит отметить, что данные, полученные при анализе окказионализмов по типу и модели построения, необходимы для качественной работы по переводу сказочной повести.

В заключение хотелось бы подчеркнуть важность использования окказиональных антропонимов в произведении Р. Даля «Чарли и Шоколадная фабрика»: бóльшая часть имен персонажей (как главных, так и второстепенных) является емкой и меткой характеристикой самих персонажей; имена и фамилии, встречающиеся в повести, – это предельно сжатое описание самого естества героев, их сути. Британский сказочник задействует различные типы и модели образования окказионализмов, чтобы создать такие новообразования, которые подчеркнут ироничное отношение автора к героям, вызовут определенный спектр эмоций (чаще всего, негативных) у читателя и, что также немаловажно, познакомят любителей британских сказок с удивительным и многогранным явлением окказионального словообразования.

Ссылки / Reference

- [1] Викторова Н. А. К вопросу об определении жанровой специфики произведений Роальда Даля для детей // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2011. №2. С. 194–201.
- [2] Пулина Е. А. Окказиональные имена собственные в романе Дж. Джойса «Улисс» и их межъязыковая передача // Пермский государственный фармацевтический вестник. 2007. №3. С. 195–198.
- [3] Яковенко Н. С. О некоторых особенностях окказиональных антропонимов в английских романах В. В. Набокова // МНКО. 2011. №2 С. 48–50.
- [4] Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учебное пособие. Калининград, 1997. 84 с.
- [5] Несветаило Ю. Н. Неологизмы и окказионализмы как конститuentы лексического макрополя современного английского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2010. 26 с.
- [6] Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. L.: Puffin Books, 2007. 156 p.

УДК 81

Семантика слова вежливый в
возрастном языковом сознании

И. А. Стернин

Воронежский государственный университет

E-mail: sterninia@mail.ru

Научная статья

Исследуется развитие значения слова вежливый в языковом сознании детей разного возраста. Показано, что развитие значения идет от аффективного недискретного к рефлексивному дискретному.

Ключевые слова: психолингвистика; значение; возрастные изменения

Semantics of the word polite in age
language consciousness

I. A. Sternin

Voronezh State University

Scientific article

Meaning development of the word polite in language consciousness of children of different age is investigated. It is shown that development of the meaning goes from affective not discrete to the reflective discrete.

Keywords: psycholinguistics; meaning age changes

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Именованное как центральная операция вербальной деятельности человека: происхождение, развитие, сфера действия» №14-06-00174.

Важной проблемой исследования значения как феномена языкового сознания является исследование возрастных изменений психолингвистического значения слова от начала формирования значения в языковом сознании ребенка в 2–3 года до формирования значения взрослого человека. Т. Н. Ушакова обозначает данный процесс термином траектория возрастного изменения значения слова в сознании ребенка [1].

По мнению А. Р. Лурии, у ребенка в раннем возрасте (2–4 года) за словом кроются прежде всего аффективные связи и в семантике доминирует аффективный смысл. В возрастной динамике у дошкольников и младших школьников слово, называющее какой-либо предмет, лишается яркого аффективного значения, а ведущую роль приобретает наглядный образ конкретного предмета, его функции, смысл. И лишь старшие школьники вводят слово в систему иерархически построенных отвлеченных связей, т. е. относят его к определенным категориям [2].

Методика описания психолингвистического значения слова как значения, описанного по результатам психолингвистических экспериментов [3], позволяет сопоставить реальную семную структуру значения разных возрастных групп и выявить траекторию изменений структуры значения в возрастной динамике.

Покажем возрастную динамику значения на примере психолингвистического значения слова ВЕЖЛИВЫЙ в «Ассоциативном словаре школьников Саратова и Саратовской области». Методика описания психолингвистического значения и определения индекса яркости семантических компонентов представлена в [3]. Приводим семантические компоненты с индексом яркости не менее 0,01 (то есть выделенные не менее чем 1% испытуемых).

Вежливый

1–4 классы, 328 ии

Человек 0,18, добрый 0,15, хороший 0,11, вежливость 0,10, воспитанный 0,03, умный 0,03, красивый 0,01, противоположный грубому 0,03, злому 0,01.

5–6 классы, 224 ии

Человек 0,21, хороший 0,11, добрый 0,11, друг, умный 0,03, культурный 0,01, противоположный грубому 0,02, невежливому 0,01.

7–8 классы, 111 ии

Человек 0,44, добрый 0,07, хороший 0,06, воспитанный 0,04, умный 0,03.

9–11-й классы, 107 ии

Человек 0,19, добрый 0,11, умный 0,08, интеллигентный, культурный 0,07, хороший 0,05, воспитанный, элегантный, противоположный грубому 0,03.

Сопоставим отдельные семантические компоненты возрастных значений данного стимула по индексу яркости:

Семантические компоненты	1–4 кл.	5–6 кл.	7–8 кл.	9–11 кл.
человек	0,18	0,21	0,44	0,19
добрый	0,15	0,11	0,07	0,11
хороший	0,11	0,11	0,06	0,05
демонстрирует вежливость	0,10	–	–	–
воспитанный	0,03	–	0,04	0,03
умный	0,03	0,03	0,03	0,08
противоположный грубому	0,03	0,02	–	0,03
противоположный злему	0,01	–	–	–
красивый	0,01	–	–	–
друг	–	0,03	–	ед.
культурный	–	0,01	ед.	0,07
элегантный	–	ед.	ед.	0,03

Обсуждение результатов

Для младшего школьника в значении слова **ВЕЖЛИВЫЙ** преобладает архисема *человек* – у нее самый высокий индекс яркости, ядро семантики слова – сема, отражающая носителя признака.

Ближняя периферия значения образована оценочными признаками *добрый, хороший*. Эти семы, как и периферийные – *воспитанный, умный, красивый*, свидетельствуют об абсолютном доминировании аффективной составляющей значения в данной возрастной группе.

Только у младших школьников представлена яркая «тавтологическая» сема *демонстрирует вежливость*, которая отражает недискретность восприятия вежливости в данном возрасте, неспособность вычлнить отдельные составляющие вежливости. Об этом же свидетельствуют оппозитивные семы – *противоположный грубому, противоположный злему*.

В 5–6 классах ядро значения сохраняется (*человек, добрый, хороший*), яркость семантических компонентов также сохраняется примерно на том же уровне, но «тавтологическая» сема *демонстрирует вежливость* исчезает, как и семы *красивый, противоположный злему*, что свидетельствует о сокращении аффективной зоны значения.

Общее число сем сокращается, появляется уникальная сема «друг», которой не обнаруживается ни в одной другой возрастной группе. Также появляются рефлексивные (абстрактные) семы *культурный, элегантный*.

В 7–8 классе наблюдается резкое, двукратное усиление яркости архисемы *человек* – до 0,44; уменьшение количества сем и существенное снижение яркости всех остальных сем – как аффективных (*добрый, хороший*), так и рефлексивных (*воспитанный, умный*).

В данной возрастной группе можно говорить о наблюдающемся процессе, который можно назвать «примитивизация» значения: заметно снижается яркость дифференциальных сем, в значении в сознании детей данного возраста ослабляется дифференциальная составляющая и значительно усиливается интегрирующая архисема – человек. Причину этого явления еще предстоит установить.

В 9–11 классах снижается в два раза яркость интегрирующей архисемы, изменяется структура ядра – наряду с семой *добрый* в ядро входят рефлексивные семы *умный* и *культурный*, аффективный признак *хороший* уходит на периферию, появляется рефлексивный признак *элегантный*. Значение вновь, по сравнению с предыдущим возрастным периодом, приобретает дифференцирующий характер.

Таким образом, возрастная траектория развития значения слова *вежливый* может быть представлена следующим образом: от недискретного, преимущественно аффективного, многосемного дифференциального значения в 1–4 кл. к менее аффективному дифференциальному значению с меньшим числом семантических компонентов в 5–6 классах, к малосемному слабо дифференциальному и преимущественно интегрирующему значению в 7–8 кл. и к более рефлексивному, менее аффективному дифференциальному значению в 9–11 классах.

Аффективный смысл в семантике слова постепенно уступает место рефлексивным признакам.

Ссылки / Reference

- [1] Ушакова Т. Н. Речь: Истоки и принципы развития. М.: Per Se, 2004.
- [2] Лурия А. Р. Язык и сознание / под редакцией Е. Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- [3] Стернин И. А, Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.

УДК 81

Психолингвистическое описание семантики слова «общение» в языковом сознании школьников

М. В. Шаманова

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: mshamanova@mail.ru

Научная статья

В статье рассматриваются особенности лексикографического и психолингвистического описания значения слова. Показано, что экспериментальные процедуры позволяют выявить психолингвистическое значение слова в языковом сознании носителя языка, которое существенно отличается по объему от его лексикографических описаний. Выявлены особенности психолингвистического значения лексемы «общение» в разных возрастных группах школьников.

Ключевые слова: языковое сознание; лексикографическое значение слова; психолингвистическое значение слова

Psycholinguistic description of word «communication» semantics in language consciousness of schoolchildren

M. V. Shamanova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The article is devoted to the characteristic features of the lexicographical and psycholinguistic description of the word meaning. It is shown that experimental methods permit to find psycholinguistic meaning of the word in the linguistic conscience of speakers that is different from its lexicographical descriptions by the amount. Peculiar properties of psycholinguistic meaning of lexeme «communication» for different schoolchildren age groups are revealed.

Keywords: linguistic conscience; lexicographical meaning of the word; psycholinguistic meaning of the word

Языковое сознание выступает как объект психолингвистического анализа, оформившегося в рамках Московской психолингвистической школы (Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, В. А. Пищальникова и др.).

Е. Ф. Тарасов дает следующее определение языковому сознанию: «Языковое сознание в отечественной психолингвистике трактуется как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [1, с. 26]. Сходной точки зрения придерживается Ю. Н. Караулов: «Речь пойдет не о сознании в широком значении термина, а только о доступной изучению лингвистическими методами вербализованной его части – языковом сознании» [2, с. 178].

Многочисленные исследования в психолингвистике показывают, что лексика в системе языка – это не то же самое, что лексика в языковом сознании. Носитель языка может не знать некоторых слов, употреблять лексические единицы в своем, индивидуальном, значении, со своими оценочными и эмоциональными семами.

И. А. Стернин и А. В. Рудакова в монографии «Психолингвистическое значение и его описание» разграничивают несколько способов описания значений лексических единиц как элементов языкового сознания носителей языка, среди которых:

лексикографическое описание – логически сформулированный лексикографами минимум признаков для узнавания значения слова, ядерные семы слова в представлении лексикографов;

психолингвистическое описание – совокупность семантических компонентов, выявленных или верифицированных экспериментальными приемами разного типа, ранжированных по относительной яркости в языковом сознании носителей языка [3].

Для психолингвистического описания семантики слова «общение» в языковом сознании школьников были выделены три группы испытуемых: младшие школьники – учащиеся 1-х классов, подростки – учащиеся 7–8 классов, старшеклассники – учащиеся 11-х классов.

Среди первоклассников опрос проводился устно. Ответы записывались, затем анализировались. Всего было опрошено 178 человек.

Сначала испытуемым предлагалось ответить на следующие вопросы:

1. Ты знаешь (ты слышал) слова *общение, общаться*?
2. Что обозначает слово *общение*?
3. Общаться – это что делать?

Слова *общение, общаться* не знакомы 12-ти учащимся 1-ых классов, один первоклассник «где-то слышал эти слова», но дать толкование им он не смог. Отдельные учащиеся отрицательно отвечают на вопрос: «Знакомо ли тебе слово *общение*?» Однако на вопрос: «Ты общаешься с кем-нибудь?» – отвечают утвердительно (12 чел.).

Лексема *общение* в большинстве случаев определяется первоклассниками через лексему *общаться*: *общение* – это «когда общаешься с другим человеком», «когда человек общается», «когда люди общаются между собой», «когда один человек общается с другим человеком», «это с ребятами общаться», «когда человек может общаться с другими людьми» (20 человек).

Приведем результаты эксперимента:

Общаться – это... 178: разговаривать 44, играть 19, дружить 16, говорить 13, общаться 4, беседовать; знакомиться; с кем-н. говорить 3, говорить с другими людьми; гулять; когда говорят друг с другом; когда человек дружит с другим человеком; когда человек с человеком о чем-то разговаривает; не драться; помогать 2, встречаться с кем-н.; говорить «здравствуйте»; делать что-то; друг другу помогать; друг другу что-то рассказывать; дружить с кем-то; дружить с человеком; здороваться; игра; играть друг с другом; книжки читать; когда вместе говорят; когда два человека говорят друг с другом; когда дружишь с кем-н. и тебе приятно, тебе хочется говорить; когда друзья приходят к тебе; когда дядя с тетей, подружка с подружкой разговаривают; когда люди разговаривают; когда мы разговариваем о школе; когда разговаривают; когда с кем-то говоришь; когда с ребятами разговариваю; когда ты дружишь; когда хорошо разговариваешь с людьми; когда человек доверяет другому человеку; когда человек дружит; когда человек с каким-нибудь человеком знакомится; надо всегда верить другому человеку; надо дружить; не ссориться, не драться; прыгать; разговаривать о чем-н.; разговаривать с кем-то; разговаривать с человеком; разговор; рассказывать; рассказывать что-н.; с другом беседовать; с людьми разговаривать; со знакомыми людьми разговаривать; ходить вместе; что-н. говорить; если не будешь ни с кем общаться, станешь молчаливым и можешь заболеть, не будешь ни с кем говорить, и придется к доктору идти, и тогда он только вылечит 1. Всего 160 реакций. Нет ответа, «не знаю» (при утвердительном ответе на первый вопрос) – 16.

Таким образом, большинству испытуемых знакомы слова *общение, общаться*, определения общению в ходе опроса были даны испытуемыми, в том числе развернутые, описывающие ситуацию, в которой происходит процесс общения. Отдельные единичные реакции носят предписывающий характер: *надо всегда верить другому человеку; надо дружить; не ссориться, не драться; если не будешь ни с кем общаться, станешь молчаливым и можешь заболеть, не будешь ни с кем говорить, и придется к доктору идти, и тогда он только вылечит*. Такого типа ответы отсутствуют во всех остальных возрастных группах.

Далее мы попросили испытуемых ответить на вопрос: «Общение – какое?» Одну реакцию дали 96 ии, 2 реакции – 17 ии, 3 реакции – 10 ии, 4 реакции – 3 ии.

Результаты эксперимента:

Общение – какое? 178: веселое 50; интересное 27; хорошее 14; разное 12; доброе 9; грустное 6; скучное 5; приятное 4; дружное; злое; плохое; радостное 3; ласковое; полезное; серьезное 2; аккуратное; важное; ты веришь человеку; грубое; гулять; гулять, ходить где-н.; длинное; доверие; дружба; дружеское; дружить; играющее; короткое; любое; неважное; нежное; о динозаврах, о бабочках, о рыбах; о друзьях; о работе, о школе; обычное; по телефону; помогать; простое; развлекательное; можно разговаривать по делам, можно просто рассказать, что было; среднее (поочередно веселое и грустное); ужасное 1. Всего 172 реакции. Отказы – 52.

На основе обобщения результатов эксперимента, по методике, описанной И.А. Стернинным и А.В. Рудаковой [3], были сформулированы психолингвистические значения слова *общение* (*общаться*) в сознании первоклассников в виде связных дефиниций:

1. Разговор с собеседниками

разговор 84 с собеседником 20, при встрече 1 с друзьями 1, знакомыми 1, на различные темы 5, по телефону 1, который предполагает знакомство 4, включает приветствие 2, может быть веселым 53, скучным 5, интересным 27, доброжелательным 12, недоброжелательным 3, полезным 2, серьезным 2, важным 1, не важным 1, развлекательным 1, грубым 1, длительным 1, коротким 1, вызывать доверие 4, грусть 6, протекать без конфликтов 3, является необходимостью 2, оценивается положительно 18, оценивается отрицательно 4.

Всего 265 реакций.

2. Совместная деятельность

совместная деятельность 1, прежде всего игра 23, прогулка 5, может быть направлена на оказание помощи 4, быть полезной 2, сопровождается весельем 53, может вызывать интерес 27, грусть 6, скуку 5, быть серьезной 2, протекает без конфликтов 3, оценивается положительно 18, оценивается отрицательно 4.

Всего 153 реакции.

3. Дружеские взаимоотношения

дружить 27, доставляет положительные эмоции 1.

Всего 28 реакций.

4. Рассказ

рассказывать 3.

Всего 3 реакции.

5. Взаимосвязь с окружающим миром

книжки читать 1.

Всего 1 реакция.

Для описания психолингвистического значения лексемы *общение* в языковом сознании подростков был использован метод субъективных дефиниций.

Испытуемым предлагалось письменное задание: «Продолжите фразу: *Общение – это... (общаться – это...)*. Время на выполнение задания не ограничивалось.

Первоначально проводилось два различных эксперимента на стимулы *общение* и *общаться*, но при анализе материалов экспериментов выяснилось, что полученные реакции различаются не по смысловому признаку, а по грамматическому оформлению (например, *общение – это обмен информацией*, *общаться – это обмениваться информацией*), что позволило объединить результаты экспериментов. В эксперименте приняло участие 125 учащихся 7–8 классов.

Приведем результаты эксперимента (за исключением единичных реакций):

Общение – это... 125: *разговор 27; отдых 10; дружба 8; знакомство; диалог двух людей 4; беседа; диалог; обмен информацией; передача информации; разговор людей; разговор нескольких людей; разговор о ком-либо; разговор о чем-либо; разговор с друзьями 3; доброжелательность; драка; когда люди обмениваются разными*

информациями; любовь; обмен мнениями; понимание; понимание друг друга 2. Всего 224 реакции. Отсутствие ответа – 5.

По данным экспериментального исследования лексема *общение* в языковом сознании подростков имеет следующие значения:

1. Разговор с собеседниками

разговор 100 на какую-л. тему 8 или на разные темы 1 с людьми 71, с использованием вербальных средств 1, предполагает обмен информацией 21, эмоциями 4, советами 1, протекает в компании 3, дает возможность отдохнуть 12, приводит к взаимопониманию 5, предполагает наличие коммуникативных умений 5, дает возможность познания 4, имеет воздействие на другого человека 2, дает возможность проявить личностные качества 1; предполагает встречу собеседников 1, доставляет удовольствие 1, приносит положительный результат 1, интересный 4, откровенный 1, несодержательный 1, дружеский 1.

Всего 249 реакций.

2. Взаимные отношения между людьми

взаимосвязь 6 между с людьми 71, с широким кругом лиц 2, с установлением дружеских 9, любовных 3, конфликтных 4, доброжелательных 2, уважительных 2 отношений, взаимопонимания 5, предполагает наличие коммуникативных умений 5, дает возможность отдохнуть 12, возможность познания 4, возможность проявить личностные качества 1, имеет целью отдых 12, знакомство 5, развлечение 2, проведение времени 1, результатом которой является воздействие на другого человека 2, предполагает соблюдение определенных правил 1, приносит удовольствие 1, дает положительный результат 1, постоянная 2, оценивается положительно 2.

Всего 155 реакций.

3. Рассказ

рассказ 1 на какую-л. тему 8.

Всего 9 реакций.

4. Взаимосвязь с окружающим миром

взаимосвязь 2 с живыми существами 2.

Всего 4 реакции.

Неинтерпретируемые реакции: *когда общаются люди о чем-то 1; когда человек общается с кем-то 1; кто-то общается с другим человеком о чем-н. 1; хорошая учеба 1; идеал человека 1; хорошо общаться с человеком 1.*

Для описания психолингвистического значения лексемы *общение* в языковом сознании старшеклассников также был использован метод субъективных дефиниций.

В эксперименте приняло участие 163 учащихся 11 классов.

Приведем результаты эксперимента (за исключением единичных реакций):

Общение – это... 163: обмен информацией 36; разговор 35; друзья 15; беседа 10; времяпровождение; отдых; понимание 8; взаимоотношения 7; обмен мыслями; обсуждение общих тем; помощь 6; диалог; люди; обмен мнениями; обмен эмоциями; смысл жизни 5; знакомство; интерес; смех 4; выражение чувств; наслаждение; передача информации; познание нового; получение информации; радость; разговор с друзьями; связь; сплетни; человек 3; взаимоотношения между людьми; выгода; вынужденная мера; выразить свои мысли; выражение своих мыслей; дружба; духовный контакт; знания; игра; необходимость; новости; обмен информацией между людьми; обмен мыслями между людьми; обсуждение проблем; обсуждение разных точек зрения; окружающие; повод для контакта с человеком; получение совета; разговор людей; разговор между людьми; расширение кругозора; удовольствие; форма поведения в обществе 2. Всего 336 реакций. Отсутствие ответа – 6.

Лексема *общение* в языковом сознании старшеклассников имеет следующие значения:

1. Разговор с собеседниками

диалог 74 на общую 6 или на определенную 1 тему с собеседниками 65, при встрече 3, на работе 1, с использованием вербальных средств 2, предполагает обмен информацией 52, мнениями 30, эмоциями 10, советами 2, сплетнями 3, опытом 1, приводит к взаимопониманию 10, дает возможность познания 10, является формой проведения времени 8, дает возможность отдохнуть 8, развлечься 1, доставляет удовольствие 6, радость 3, вызывает интерес 4, имеет воздействие на другого человека 1, оставляет впечатления 1, предполагает наличие коммуникабельности 1, коммуникативных умений 1, может быть в письменной форме 1, по телефону 1, способствует развитию личности 1 и развитию речи 1, является тратой времени 1, веселый 4, эмоциональный 2, несодержательный 1, непосредственный 1, опосредованный 1.

Всего 318 реакций.

2. Взаимные отношения между людьми

взаимосвязь 25 с людьми 65 с установлением дружеских 5, духовных 2, конфликтных 1, уважительных 1 отношений, взаимопонимания 10, на работе 1, дает возможность познания 10, возможность проявить себя в обществе 3, влиять на других людей 1, имеет целью отдых 8, оказание помощи 6, знакомство 4, развлечение 1, является потребностью 6, необходимостью 4, доставляет удовольствие 6, радость 3, оставляет впечатления 1, вызывает доверие 1, предполагает наличие общих интересов 1, способствует развитию личности 1, реализуется в игре 2, предполагает наличие коммуникабельности 1 и коммуникативных умений 1, является тратой времени 1, непосредственная 1, опосредованная 1, постоянная 1.

Всего 169 реакций.

3. Взаимосвязь с окружающим миром

взаимосвязь 25 посредством Интернета 1 и книг 1.

Всего 27 реакций.

4. Рассказ

рассказ 1 на определенную тему 1.

Всего 2 реакции.

Неинтерпретируемые реакции: *выгода 2, повод 2, выбор 1, стрела 1.*

Сравним лексикографическое и психолингвистическое значение лексем *общение, общаться*.

Толковые словари русского языка приводят сходные значения данных лексем: *общаться* – «поддерживать отношения, встречаться, иметь общение с кем-л.»; несколько уточняется значение лексемы *общение* – «взаимные сношения, деловая, дружеская связь» [4; 5; 6].

Экспериментальное описание семантики языковых единиц дает возможность выявить значения и семантические компоненты, не зафиксированные другими методами и приемами семантического анализа. По экспериментальным данным слово *общение* имеет несколько значений, отметим, что ядерным является значение «разговор с собеседниками», а в лексикографических источниках лексема *общение* толкуется как взаимоотношения, связь между людьми, и имеет только одно значение. Психолингвистическое описание позволило выявить три коммуникативных значения, не отраженные в современных толковых словарях русского языка: 1) «разговор с собеседниками»; 2) «взаимосвязь с окружающим миром»; 3) «рассказ».

Структура психолингвистического значения лексем *общение, общаться* не совпадает у носителей русского языка разного возраста, в частности у школьников разных возрастных групп.

Ядерной семой во всех возрастных группах испытуемых является сема 'разговор': (яркость семантического компонента указана в процентном отношении к общему количеству реакций, выявленных в эксперименте): младшие школьники – 25,3 %, подростки – 44,6 %, старшекласники – 22 %.

На втором месте по яркости у младших школьников стоит сема 'веселое' (16 %). На третьем месте находится сема 'с друзьями' и 'дружить' (8,1% соответственно), на четвертом – 'игра' (6,9 %).

У учащихся 7–8 классов и 11 классов наиболее яркими семемами являются 'с людьми' (22,8 % и 11,9 % соответственно) и 'обмен информацией' (9,4 % и 15,5 % соответственно).

Во всех группах испытуемых ядерной оказывается семема «разговор с собеседниками».

К ближней периферии у младших школьников относится семема «совместная деятельность», которая в других группах испытуемых не была выявлена. К периферийной зоне относится в этой группе испытуемых семема «дружеские отношения», которая также отсутствует в других группах испытуемых. Психолингвистическое значение лексемы *общение* в сознании младших школьников включает пять семем, помимо перечисленных – «рассказ» и «взаимосвязь с окружающим миром», относящиеся к крайней периферии.

К ближней периферии в группах подростков и старшеклассников относится семема «взаимные отношения между людьми», а к крайней периферии – семемы «рассказ» и «взаимосвязь с окружающим миром».

Таким образом, во всех возрастных группах общение представлено как разговор между людьми. Для младших школьников общение протекает в совместной деятельности, прежде всего, игровой. В более старших возрастных группах понятие общения абстрагируется и определяется как взаимоотношения между людьми. Изменяется значимость общения: от игры (первоклассники) к обмену информацией (подростки и старшие школьники).

В заключение отметим, что данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о том, что экспериментальное описание значения необходимо для установления психологически реальных феноменов языкового сознания носителя языка.

Ссылки / Reference

- [1] Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 24–32.
- [2] Караулов Ю. Н. «Осознавание» как процесс фиксации простейших единиц знания в языковом сознании носителя языка-культуры // Общение. Сознание. Межкультурная коммуникация: сб. статей. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. С. 178–189.
- [3] Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение и его описание: Теоретические проблемы. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
- [4] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство «Астрель»: ООО «Издательство «Оникс», 2012. 736 с.
- [5] Ефремова Т. В. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 2. М.: АСТ: Астрель, 2006. 1160 с.

УДК 821.161.1

Религиозные взгляды героев как
объект изображения в
исторических романах
М. Н. Загоскина

Я. Е. Шарова

*Ярославский государственный университет им.
П.Г. Демидова*

E-mail: morozova5555@yandex.ru

Научная статья

М. Н. Загоскин известен как автор первого русского исторического романа, а его роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» считается первым романом такого типа. В этом и других романах писателя в основе сюжета лежит борьба двух вер, одна из которых православие. Автор статьи предпримет попытку анализа романов М. Н. Загоскина с точки зрения религиозной направленности.

Ключевые слова: М. Н. Загоскин; исторический роман; вера; религия; христианство; православие; язычество; старообрядчество; Бог; юродивый; сюжет; конфликт

Religion views of characters as the
object of image in Zagoskin's
historical novels

Y. E. Sharova

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

M. N. Zagoskin is known as the author of the first Russian historical novel and his novel «Yuri Miloslavsky, or Russian in 1612» is the first novel of this type. There is the struggle between two faiths, one of which is Orthodox, in the plot of Zagoskin's novels. The author attempts to analyze Zagoskin's novels from the point of view of religious orientation.

Keywords: M. N. Zagoskin; historical roman; faith; religion; Christianity; Orthodoxy; Paganism; Old Believers; God; the holy fool; plot; conflict

Русская литература на протяжении всего своего развития была связана с религиозно-философской мыслью. Религиозно-этические элементы в творчестве русских писателей определяли тематику произведений и выбор художественных средств. Многие исследователи касались этой проблемы еще в XIX в. Подтверждение этому находим в библиографическом указателе «Христианство и новая русская литература XIX–XX вв.», составленном А. П. Дмитриевым и Л. В. Дмитриевой. О. Ю. Золотухина в статье «Проблема «Христианство и русская литература» в современной филологии» называет имена основных ученых и философов, которые касались этой темы: И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, К. В. Мочульский, В. В. Зеньковский, А. М. Панченко, Ю. М. Лотман, В. Н. Захаров, В. А. Котельников, И. А. Есаулов, П. Е. Бухаркин, М. М. Дунаев, А. М. Любомудров.

Многие исследователи утверждают, что самое важное в русской литературе – это ее религиозное, православное миропонимание. М. М. Дунаев считает, что изначально литература на Руси возникла как духовная, религиозная, а новая литература созидалась на традициях предшествующих веков, и поэтому главная особенность великой русской литературы в том, что она православная.

О. Ю. Золотухина отмечает, что А. М. Любомудров предлагает дополнить существующий спектр исследовательских направлений еще одним – категорией церковности: «Православным произведением может считаться такое, художественная идея которого включает в себя необходимость воцерковления для спасения. Его герой – либо воцерковлен, либо антицерковен, либо на этапе движения от одного состояния в

другое, либо, наконец, равнодушен к Церкви. Но если нет этой соотнесенности с Церковью, <...> очевидно, говорить о православии неправомерно» [1, с. 99].

Анализируя историческую прозу М. Н. Загоскина, нельзя не заметить в каждом романе писателя «соотнесенность с Церковью», поэтому нам представляется интересным изучить рассматриваемые романы («Юрий Милославский, или русские в 1612 году», «Аскольдова могила» и «Брынский лес») с точки зрения православного миропонимания. В рамках данной статьи мы не ставим перед собой задачу рассмотреть проявление религиозных взглядов самого писателя. Нас интересует религиозная составляющая романов писателя на сюжетном и характерологическом уровне. Многие исследователи творчества М.Н. Загоскина отмечали религиозную направленность романов писателя, но до настоящего времени мы не находим в литературоведении полного анализа произведений М.Н. Загоскина с этой точки зрения. В этой статье мы предпримем попытку именно такого исследования. В. Д. Линьков при анализе жанровой природы романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» отмечал влияние «православной идеологии» на сюжетно-композиционную организацию текста [2, с. 68–72].

На долю первого исторического романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» выпал очень большой успех. Загоскин проводит идею о том, что русская нация во все времена спланивалась служением царю и преданностью православию. В «Юрии Милославском» такое единство представлено в сцене заседания боярской думы в Нижнем Новгороде накануне созыва народного ополчения. Неслучайно и вожаком «шишей», народных партизан, является поп Еремей. Главного же персонажа романа, представителя старого, враждебного народу вотчинного боярства, Загоскин сделал национальным героем, выразителем народных стремлений, решающей фигурой в исторических событиях 1612 года. Даже Козьма Минин перед Юрием Милославским отступает на второй план. Юрий – истинный христианин, он негодует, когда его обвиняют в измене: «Молчи, боярин! – вскричал Милославский с возрастающим жаром. – Это выше всех сил моих! Так, граждане нижегородские! я умер бы, благословляя господа, допустившего меня пролить всю кровь за веру православную. К Москве, верные и счастливые нижегородцы! Спасайте угнетенных ваших братьев! Они ждут вас... Но если не оружием, то молитвами буду участвовать в святом и великом деле вашем. Так, граждане нижегородские! Я удалюсь в обитель преподобного Сергия; там, облеченный в одежду инока, при гробе угодника божия стану молиться день и ночь, да поможет вам господь спасти от гибели царство Русское. Юрий замолчал; крупные слезы градом катились по лицу его» [3, с. 144].

В Библии читаем, что вероисповедание – это и есть вера и доверие. Это человек, который получает спасение от Бога как подарок [4]. Мы считаем, что Загоскин представляет нам войну между русскими и поляками не только как освободительную, каковой она и была, по мнению современных историков, но и последовательно воспроизводит «народный силлогизм истории», т. е. то, как осознает простой народ происходящие события. А для русского народа это война двух вер, точнее православной веры и безверия. Герои романа – русские люди – не разводят понятия «русская» и «православная», герои постоянно упоминают бога в монологах и диалогах.

М. Н. Загоскин представляет нам многообразие словоупотреблений русскими людьми данных слов: «как бог помиловал» – хорошее завершение чего-либо; «бог с тобою!» – выражение недоумения, осуждения, протеста; «побойся бога!» – (разг.) имей совесть, постыдись; «все божье, да наше» – все под божественным покровом; «как бог еще терпит» – о чем-то плохом, ужасном; «зги божьей не видно» – очень темно; «ведает один господь» – никто не знает; «слава тебе господи!» – выражение удовлетворенности; «видит бог» – о чем-то явном, не скрытом; «с богом» – пожелание успешного начала; «ах ты господи боже мой!» – выражает удивление, восторг, негодование и другие чувства; «правосудный боже» – подчеркивается справедливость бога, выражает удивление, испуг.

Для русских людей Иисус Христос – это царь небесный, они доверяют и надеются только на него, а крест для них – символ охраны и удачи, божьего благословения: «Отдаем все наши имущества! Умрем за веру православную и святую Русь! – загремели бесчисленные голоса. – Нарекаем тебя выборным от всея земли человеком! Храни казну Нижегородскую! – воскликнул весь народ».

«Царю небесный! Утешителю, Душе истинный!» – и Минин, а вслед за ним все граждане преклонили колена. Когда ж, благословляя оружие христоролюбивого войска, благочестивый архимандрит Феодосии, возведя к небесам взор, исполненный чистой веры, возгласил молитву: «Господи боже наш, боже сил! Сильный в крепости и крепкий во бранех...» – народ пал ниц, зарыдал, и все мольбы слились в одну общую, единственную молитву: «Да спасет господь царство Русское!» [3, с. 131]. Своих врагов русские называют иноверцами, христиане не понимают, как бог терпит людей, которые стреляют в иконы?! Русский народ обращается к богу в трудные минуты жизни. Это единственное, по их мнению, спасение, народ уходит от земной действительности и ищет спасения в другом мире – в мире небесном.

Колоритна в романе и фигура юродивого – Мити. Под «юродивыми» принято понимать людей, руководствовавшихся словами апостола Павла «мы безумны (древнерус. «юроди») Христа ради» и принявших один из подвигов христианского благочестия – юродство о Христе. Дар пророчества приписывается почти всем юродивым. Прозрение духовных очей, высший разум и смысл являются наградой за поправление человеческого разума.

Юродство – это особый чин мирской святости, добровольный христианский подвиг из разряда так называемых сверхзаконных, не предусмотренных церковными уставами. Юродивый повторяет жертвенный подвиг Христа. «Подражание крестному пути и делает подвиг юродства «сверхзаконным» в представлении агиографов – труднейшим и славнейшим, венчающим лестницу христианского подвижничества: «...выше естества нашего подвизася» [5, с. 88], – объясняет А. М. Панченко в книге «Смех Древней Руси», одна из глав которой посвящена изучению феномена древнерусского юродства.

М. Н. Загоскин так описывает нам этого человека: «Двери отворились, и человек средних лет, босиком, в рубище, подпоясанный веревкою, с растрепанными волосами и всклоченной бородою, в два прыжка очутился посреди комнаты. Несмотря на нищенскую его одежду и странные ухватки, сейчас можно было догадаться, что он не сумасшедший: глаза его блистали умом, а на благообразном лице выражалась необыкновенная кротость и спокойствие души» [3, с. 90]. В речи Митя часто упоминает о боге, первый раз мы слышим из его уст слово «Аминь!», когда он благословляет законного русского православного царя. Речь юродивого полна пословиц и поговорок: «Молись на все четыре стороны, никто не помешает; а смерть придет, как бог велит... Ты думаешь – со двора, а голубушка – на двор: не успеешь стола накрыть...; Береги денежку на черный день!; Бедненький ох, а за бедненьким бог!; Стерпится – слюбится!» [3, с. 90].

Неслучайно боярин Кручина-Шалонский умирает в доме юродивого: Митя наставляет его на путь истинный, советует боярину помолиться, попросить прощения у господина за все свои грехи. М. Н. Загоскин сравнивает слова юродивого с каплей благотворного дождя: «Как истомленный жаждою в знойный день усталый путник глотает с жадностью каждую каплю пролившего на главу его благотворного дождя, так слушал умирающий исполненные христианской любви слова своего утешителя» [3, с. 214]. Митя не держит зла на боярина, он хочет приблизить его к богу, к истине – в этом его миссия на земле. Боярин Кручина-Шалонский ушел из жизни как праведник благодаря Мите.

С. Т. Аксаков, по мнению М. А. Горбатова, высоко оценивал художественный и нравственный потенциал образа Мити: «Это характер очень трудный: малейшее несоблюдение меры, в ту или другую сторону, уничтожило бы его высокое достоинство. Чувство любви христианской и религиозного настроения, которыми постоянно был проникнут сочинитель, перешли на бумагу» [6, с. 171–172]. Сам М. Н. Загоскин признавался в письме П. А. Корсакову: «Я не сомневаюсь, убежден, верую, что мой первый роман обязан своим успехом именно религиозному чувству, которым он согрет <...> Я полагаю, что религиозность в романе состоит в том, чтоб при всяком удобном случае напомнить читателю, что земная жизнь есть не цель, а только средство к достижению цели; что без христианской религии нет истинного просвещения <...> одна только вера во Христа дает человеку возможность быть истинно добродетельным: все это – видит бог – может быть, очень дурно, – но я стараюсь выполнять во всех моих сочинениях» [7, с. 737].

В романе «Аскольдова могила» изображается эпоха Владимира – эпоха двойственного состояния веры, борьбы христианства с язычеством. Причем христианство в сюжете романа еще не было принято, не многие люди еще знали и веровали в Господа, поэтому на страницах романа преобладают имена языческих славянских богов, также встречаются и имена богов варяжских, но не из греческой или римской мифологии. Это опять же отражает уровень самосознания людей того времени. Например: Перун, Велес, Дид, Лада и т.д. Эти и другие имена славянских богов часто звучат в речи героев романа, например, Стемида: «Вот в самый Велесов день, близ Долобского озера, она попалась в руки к пьяным посадским...» [8, с. 28].

М. Н. Загоскин описывает нам обряд жертвоприношения Лютобору как любимцу верховного жреца Богомила, но обряд не закончен, потому что Владимир приказал прекратить его. Здесь вступает в борьбу христианство, и значительным эпизодом становится смерть двух христиан от рук язычников: «– Сын мой, – сказал он торопливо, – смотри, смотри! Он грядет с востока... Он простирает к нам свои объятия... О, Искупитель! – воскликнул Феодор, прижав к груди своей Иоанна.– Се аз и чадо мое!– И в то же самое мгновение пламенный луч солнца, прорезав густые лучи, облил ярким светом просиявшие лица отца и сына» [8, с. 95]. На протяжении всего романа мы встречаем мало упоминаний имени Иисуса Христа. Чаще его называют спасителем, искупителем.

Мы обратили внимание на имена простых героев – Феодор, Иоанн – «высокие» варианты, которые сейчас уже не используются и в 19 веке тоже, – элемент острашения, с одной стороны, а с другой стороны, Загоскину важно подчеркнуть и то, что они христианские. По этому принципу «имени» мы можем поделить героев на язычников и христиан. Язычники: Фрелаф, Ярополк, Рогнеда, Стемид. Христиане: Феодор, Иоанн, Алексей, Владимир, Всеслав, Надежда, Святослав, Тороп, Любаша. По этому списку уже видно, что для автора корни «слав», «свят» связаны с христианством, хотя на самом деле они древнее. Из общего списка имен христиан выбивается только одно – Тороп. Скорее всего, это имя-прозвище, что было характерно для тех времен. Язычники называют Христа Чернобогом. Все это показывает уровень сознания язычника, его «черный», «мрачный» разум.

И в следующем романе «Брынский лес» в качестве исторической эпохи М. Н. Загоскин вновь выбирает трудное время для страны: раскол власти и раскол церкви. Считалось, что в Брынском лесу прятались тогдашние раскольники. Автор выносит место действия в заглавие романа. Можем предположить, что проблема состояния веры, а точнее борьба православия и расколичества, волновала М. Н. Загоскина больше, чем проблема власти. Старообрядство возникло в середине XVII века в ответ на унификацию богослужения и церковных текстов. Вместе с христианством Русь приняла из Византии богослужение и уставные тексты. Но за несколько веков возникло много различий и различий в обрядах. Рассмотрим, как изображается борьба православия и расколичества в сюжете романа, в системе персонажей и каково отношение повествователя к раскольникам и православным.

По сюжету раскольники несколько раз проигрывают православным. Первый раз во время сбора в Грановитой палате. Раскольники, возглавляемые Никитой Пустосвятом, «вместо того, чтоб слушать с должным уважением слова своих духовных пастырей или, по крайней мере, возражать им с кротостью и приличием, подняли такой неистовый крик, что заглушили совершенно речи архипастырей и не давали им выговорить ни слова» [9, с. 37]. Но, когда юный Петр указал стрельцам, не принадлежавшим к расколу, взять «этих крамольников», стрельцы, державшие сторону расколичников, выдали их с руками. Позднее по сюжету романа мы узнаем о смерти Никиты Пустосвята.

Ведущим в романе является любовный сюжет, а история служит фоном для развертывания этого сюжета. В основе любовного конфликта также лежит борьба православных и расколичников. Главный герой романа – Левшин – влюблен в дочь расколичника – Софью. Герой вместе со своим верным слугой Ферапонтом решают украсть Софью, чтобы Дмитрий смог с ней обвенчаться без отцовского благословения. После венчания узнается, что Софья вовсе не дочь расколичника, а потерянная дочь православного человека.

Борьба православия и раскольников лежит и в основе второго конфликта романа – политического: юному Петру I противостоит царевна Софья, которая благоволит раскольникам. Герои осуждают царевну и надеются в конце романа на светлое будущее во главе с государем Петром Алексеевичем. Автор выстраивает сюжет таким образом, что православные играют значительную роль в судьбе главного героя, а раскольники пытаются навредить ему. Так, раскольники украли Левшина, разлучив его с любимой, а православие соединило Левшина с Софьей узами брака.

Понять отношение повествователя к раскольникам мы можем через авторскую иронию и благодаря герою-резонеру – юродивому Грише. На протяжении всего романа Гриша осуждает раскольников, как и автор, Гриша иронично относится к раскольникам, говоря о событии в Грановитой палате: «Вот, подумаешь, шли в Кремль, как на праздник, чинно, шажком, с иконами, а из Кремля-то... у!.. батюшки!.. словно дождь – все в рассыпную!» [9, с. 41]. Мы считаем, что юродивого можно назвать героем-резонером, именно его устами повествователь говорит в свойственной ему (повествователя) манере – ироничной.

Таким образом, борьба православия и раскольников лежит в основе любовного и политического конфликтов в романе М. Н. Загоскина «Брынский лес». Проанализировав три романа писателя, можем сказать, что в каждом романе в основе сюжета лежит борьба двух вер и в развязке во всех трех произведениях побеждает православие. Кроме того, религиозность проявляется и на бытовом уровне (в употреблении в речи фраз типа «дай бог»), и на характерологическом. М. Н. Загоскин в анализируемых нами романах продолжает сложившуюся традицию своих предшественников в понимании народности: в это понятие входит не только этический идеал, но и психология русского человека, и его вера в бога. Историческое предстает перед нами как национальное, как «народный силлогизм истории», который органично включает в себя такую категорию, как вера. Писатель проводит мысль о том, что вера всегда спланивала русских людей, была для них спасением. Данная идея проходит через все творчество М. Н. Загоскина.

Ссылки / Reference

- [1] Любомудров А. М. Церковность как критерий культуры // Христианство и русская литература. Сб. 4. СПб: Наука, 2002. С. 87–109.
- [2] Линьков В. Д. Роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»: жанровый генезис // Культура и текст [сб. ст]. СПб. [Б. и.], 2001. С. 68–72.
- [3] Загоскин М. Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. М., 1989. 336 с.
- [4] Библия.
- [5] Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех Древней Руси. Л., 1984. 295 с.
- [6] Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Правда, 1966. Т. 4: статьи и заметки. Избранные стихотворения. Записки об уженье рыбы. 345 с.
- [7] Загоскин М. Н. Брынский лес. Фонд им. И. Д. Сытина, 1993. 464 с.
- [8] Загоскин М. Н. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1987–1988. 843 с.
- [9] Загоскин М. Н. Аскольдова могила. М.: Современник, 1989. 638 с.